

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ

октябрь 94

4

НОВАЯ

американская фантастика

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Лариса Михайлова	3	ЗАВОРОТЫ ИСТОРИИ
-------------------------	----------	-------------------------

ПРОЗА

Брэдли Дентон	5	ТЕРРИТОРИЯ
<i>Перевод Т. Венедиктовой</i>		

Стивен Атли	59	ОСТОРОЖНО! ОГЛЯНИСЬ!
<i>Перевод Т. Волковой</i>		

Д. Уильям Шани	72	С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЫ ВСЕ СДВИНУЛИСЬ ВЛЕВО
<i>Перевод Т. Волковой</i>		

Джерри Олшен	91	А ЧУЖАЯ ТРАВА ВСЕ РАВНО ЗЕЛЕНЕЕ..
<i>Перевод Ю. Соколова</i>		

Майкл Кэссат	113	ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ НА МАРС
<i>Перевод Д. Налепиной и Л. Михайловой</i>		

ОБЗОР

Ольга Спнцына	131	ВЗГЛЯД В ЗЕРКАЛА И ОБРАТНО
----------------------	------------	---------------------------------------

ИНВАРИАНТ

Алексис де Токвиль
Перевод В. Олейника

153

**ДЕМОКРАТИЯ В
АМЕРИКЕ. Ч. 1**

БИБЛИОГРАФИЯ

Татьяна Добрусина

190

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ФАНТАСТЫ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1993
ЧАСТЬ 3**

ХРОНИКА. ОБЪЯВЛЕНИЯ

ISSN

© Mercury Press, Inc. All rights,
including translations into other lan-
guages reserved.

© «The Magazine of Fantasy and
Science Fiction. Сверхновая амери-
канская фантастика», 1994.

Издание осуществляется по договору с «Mercury Press, Inc.»

Главный редактор: Лариса Михайлова

Редакция: Ольга Спицына, Татьяна Горшунова, Татьяна Добрусина

Обложка: Брина Барнарда

Иллюстрации: Владимир Подколзин

Оригинал-макет и верстка: Сергей Степаниденко

Корректоры: Наталья Усольцева, Ирина Ромашова

Адрес издателя: 103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ
«Ладомир».

Адрес редакции: 107076, Москва, Б-76, а/я № 3. Тел. редакции:
963-76-94

*Несанкционированная перепечатка не допускается и преследуется по
закону.*

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Лариса Михайлова

ЗАВОРОТЫ ИСТОРИИ

Часто приходится в нашей жизни сожалеть: а вот кабы не случилось того, что произошло. Может, и впрямь настала бы азимовская Вечность с ее бесконечной стабильностью? Ну, пусть не Вечность, тем более что ей пришел закономерный Конец, но все же крепнет уверенность, особенно у тех, кто задним умом крепок, что следовало бы сделать по-иному.

Альтернативные иномиры с неосуществившимися вариантами истории стали в последние лет десять весьма заметной частью современной фантастики. И надеемся, в приложении к «Сверхновой» нам еще удастся познакомить читателей с развернутыми версиями несбывшихся вариантов истории на нашей планете: как если бы, скажем, Римская империя распространила свое владычество на Новый Свет, если бы татаро-монголы захватили Европу... А пока, на страницах четвертого номера, представим вашему вниманию несколько версий альтернативных миров с менее глобальными отличиями.

Для американцев одним из ключевых моментов истории, несомненно, продолжает оставаться война Севера и Юга, результатом которой стала отмена рабства – буквально через несколько лет после отмены крепостного права в России. Да только вот США продвинулись... известно насколько, – а Россия... Может быть, понятнее станет почему, если вместе с Брэдли Дентоном и Стивеном Атли взглянуть в ту сторону, куда не завернула американская история. Надежным проводником

по неведомой области станет Алексис де Токвиль: фрагменты из его книги «Демократия в Америке», знаменитой среди специалистов, но далеко еще не вошедшей в культурный обиход у нас, мы помещаем в рубрике «Инвариант».

Уэллсовская зеленая дверца в стене вела в параллельный мир. Примерно с тех пор варианты невероятного, фантастического мира, сосуществующие на нашей Земле, обрели множество измерений, к которым генеалогически и восходит относительно новая ветвь НФ – альтернативные миры. Вовсе не всегда они серьезны, шутовству и пародийности есть где разгуляться на многочисленных пересечениях двойных линий и взаимных отражений. Чужая трава кажется при этом все равно зеленее героям Дж. Олшена, занятым сутубо личными проблемами.

Бесконечный ряд всех и всяческих отражений предстает в обзорной статье номера «Взгляд в зеркала и обратно» Ольги Спицыной, в коей делается очередная попытка рассмотреть инверсию реальности как базовый творческий метод фантастики.

Стройте свою реальность так, как... хочется? Ведь выбор мы делаем ежедневно на каждом шагу.

Перед вами возможная версия появления на свет Божий писателя Марка Твена: «Мер-р-ра два-а-а» — по-английски, «марк твен» — оглушительно кричит на весь мир в финале герой рассказа Брэдли Дентона, обретая свое, ставшее впоследствии знаменитым, новое имя.

Когда канзасец Брэдли Дентон в середине 70-х годов изучал историю своего штата в университете, то был потрясен одной из наиболее трагических ее страниц: в 1863 году во время партизанского рейда южан с лица земли был стерт город Лоренс. Впоследствии, размышляя, возможно ли было предотвратить кровавые события, писатель неожиданно понял, что единственным человеком, способным на это, мог стать бывший капитан парохода на Миссисипи Сэмюэль Клеменс. Примкнув в 1861-м к отряду партизан в Миссури, будущий Марк Твен вскоре дезертировал и вместе с братом подался на Дальний Запад. А если бы нет...

Брэдли Дентон

Территория

Сэм проснулся и сразу вскочил, с трудом переводя дух. Грудь сдавило, как стальными обручами, а сердце бешено колотилось, словно рвалось наружу. Он глотнул воздух и закашлялся: пыли — не продохнуть. На свету, который едва проникал сквозь щели в заброшенный амбар, плясали полчища пылинки.

Из полутьмы по соседству проступила костлявая фигура Флетчера Тэйлора.

— Какого черта? — простонал он, приподнявшись на локте.

— Пошел к дьяволу, — буркнул спросонья человек, лежавший подле Тэйлора.

— Я тебя сейчас pošлю! — огрызнулся Тэйлор.

— А я тебя — еще дальше!

— Дайте, черти, поспать, не то я вас всех уделаю так, что долго помнить будете! — истошно завопил еще чей-то голос.

— Чтoб вам провалиться!

Тэйлор погрозил Сэму кулаком:

— Черт-те что поднялось, а все ты.

Сэм надел новую широкополую шляпу, подарок Тэйлора, натянул сапоги и встал, подбирая кожаные седельные сумки, которые клал под голову вместо подушки.

— Мне чертовски жаль, — сказал он сразу всем и отправился к выходу, умудрившись по дороге наступить не более чем на четыре или пять из множества беспорядочно валявшихся тел.

Уже светало, но солнце еще не поднялось. Сэм высморкался, прикрыв пальцем сперва левую ноздрю, потом правую, стараясь избавиться от набившейся внутрь пыли. Земля была сухая. Гроза вроде собиралась накануне вечером, но прошла мимо, не пролив ни капли дождя. Можно было отлично поспать на открытом воздухе. А так голова просто раскалывалась. С тех пор как он ушел с реки, он не раз уже ночевал по амбарам да сараям, но привыкнуть к этому так и не смог. Он вспомнил, что через три месяца ему стукнет двадцать восемь, и решил, что староват уже для походной жизни.

В лагере почти все спали, но кое-где уже развели костры и варили кофе. Один из костровых махнул рукой, подзывая Сэма, но он мотнул головой в сторону рощи сикомор, которая в лагере служила уборной. Парень кивнул.

Сэм вошел в рощу, и уже через двадцать шагов запах цикория и дыма был перебит ужасающей вонью — две недели сотни мужчин справляли здесь большую и малую нужду. В это утро воняло даже хуже, чем обычно, потому что накануне в лагерь пришло пополнение добровольцев. Но сейчас, по крайней мере, Сэм был в роще один.

Справив нужду, он зашагал через рощу дальше к востоку, пока вонь не выветрилась, а деревья не поредели. На опушке он сел, привалившись спиной к стволу сикоморы, и открыл одну из седельных сумок. Оттуда вытащил кольт и положил подле себя на землю, потом достал перо, баночку с чернилами и футляр из оленьей кожи — в нем лежал его дневник. Он листал тетрадку, пока не дошел до чистой страницы, затем откупорил баночку с чернилами, окунул перо и начал писать.

«Вторник, 11 августа 1863 года.

Снился тот же сон, точнее, один из вариантов. На этот раз я подхожу к мертвецу и узнаю в нем брата Генри.

Проснулся с мыслью: это по моей вине Генри оказался на борту «Пенсильвании» в момент взрыва. Потом стал думать, какой же я был осел, что попросил молодого и неопытного фельдшера дать ему морфий.

Но я бы и сам оказался на «Пенсильвании», если бы не происки Уильяма Брауна — единственного, кажется, человека, который в том смертоносном хаосе из железа, дерева и пара получил по заслугам. Что касается морфия, то сам доктор Пэйтон советовал мне попросить у ночного лекаря восьмую часть грана, если Генри будет беспокоен. Если фельдшер дал слишком много, это ведь не моя, а его вина. Перечитал и вижу, что вконец очерствел. Впрочем, уже пять лет прошло с той ночи в Мемфисе, за эти годы я навиделся всякого, и часы, проведенные подле умирающего Генри, уже не кажутся мне столь ужасными, по крайней мере днем, пока я не сплю».

Из лагеря донесся выстрел, за ним — крики и проклятия разбуженных людей. Кто-то прикончил крысу или белку и теперь, пожалуй, сильно жалел, что не позволил несчастному зверьку лишний денек пожить на свете. Эти обыкновенные добродушные деревенские ребята с Миссури стали злыми, как дикие кошки. Пули они, как правило, берегли для синеглазых, зато друг на друга не жалели кулаков и пинков.

«Еще хуже бывает, — продолжал Сэм, — в те ночи, когда у мертвеца лицо Ориона. Орион был ворчун и зануда, как всякий неудачник, к тому же республиканских убеждений, но он был мой брат, и, возможно, в моих силах было его спасти».

Сэм остановился, перекатывая перо между пальцами. Он поднял глаза от бумаги и долго, пока не заболели глаза, глядел на светлеющий край неба на востоке. Потом окунул еще раз перо и продолжал писать.

«В памяти все так же свежо и страшно, как если бы это случилось не два года, а два дня назад. Я мог бы отбиваться от красноногих заодно с Орионом и другими ребятами. У меня же

был «смит-и-вессон» седьмого калибра. Если бы я пустил его в ход, я спас бы жизнь Ориону либо погиб вместе с ним. И то и другое было бы почетно, но ни на то, ни на другое я не решился. В решающий момент я предпочел сдаться и отдать оружие, — один из красноногих еще смеялся, мол, это счастье, что я не стрелял, потому как от такой пули шкура портится будь здоров. И в подтверждение своих слов пальнул сначала в возничего, потом в кондуктора, потом в мистера Бемиса, потом в моего брата.

Когда Орион лежал при смерти, красноногий попытался застрелить и меня, но револьвер дал осечку, а я бросился бежать. Двое красноногих меня поймали, отняли часы, а потом отпустили, сказав, что миссуриец вроде меня для их дела выгоднее живой, чем мертвый. И я опять бежал, в очередной раз проявил трусость, уже и так для всех очевидную».

Сэм опять остановился. Рука ходила ходуном, едва ли он сможет прочесть свои каракули. Впрочем, разве он мог забыть то, что там написано?

Он вытер лоб рукой, перевернул страницу и вновь окунул перо.

«Я не в силах был спасти Генри, но Орион, достань у меня мужества, мог бы еще жить и жить, целый и невредимый, на Территории Невада. И я бы тоже не болтался здесь, в Блю-Спрингс, а жил бы себе припеваючи в горах Дальнего Запада, вместо того чтобы мыкать лихо в Западной Миссури.

Я остался в Миссури, чтобы искупить свой грех, но за два года ровно ничего для этого не сделал. Теперь, когда я оказался в графстве Джексон и присоединился к отряду полковника, мне, может быть, больше повезет.

В самом начале войны я провел три недели в отряде Мэрионских Разведчиков — ребят-добровольцев из моего графства. В партизанских действиях тогда ощущалось не больше нужды, чем в словаре птичьего языка. Это уже потом я пересек весь штат, оказался в Канзасе и столкнулся с красноногими. Уже потом я видел, как расстреливают в упор моего брата, как будто он — соломенная мишень.

Вот уже несколько недель я не получаю писем — ни от матери, ни от Памелы или Молли, хотя сам стараюсь писать им как

можно чаще. Означает ли это, что они от меня отреклись, или их письма просто не доходят? Постараюсь разобраться в этом, когда покончу с нынешним делом, если только оно не покончит со мной».

Сэм положил дневник на землю и вытер о траву запачканные чернилами пальцы. Потом заглянул в баночку и увидел, что она почти пуста. Он решил не покупать чернил впрок, пока не станет ясно, что он проживет еще достаточно долго и сможет их использовать.

Солнце поднялось, и лучи его теперь били Сэму прямо в лицо. День обещал быть жарким. Из лагеря донесся еще один выстрел, за ним — опять вопль, на этот раз вполне жизнерадостный. Ребята проснулись и изготовились для дела.

Сэм сунул дневник в футляр, а его и все прочее — в седельную сумку. Он встал, потянулся и побрел назад, к лагерю полковника Квонтрилла.

Выйдя из рощи сикомор, Сэм увидел, что у палатки Квонтрилла собралась толпа человек в пятьдесят или шестьдесят. Палатка была открыта, и собравшиеся, хоть и держались на почтительном расстоянии, все норовили заглянуть и подслушать разговор, происходивший внутри. Позади толпы стоял Флетчер Тэйлор, почесывая редкую бородку.

— Доброе утро, Флетч,— приветствовал его Сэм, подходя,— как спалось?

Тэйлор покосился хмуро.— Ни к черту, по твоей милости.

— Не стоит благодарности.

— Молчи, и так плохо слышно.

— А что слышно?

— Сам знаешь. Полковник готовит налет. Почти все ребята бьются об заклад, что на Канзас-Сити, но я ставлю деньги на Лоренс.

Сэм кивнул.

— Я слышал, что полковник задумал преподать урок Лэйну и Лоренсу еще в ту пору, как сам там квартировал.

Человек, стоявший впереди Тэйлора, оглянулся на них обоих.

— Я бы тоже не прочь проучить Джима Лэйна,— сказал он,— но я не сумасшедший, и полковник, надеюсь, тоже. От

границы до Лоренса сорок миль, и синебрюхих там — что мух на дохлоп оппосуме. Это чистое самоубийство.

— Точно, — согласился Сэм.

Его собеседник удивленно приподнял брови.

— Это как — так? Ты что-то знаешь?

Сэм пожал плечами и ничего не ответил. Две ночи тому назад во сне он видел, как полковник Квонтрилл, весь объятый пламенем, въезжает в Лоренс во главе толпы вопящих и стреляющих людей. Он угадал, что это Лоренс, потому что все обитатели города были похожи на газетные карикатуры сенатора Джима Лэйна и все, как один, были одеты в красные штаны. Сэм верил снам, особенно таким ясным. За несколько дней до взрыва «Пенсильвании» ему приснился Генри, лежащий в гробу, а перед тем, как ему и Ориону выезжать из Сент-Джозефа, приснился Орион, мертвый, в дорожной пыли. Но с этими ребятами толковать о снах бесполезно. Многие из них и так считали Сэма Клеменса тронутым — еще бы, если такую пропасть первоклассной бумаги он берег не для подтирки, а на писанину.

— Вот и я говорю, — закивал их собеседник, приняв Сэмово пожатие плечами за утвердительный ответ. — Канзас-Сити тоже надо бы задать жару, и ведь есть где спрятаться после дела.

Тэйлор что-то соображал про себя.

— Спору нет, — согласился он, — одно дело нагрнуть в гости к сенатору Лэйну, другое — убраться потом восвояси.

Сэм молчал. Какая теперь разница, кто из них что думает. Они будут лить пули и делать патроны, пока им не укажут, куда стрелять, в Лоренсе или еще где — все равно, даже лучше, если в Лоренсе, ведь канзасские разбойники и красноногие, которые их грабили, жгли их дома, убивали их братьев, обижали их женщин, в большинстве были родом из Лоренса либо приверженцы Джима Лэйна. Если Квонтрилл объединит под своей командой несколько добровольческих отрядов, у него хватит людей, чтобы атаковать Лоренс и отбиться от федералистов по пути туда и обратно.

Из палатки вышел капитан Джордж Тодд и прищурился на солнце. Этого высокого блондина с квадратной челюстью многие боготворили не меньше, чем Квонтрилла. На нем был трофейный голубой мундир, снятый с убитого лейтенанта-северянина.

— Ну что, капитан, куда? — выкрикнул кто-то из толпы.

Тодд обвел собравшихся строгим взглядом.

— Боюсь, что никуда, если вы, ребята, будете здесь толпиться, что больные овцы, когда ружья не чищены и упряжь не чинена.

С ворчанием начали расходиться.

— Флетч Тэйлор! — гаркнул вдруг Тодд. — Где ты ни есть, двигай сюда!

Повернулся и опять зашел в палатку.

Сэм пихнул Тэйлора локтем в бок.

— С чего это благородный вождь Джордж Тодд зовет тебя, разбойника и вора? — поинтересовался он.

Тэйлор ухмыльнулся.

— Он, вишь ты, велел мне следить в оба за шпионами янки, — сообщил он доверительно, — небось попросит назвать имена — вот хоть твое, к примеру.

И он пошел к палатке.

— Подумаешь, напугал! — прокричал ему в спину Сэм. — Он же попросит назвать имя по буквам, тут ты и срезался!

Тэйлор вошел в палатку, и кто-то задернул полог. Сэм постоял еще немного, потом зашагал через лагерь в поисках еды. И что это Квонтрилл и другие командиры так долго обсуждают? Почему держат все планы в тайне от бойцов? Этого он никак не мог понять. Удар по Лоренсу и красноногим особо и планировать нечего: налететь как молния, разнести в пух и прах штаб красноногих и гарнизон северян, потом быстро убраться восвояси с остановкой разве что у дома Джима Лэйна, чтобы его запалить в отместку за десятки сожженных домов в Миссури.

И напрасно они секретничают, опасаясь рядовых: шпионов среди ребят Квонтрилла не больше, чем рыбы в небе. Сэму довелось перекинуться словом не менее чем с сотней из них — каждый так или иначе пострадал от разбойников-аболиционистов: кто потерял собственность, кто — родню. Сэм разговаривал даже с одним человеком, чей брат был убит Джоном Брауном в 1856-м, — так тот продолжал жаждать мести, хотя Джон Браун давно лежал в земле.

Мсть живуча. Кто-кто, а Сэм это знал. Два года прошло со дня гибели Ориона, а он не убил пока ни одного солдата-федералиста, не говоря о красноногих мародерах-канзасцах. Не потому, что не хотел. Сколько раз он стрелял по синеврохим, но всегда с большого расстояния или в темноте. И ни разу не

попал, разве что в дерево или в случайно подвернувшуюся лошадь.

Сэм позавтракал домашней ветчиной в компании трех братьев, почти мальчишек, из графства Роллз, что к югу от Ганнибалы,— они сочли его за земляка и, стало быть, чуть ли не родственника. Он ел их пищу, рассказывал, по кругу, миссурийские байки и обещал со своей стороны выставить угощение, когда разживется ветчиной. Потом опять взвалил на плечо седельные сумки и пошел к загону взглянуть на Биксби.

Биксби был чалый мерин, вислозадый, весьма раздражительного нрава. К тому же он был убежден, что не в пример лучше Сэма ориентируется на местности и потому вправе решать, когда и куда ехать. Несмотря на столь явные пороки, Сэм и в мыслях не держал искать Биксби замену. Он полагал, что лучшей лошади не заслужил.

Сэм предложил Биксби кусок твердого тростникового сахара, который нашелся в одной из седельных сумок, но Биксби на сахар даже не посмотрел и попытался куснуть Сэма в плечо.

— Добра не помнишь,— укоризненно сказал Сэм, похлопав Биксби по морде,— это ведь я тебя вывел из аболиционистского рабства.

Биксби всхрапнул, ударил копытом и опять попробовал укунить Сэма.

— Клеменс! — донеслось вдруг откуда-то издалека.

Сэм повернулся на голос и узнал одного из парнишек из графства Роллз, что угощали его завтраком.

— Тебя полковник зовет! — орал тот, не жалея легких.

Сэм удивился. Кроме Флетча Тэйлора, с которым он приятельствовал, его в отряде никто толком не знал. Потому что он был новенький, и потому, что уже успел проявить себя как никудышный наездник, никудышный вор и никудышный стрелок. Может, Тэйлор и вправду нашептал Тодду с Квонтриллом, что он шпионит на янки?

— Быстреей давай! — продолжал надрываться парнишка.

Сэм махнул рукой:

— Иду, черт тебя дер!

Биксби удалось-таки его укунить. Сэм замахнулся было захватить коню по морде седельными сумками, но Биксби кичливо вздернул голову и удалился, приплясывая.

Сэм, потирая укушенное плечо, проводил коня возмущенным взглядом.

— Приберег бы свои штучки для красноногих, — пробормотал он. Потом поднырнул под веревку загона и зашагал назад к палатке Квонтрилла. Входя внутрь, он предусмотрительно снял шляпу.

Уильям Кларк Квонтрилл сидел, откинувшись на спинку полированного дубового стула и положив ногу на ногу, за столом, представлявшим собой три доски, водруженные поверх пары козел. На нем была белая вышитая «партизанская рубашка», желтые бриджи и черные кавалерийские сапоги. Сама он приветствовал едва заметной улыбкой. Над узкой верхней губой полковника протянулась полосочка рыжеватых усов. Веки были опущены, но серо-голубые глаза, блеснувшие из-под них, пронзили Сэма острее штыка. Сэм остановился у стола и весь напрягся, пытаясь унять дрожь. Он вдруг подумал, что глаза у него в точности такого же цвета, как у Квонтрилла.

— Вы в отряде с июня месяца, рядовой Клеменс, — проговорил Квонтрилл ровным голосом, — но успели уже отличиться. Капрал Тэйлор доложил мне, что несколько недель назад вы спасли ему жизнь.

Сэм оглянулся на Флетча Тэйлора, стоявшего слева от него. Тэйлор как-то неловко потупился, и Сэм перевел взгляд на других присутствующих. Он сразу узнал партизанских командиров — Билла Грега и Энди Бланта, — прочие все были ему не знакомы.

— Видите ли, сэр, — обратился Сэм к Квонтриллу, — я и сам не знаю, как оно получилось. Лошадь моя задурила, понесла, и я оказался аккурат у дома аболициониста, в паре сотен футов всего лишь, и вроде как в тылу у Флетча с ребятами. Тут я и увидел человека за деревом.

— Он целился из ружья в капрала Тэйлора, как я понимаю, — сказал Квонтрилл.

— Да, сэр, похоже, что так, — подтвердил Сэм. — Тут я как закричу и — выстрелил в него!

— И убил наповал.

Сэм помял в руках поля шляпы.

— По правде говоря, сэр, — сказал он, — я промахнулся футов на четырнадцать-пятнадцать.

Квонтрилл встал во весь рост.

— Но тем самым вы отвлекли его внимание. По словам капрала Тэйлора, сидевший в засаде выстрелил в вас не менее четырех или пяти раз, даже сбил с головы шляпу, и только потом его накрыл залп ваших товарищей. Все это время вы продолжали стрелять, стоя неколебимо под вражеским огнем.

Сэм облизнул пересохшие губы и промолчал. По правде говоря, он тогда помертвел от ужаса, весь, от головы до пяток, кроме только правой руки, которой продолжал взводить и нажимать на спусковой крючок кольца, и левой ноги, которой отчаянно колотил Биксби по ребрам, пытаясь заставить его повернуться и бежать. Но Биксби к ружейному огню был, похоже, глух и даже ухом не вел — все пытался губами сорвать дикое яблоко с ветки. А стоял он так, что левую ногу Сэма никто из однополчан не видел.

Квонтрилл уперся кулаками в стол и наклонился вперед.

— Это был мужественный и благородный поступок, рядовой Клеменс, — объявил он.

Воцарилось молчание. Сэм не сразу сообразил, что должен ответить.

— Благодарю вас, полковник, — пробормотал он наконец, заикаясь. Все знали, что Квонтрилл любит, когда его называют «полковник».

— Как вы понимаете, — сказал Квонтрилл, — в добровольческих войсках нет официальных наград. Однако, поскольку лучшей наградой за службу является сама служба, я произвожу вас в капралы и приказываю вместе с капралом Тэйлором произвести разведку на вражеской территории.

— Да еще чернокожего возьмете в придачу, — буркнул кто-то по правую руку от Сэма. Голос был тихий, хриплый и злой.

Сэм взглянул в направлении говорящего и обомлел: более устрашающей внешности он в жизни еще не видел. Трофейный офицерский мундир с сорванными знаками отличия и шляпа с заломленными полями. Темные волосы, длинные и косматые, бурая борода. Лицо худое, глаза маленькие, темные, так и горят огнем. За широкий пояс заткнуты два револьвера. По обе стороны пряжки на поясе висит по скальпу.

Джордж Тодд, стоявший за спиной этого человека, положил ему руку на плечо.

— Мне это тоже не по вкусу, Билл, но Квонтрилл прав. Лучше, чем ниггер, разведчика не придумаешь.

Сидевший стряхнул руку Тодда с плеча.

— Разведчик, дьявол меня забери! Доверять ниггеру — все одно что верить Эйбу Линкольну.

Квонтрилл смотрел на говорящего пристально, не мигая.

— Поэтому я и посылаю с ним двух белых — одного, кому доверяю вполне, и второго, кому доверяет первый. Согласитесь, капитан Андерсон, что двое белых мужчин в случае чего справятся с одним чернокожим!

Андерсон, в свою очередь, ожег Квонтрилла взглядом.

— Моих трех сестер посадили в тюрьму в Канзас-Сити только за то, что они верны делу брата, — сказал он. — Я не думаю, что они рады будут услышать, что их брат допустил негра воевать за то же самое дело, зная к тому же, какой это лживый и коварный народ.

Квонтрилл улыбнулся:

— Ну, негров мы пока еще воевать не пускаем. А этот нам нужен лишь как разведчик и прикрытие для двух храбрых сынов Миссури. Какой канзасец вздумает нападать на двух белых, путешествующих в компании со свободным негром? Что до коварства, то можете мне поверить, Джон Ноланд уже доказал свою надежность, и не раз. Он убил шестерых солдат янки и доставил мне их оружие. Я доверяю ему не меньше, чем хорошей собаке. Капралам Тэйлору и Клеменсу он послужит не хуже, чем мне, можно не сомневаться. — Полковник обвел взглядом палатку. — Джентльмены, вот уже сутки мы ведем разговоры вокруг да около. Не пора ли от рассуждений перейти к делу? Кто не рискует, тому не видать победы. Или есть другие мнения?

Все молчали. Андерсон сплюнул в грязь, еще раз взглянул исподлобья на Квонтрилла и покачал головой.

— Отлично, — заключил Квонтрилл. — Капитаны Андерсон и Блант, собирайте людей и, когда будете готовы, оповестите меня через посыльного. — Он кивнул Тэйлору: — Капрал, вы должны вернуться с донесением к вечеру в следующий понедельник. Так не теряйте времени, отправляйтесь.

Сэм с трудом прочистил горло.

— Отправляться куда, сэр?

Квонтрилл повернулся лицом к Сэму.

— На Канзасскую Территорию,— сказал он.— Подробности узнаете от капрала Тэйлора. Можете идти.

Вот этого Сэму не нужно было повторять дважды. Единным духом он выскочил из палатки, подхватил седельные сумки, брошенные им у входа, и побежал что было сил к роще сикомор.

Там его нагнал Тэйлор.

— Ты не отдал честь, уходя, Сэм,— сказал он назидательно.— Это неуважение к старшему по званию.

Сэм расстегнул штаны. Голова опять раскалывалась.

— Я очень уважаю старших по званию,— сказал он,— всех уважаю, до одного. Режьте меня на части, уважение аж из ушей полезет. Только оставь ты меня в покое, хоть на минутку, а?

Тэйлор вздохнул:

— Ладно уж. Ты давай лошадь седлай поскорее. Я пойду найду Нолада, встретимся у палатки. Знаешь Нолада?

— Нет. Но в лагере ошивается только один черный — надо думать, это он и есть.

— Голова.— Тэйлор повернулся было идти, но остановился.— А ведь мы с тобой как в воду глядели. Пойдем на Лоренс. Нам с тобой поручено сосчитать синеглазых в гарнизоне и...

— Ты мне не рассказывай, что поручают шпионам, Флетч,— прервал его Сэм.

Тэйлор решительно повернулся.

— Раз так, поторапливайся. Нам не одну милю отмахать придется.— И пошел вон из рощи.

Сэм облегчился, застегнул штаны, а потом, опершись о дерево, рыгал до тех пор, пока утренняя ветчина не подперла к горлу.

Канзасская Территория, сказал Квонтрилл. Без всякой иронии. Канзас был принят в Союз больше двух с половиной лет назад, но среди южных добровольцев никто и не думал называть его штатом. Принятие Территории в Союз в качестве свободного штата они считали незаконным актом, который местным жителям навязали фанатики-северяне. Что за беда, рано или поздно эти разбойники, которые жгут дома и воруют рабов, за все поплатятся,— вот тогда Канзасская Территория станет, как положено, штатом, где тон будут задавать южане, на чьей стороне и право и правда.

Вот ради чего полковник Квонтрилл атакует аболиционистский город Лоренс, оплот Джима Лэйна и канзасских красноногих. А Сэм Клеменс проникнет туда первым, чтобы, вернувшись, рассказать Квонтриллу, как это лучше сделать.

Дух Ориона, подумал он, должен возрадоваться.

В среду утром в шести милях к югу от Лоренса на дороге на Паолу Флетча Тэйлора вдруг разобрал смех. Сэм, который ехал посередине, взглянул сначала на него, потом на Джона Но-ланда. Тот, впрочем, ни на Сэма, ни на Тэйлора с его хихика-нием не обращал ни малейшего внимания.

Ноланд был загадкой — и само его присутствие в отряде Квонтрилла, и манера поведения в пути. Что бы Сэм или Тэй-лор ни говорили, что бы ни делали, он глядел прямо перед со-бой и шевелился в седле разве лишь затем, чтобы сплюнуть в пыль табачную жвачку. Внешне он ничем, кроме цвета кожи, не отличался от любого свободного жителя приграничной мест-ности — широкополая шляпа, кольт за поясом. В горделивом изяществе посадки он не уступал Тэйлору. Сэму было далеко до них обоих.

Сэм снова повернулся к Тэйлору, щурясь от яркого солнца.

— Ты что смеешься, Флетч?

Тэйлор махнул рукой вдоль дороги.

— Ни одного разъезда! — в сердцах воскликнул он. — От самой границы Канзаса — ни одного синеврюхого! Захоти толь-ко полковник, мы бы сюда все приехали, и никто бы не заме-тил. — Он опять хихикнул. — Пока мы не начали бы стрелять.

Сэм кивнул, но не засмеялся. И правда, они не встретили до сих пор ни одного разъезда федералистов. Это не означало, что въехать в Лоренс будет так же легко. В разъездах, может быть, нет нужды, потому что город хорошо укреплен.

— Револьвер нужно носить на поясе, — пророкотал вдруг Ноланд. Голос у него оказался громоподобным.

Сэм даже вздрогнул. До сих пор всю дорогу Ноланд молчал.

— Это ты мне? — спросил Сэм, оборачиваясь к Ноланду. Впрочем, в этом можно было не сомневаться. У Ноланда и у Тэйлора револьверы торчали за поясом, а свой Сэм засунул в седельную сумку.

Ноланд продолжал смотреть прямо перед собой.

— А кому же?

— Я переспрашиваю,— пояснил Сэм,— потому что ведь ты не глядишь мне в глаза.

— В ваши глаза глядеть не особо приятно,— сказал Ноланд. Тэйлор фыркнул.

— А ну-ка врежь ему, Сэм, пусть попробует не признать, что у тебя глаза самые распрекрасные к северу от сент-луисских борделей.

— Может, они и распрекрасные,— согласился Ноланд.— Только уклончивые. У мистера Клеменса уклончивый взгляд. А я предпочитаю взгляд твердый, как у полковника Квонтрилла. Или как у вас, мистер Тэйлор.

Теперь рассмеялся Сэм.

— У тебя, Флетч, взгляд, выходит, завлекательнее. Может, поменяемся местами, чтоб тебе ехать рядом с Джоном?

Тэйлор насупился.

— Дошутишься, Сэм.

Сэм знал, что с Флетчем Тэйлором шутки плохи, поэтому решил перевести разговор и обратился к Ноланду.

— Мой револьвер лежит себе в сумке,— сказал он.— Зачем мне его нацеплять на пояс, так недолго и ногу случайно прострелить.

— Если боитесь случайностей, снимите капсюли,— посоветовал Ноланд.— Но как въедем в Лоренс, лучше держать оружие на виду. Шериф, может, вздумает обыскать незнакомцев, и если револьвер на поясе — ничего не скажет, но если найдет его в сумке — подумает, что прячете.

Сэм не был уверен в том, что Ноланд прав, но спорить не стал. Он достал револьвер из седельной сумки и, сняв капсюли, заткнул его за пояс.

— Не забудь вставить капсюли, как будем ехать по этой дороге с полковником,— сказал Тэйлор с нескрываемым презрением в голосе.

— Это я забочусь, как бы не расстрелять город Лоренс до времени,— пояснил Сэм. Но ни Тэйлор, ни Ноланд не рассмеялись шутке. Сэм потрепал Биксби по шее, Биксби обернулся и фыркнул ему прямо в лицо.

Когда до Лоренса оставалось меньше мили, им навстречу попались двое всадников. Мужчины, старый и молодой, были оба, несмотря на августовскую жару, одеты в рубашки со стоячими воротничками и черные костюмы. На головах — черные шляпы

с плоскими полями, а на боку у каждого — по револьверу в черной кобуре. Молодой держал в руках Библию в черном же кожаном переплете и на ходу читал из нее вслух.

— Ты гляди-ка,— прошептал Тэйлор, когда всадники приблизились.— Парочка проповедников-аболиционистов сама в руки плывет.

Сэм весь напрягся. На вкус солдата-южанина хуже аболициониста мог быть только аболиционист-проповедник. Тэйлор был к таким особенно нетерпим, и Сэм опасался, как бы его приятель не забыл, что они в Канзасе пока только разведчики.

— С добрым утром, друзья,— сказал старший проповедник, натягивая узду и останавливая лошадь. Молодой закрыл свою Библию. Вдвоем они стали поперек дороги.

— И вам доброго утра,— ответил Тэйлор. Он и Ноланд остановились в нескольких ярдах от проповедников.

Сэм попробовал придержать Биксби, но тот не слушал узды и норовил протиснуться между лошадьми, загородившими путь. Проповедники сдвинули коней теснее, и Биксби, принужденный таким образом остановиться, замотал головой и раздраженно зафырчал.

— Прошу прощения, джентльмены,— сказал Сэм.— Моя лошадка забывает порой, кто из нас двоих создан по подобию Божьему.

Старший проповедник нахмурился.

— Выездка слабовата,— сказал он и взглянул мимо Сэма на Тэйлора.— В Лоренс путь держите?

— Туда,— отрезал Тэйлор. Голос его стал жестким, а это, Сэм знал по опыту, не предвещало ничего хорошего. Он оглянулся и увидел, что правая рука Тэйлора нависла над рукояткой револьвера.

— Я вижу, вы путешествуете в компании с цветным,— заметил молодой проповедник.— Он вам прислуживает?

— Нет,— сказал Сэм, не дав Тэйлору времени ответить.— Мы с приятелем выкрали его из Арканзаса три года назад и с тех пор все пытаемся отыскать его семью. Нет ли в Лоренсе цветных по фамилии Смит?

Старший проповедник закивал:

— Есть, думаю, и немало.— Он пошевелил поводьями, и лошадь отошла к обочине дороги.— Я рад бы помочь вам в поисках, джентльмены, но мы с сыном направляемся в Болдуин,

дабы совершить обряд крещения. Иной раз ребенок уж большой, знаете ли, и не хочет лезть в купель, так приходится держать силой.

— Бывает, сам видел, — посочувствовал Сэм, пропуская мимо себя старшего проповедника.

Младший тоже кивнул Сэму и многозначительно постучал кончиками пальцев по переплету Библии:

— Если вы, джентльмены, задержитесь в городе до субботы, приходите на службу в первую методистскую церковь Лоренса.

Тэйлор придвинулся ближе к Сэму.

— Едва ли мы пробудем в городе так долго, — сказал он. — Но уж в следующий раз, как здесь окажемся, обязательно завернем в ваше заведение.

— Рад слышать, — сказал молодой проповедник. — Благослови вас Господь, джентльмены. — Он ткнул лошадь в бока пятками и потрусил вслед за отцом.

Тэйлор оглянулся на них через плечо.

— Только вряд ли вы гостям обрадуетесь, — пробормотал он себе под нос.

Подъехал Ноланд.

— Выкрали из Арканзаса, — повторил он. — Славно придумано. — Пришпорил лошадь, и та перешла на рысь. Тэйлорова — тоже. Биксби, разнообразия ради, решил не отставать.

— Если моя выдумка тебе не по вкусу, не обессудь, — сказал Сэм, поравнявшись с Ноландом.

— Я же сказал, что славно придумано, — пожал плечами Ноланд. — Я и вправду так думаю.

— На этот счет не сомневайся, Сэм, — кивнул Тэйлор. — Честнее ниггера, чем Джон, я не знаю.

Сэм внимательно поглядел на Ноланда.

— Тогда, может, скажешь, откуда тебя вправду выкрали?

— Я родился свободным в штате Огайо, — сказал Ноланд. — Как и полковник Квонтрилл.

— Вон как, — протянул Сэм. — И как же это вышло, что свободный черный, вроде тебя, воюет заодно со свободным белым, вроде полковника?

Тут Ноланд в первый раз за все время повернул голову и в упор посмотрел на Сэма. И глаза и лицо его были каменно-черные.

— Он мне платит, — отрезал Ноланд.

Сэм ничего не сказал на это, и Ноланд продолжал на него смотреть, не отводя глаз.

— А вас что свело с полковником? — спросил он вдруг.

— Ты лучше Флетча спроси, — попробовал уклониться Сэм.

— Про мистера Тэйлора я все знаю, — сказал Ноланд. — Его дом сожгли, его добро разграбили. Вот про вас я ни черта не знаю.

Тэйлор предостерегающе покосился на Ноланда.

— Эй, ты, полегче!

— Брось, Флетч, — примирительно сказал Сэм. Все было честно. Он задал Ноланду откровенный вопрос, и Ноланд ответил тем же. — Я был лоцманом на Миссисипи, мистер Ноланд. А до того — подручным в типографии. Но мне хотелось работать на реке, и в конце концов я своего добился. — Он скорчил гримасу. — Ходил в учениках два года, пока не заработал лицензию, а еще через два года началась война. Пришлось уйти с реки, не то заставили бы ишачить на северян. Вот так я оказался здесь.

— А почему по эту сторону Миссури? — спросил Ноланд.

— Я ехал с братом через Территорию Невада, — ответил Сэм, которого этот вопрос начинал уже злить. — К северо-западу от Ачисона его расстреляли красноногие. Тогда я вернулся домой, но скоро понял, что там делать нечего. Поехал сюда, пристал к одной банде неумех, потом к другой, теперь вот — в отряде полковника. — Он бросил в сторону Ноланда сердитый взгляд. — Вот так я оказался здесь.

— Вот так вы оказались здесь, — как эхо повторил Ноланд.

— Ну хватит, Джон, — оборвал его Тэйлор. Он взглянул на Сэма. — Я и не знал, что ты работал в типографии, Сэм. Это ведь очень кстати. Ребята Маршалла Доналдсона еще в пятьдесят шестом разгромили типографию «Голоса Свободы» в Лоренсе, а шрифты побросали в реку Канзас. Но на месте газеты, точь-в-точь сорняк, вырос какой-то «Вестник». Если пойдем опять на Лоренс, надо и его выкорчевать.

Желательно только знать, хорошо ли охраняется их контора. Сходи туда — вроде как работу ищешь, а сам тем временем оглядишься, не привлекая внимания. Потом поможешь мне считать синеглазых, красноногих и местных ополченцев, если они в Лоренсе есть.

— А что, если в «Вестнике» захотят меня нанять? — спросил Сэм.

Тэйлор усмехнулся.

— Скажи, что приступишь к работе через недельку. — Он повернулся к Ноланду: — Твое дело, Джон, войти в доверие к местным ниггерам и выяснить, нет ли у них оружия. Хорошо бы еще расспросить их о Джиме Лэйне, они ведь в нем души не чают. Узнай, где его новые хоромы и часто ли он туда наезжает.

Ноланд, не сводя глаз с дороги перед собой, кивнул.

Теперь они ехали вдоль подножия высокого крутого холма. Сэм окинул взглядом склон.

— Один парень в Блю-Спрингс сказал мне, что холм над Лоренсом называется Маунт Хорив, — сказал он. — Не иначе как в честь того места, где Моисей увидел Неопалимую купину, куст горящий и не сгорающий.

Тэйлор усмехнулся.

— Будь Моисей поблизости, ему повезло бы увидеть много чего горящего и даже ближе, чем хотелось бы.

Он ткнул рукой в юго-восточном направлении, на расстоянии нескольких миль там высился другой холм.

— Оттуда ему будет безопаснее смотреть. Там мы остановимся перед атакой, по плану полковника, чтобы удостовериться, что все в порядке, пока еще не поздно повернуть назад.

Он пришпорил коня и погнал его вперед галопом.

— А ну, подналяжем, ребята! Мы уже, считай, в Лоренсе!

Ноланд также пришпорил лошадь, и вскоре они с Тэйлором исчезли за поворотом.

— Вспомнил, я вспомнил! — завопил им вслед Сэм. — Гора называлась Ореад, а вовсе не Хорив. Моисей тут ни при чем.

Он пнул ногой Биксби, но конь только покосился на него и тихонько заржал. Печальнее этого ржания Сэм в жизни ничего не слышал.

— У тебя что, живот болит? — сочувственно спросил он.

Биксби, вперившись в пространство, плелся вперед еле-еле, будто возглавлял похоронную процессию. Сэм пнул его в бок еще несколько раз, потом сдался. Печаль, прозвеневшая в ржании Биксби, передалась ему, он почувствовал себя смертельно усталым — от жары, от двух своих компаньонов и просто от жизни на этой земле.

Сэм обогнул холм, и внизу перед ним открылся Лоренс — как будто игрушечный городок, построенный ребенком-великаном. Ряды домов и магазинов казались неестественно прямыми и аккуратными. По улицам катили маленькие повозки, дети бегали туда-сюда, как муравьи. Тэйлор и Ноланд были уже, конечно, там, среди них.

Сэм закрыл глаза, но в тот же миг открыл их, не сумев сдержать крик.

Он вдруг увидел эти дома, повозки и детей в огне.

Сэм потряс головой. Не хватало еще кошмаров наяву. Они слишком долго жарились на солнце. Пора передохнуть.

Только не спать, ни в коем случае.

Рано утром в пятницу Сэм проснулся на простынях, мокрых от пота. Он с трудом выкарабкался из них и сел, привалившись спиной к стене. Это была вторая ночь в Лоренсе, и вторая — за без малого три месяца — в настоящей постели. И оба раза — тот же сон, страшней, чем когда-либо прежде. Он проснулся вконец разбитым, будто всю ночь его гоняли вверх-вниз по горе Ореад.

Начинался сон всегда одинаково. Он и другие ребята из Мэрионских Разведчиков, всего числом пятнадцать, ночевали в амбаре, в Кэмп-Роллз, милях в четырнадцати к югу от Ганнибала. Прежде чем ложиться, они распугали крыс, этим приходилось заниматься каждый вечер. Потом прискакал чернокожий гонец с известием, что враг близко. Но им было наплевать, такие предупреждения они получали и раньше.

Беспокойство и напряжение, однако, мешали спать. Ребята в темноте дышали неровно. Сердце у Сэма колотилось все быстрее.

И вдруг — топот копыт, все ближе и ближе. Сэм вместе со всеми бросился к фасаду амбара и прильнул к щели между бревнами. В мерцающем лунном свете они разглядели тень человека на лошади. За нею, Сэм мог поклясться, маячили еще всадники, много. Кэмп-Роллз захвачен!

Сэм схватил ружье и просунул дуло между бревнами. В голове гудело, в груди все сжалось. Руки дрожали. Враг пришел, чтобы его убить. Враг пришел, чтобы его убить. Враг пришел, чтобы его убить...

Кто-то завопил: «Огонь!»

Сэм нажал на спусковой крючок. Грохот и вспышка были так сильны, будто сотня ружей выстрелила разом.

Враг выпал из седла и остался лежать на земле. Вокруг было темно и тихо. От земли шел влажный густой запах.

Никаких всадников. Только этот, что упал и лежал.

Сэм и другие ребята вышли поглядеть на врага. Сэм перевернул его на спину, и в лунном свете стало видно, что на нем не военная форма, а белая рубашка, вся в крови. Выходит, это был не враг. Он не был даже вооружен. А лицо...

В иных снах это было лицо Генри, в иных — Ориона.

Но сегодня, под утро пятницы, в Лоренсе, это было лицо какого-то другого человека, Сэм так и не узнал кого. Ни в чем не повинный незнакомец был убит Сэмом Клеменсом без всякой причины, кроме той, единственной, что шла война, а этот человек попался под руку.

Флетч Тэйлор на соседней кровати забормотал что-то во сне. В комнате все еще стоял крутой запах виски. Одна из первых разведывательных операций Тэйлора в среду под вечер привела его в бордель, и с тех пор он гулял напропалую. Разумеется, и синегрухих считал заодно, но, как выяснилось, считать было особенно некого.

Сэм посетил бордель тогда же, в среду, вместе с Тэйлором, но из девушек ему никто не понравился. Поэтому он решил сосредоточиться на выполнении боевого задания. В соответствии с планом, он предложил свои услуги в лоренсовском «Вестнике», получил, как и надеялся, отказ, а попутно узнал, что вся редакция состоит из двух человек и мальчишки, которым даже и в голову не приходит, что на них могут напасть.

В печатной на стене висел на гвоздике карабин, но разряженный, чтобы мальчишка не стрелял кроликов на заднем дворе. В том, что шрифты «Вестника» вслед за шрифтами «Голоса Свободы» лягут на дно реки Канзас, сомневаться не приходилось.

Из окна гостиницы был виден кусок неба на востоке — силеневато-серый. Значит, около пяти утра. Сэм встал, подошел к окну и окинул взглядом широкую немощеную главную улицу города, названную в честь штата Массачусетс. Лоренс спал. Все двери закрыты, на улицах пусто. Даже красноногие и местные ополченцы дрыхли до шести или половины седьмого. Если полковник Квонтрилл не упустит момент, он со своими ребятами,

ворвавшись в Лоренс, сможет взять горожан тепленькими в постелях.

Гарнизон федералистов также не окажет особого сопротивления, думал Сэм, глядя в сторону реки. Горсточка солдат, расквартированная в Лоренсе, стояла лагерем на северном берегу Канзаса, перебраться в город они могли только на пароме, по несколько человек за раз. Еще две казармы федералистских рекрутов — одна для белых, другая для черных — располагались на южном берегу, в самом городе, но эти были совсем зеленые, к тому же плохо вооружены. Их вообще можно не брать в расчет: вздумай они, по глупости, сопротивляться, — подавят, как божьих коровок.

Сэм отошел от окна, достал из-под кровати ночной горшок и справил малую нужду. Потом зажег керосиновую лампу, налил в тазик воды из кувшина и подошел к зеркалу, висевшему подле окна. Он взял бритву и поскреб щетину на подбородке, щеках и баках. Густые темно-рыжие усы трогать не стал. С некоторых пор он полюбил свои усы, поскольку с ними выглядел куда злее, чем был на самом деле. Грязь, въевшаяся в кожу, также придавала ему злодейский вид, но теперь он ее смыл. Он искупался в среду вечером и намеревался повторить удовольствие сегодня. Будучи гнездом убийц-аболиционистов, Лоренс располагал тем не менее кое-какими благами цивилизации.

Покончив с бритьем, он причесался, оделся, задул лампу и вышел из комнаты. Тэйлор продолжал самозабвенно храпеть. Когда хочешь отоспаться, лучше виски средства нет.

Сэм спустился по лестнице и вышел на улицу, бесшумно закрыв за собою входную дверь «Уитни-Хаус», чтобы не потревожить домохозяев, Стоунов. От Тэйлора он слышал, что когда полковник Квонтрилл жил в Лоренсе под именем Чарли Харта, он квартировал в Уитни и мистер Стоун к «Харту» был дружелюбно расположен. Поэтому во время налета с ним надлежало обойтись учтиво. И Сэм честно старался не допустить ничего такого, что могло быть истолковано как неучтивость. Он хотел поддержать полковника в его благих намерениях.

Деревянный тротуар отчаянно скрипел под сапогами. Ни в среду, ни в четверг, ступая по нему одновременно с десятками местных жителей, Сэм не обращал внимания на этот звук. Тогда слух улавливал разговоры и смех, иной раз лошадиное ржание. Но этим ранним утром на улице Массачусетс он был сов-

сем один, за исключением разве что пары собак, которые пулей промчались мимо с украденной где-то костью. Сэм достал из кармана сигару, прикурил ее от спички и глубоко втянул в себя сладковатый дымок.

Надо признать, что Лоренс, в общем, неплохое местечко. Дома большей частью крепкие и чистые, — город, которому нет и двух лет от роду, явно процветает. Почти три тысячи душ обитает в Лоренсе, далеко не все, разумеется, безгрешны. Возможно, что в результате налета число грешников поубавится, и город от этого лишь выиграет.

Сэм помедлил возле гостиницы «Элдридж-Хаус». Первоначально стоявшее на этом месте здание — рассадник аболиционистской заразы и оплот федералистской пропаганды — было разрушено до основания Маршаллом Доналдсоном еще в 1856 году, но потом отстроено заново, с прежней основательностью и в прежнем качестве. Кирпичное четырехэтажное здание с железными решетками в окнах первого этажа. Квонтрилл, скорее всего, захочет разрушить «Элдридж-Хаус» во второй раз, тем более что защитники Лоренса наверняка попробуют там укрепиться. Но если б спросили Сэма, он никому бы не посоветовал связываться с этим домом: 15—20 человек, вооруженных карабинами, забаррикадировавшись в «Элдридж-Хаус», могли уложить не менее сотни нападающих с улицы.

— Эй! — громко позвал кто-то с противоположной стороны улицы. — Доброго вам утра, мистер-сэр!

Сэм повернул голову и увидел белоголового мальчишку лет десяти или одиннадцати, который махал ему рукой как знакомому. В следующее мгновение Сэм узнал подручного из типографии «Вестника».

Он вынул изо рта сигару и сказал вполголоса:

— И тебе того же.

Мальчик ткнул пальцем с сторону «Элдридж-Хаус».

— Вы, видно, там живете, мистер-сэр? — громогласно поинтересовался он. — У вас, видно, денег куча?

Сэм покачал головой:

— Ни то, ни другое. Вот если ты и дальше будешь верещать, как ржавый пароходный свисток, тебе, точно, не миновать познакомиться с постояльцами «Элдридж-Хаус». — Он продолжал идти, не замедляя шага.

Мальчик перебежал через улицу и пристроился рядом с Сэмом. Сэм нахмурился и выдохнул ему в лицо табачного дыму, но мальчишка продолжал болтать, как ни в чем ни бывало.

— Я люблю утро, самый рассвет, а вы? — тараторил он. — Иной раз проснусь еще затемно, уеду на папином муле на холмы, что к югу от города. И оттуда смотрю на Лоренс — как солнце восходит. Тогда мне кажется, будто я — царь мира. Понимаете меня, мистер-сэр?

— Не понимаю, — грубо сказал Сэм.

Но мальчик будто и не слышал.

— А если не в «Элдридже», где ж вы живете, мистер-сэр? Спорю, что в «Джонсон-Хаус», вот провалиться мне на этом месте. Хотя нет, там ведь бывают красноногие, а они чужаков не любят. Тогда спорю, что в «Уитни». Угадал, мистер-сэр?

— Угадал, — кивнул Сэм. — В «Джонсоне» мне не нравится.

— А красноногим, похоже, как раз.

Сэм кивнул:

— Я это себе приметил. — Так оно и было. Если красноногим воздастся за все их преступления, он сможет, наконец, уснуть спокойно. А если б удалось найти и повесить тех самых, что убили Ориона, он спал бы крепче, чем Адам до грехопадения.

— Уж эти красноногие, вот здоровы гулять, — восхитился мальчик. — Я, может, и сам стану красноногим, когда вырасту.

— Я бы не советовал, — заметил Сэм, пожевывая сигару. — Никакой перспективы на будущее.

Мальчик отшвырнул ногой камень с тротуара.

— Похоже на то, — согласился он. — Они сами говорят, что разобьют мятежников за год, а там и воевать будет не с кем, правда, мистер-сэр?

— Какой я тебе мистер-сэр, — огрызнулся Сэм. — Хочешь со мной разговаривать, зови — мистер Клеменс. — Он решил, что ему незачем скрывать свое настоящее имя. Самодовольным жителям Лоренса и не снится, что в их город пробрались южане, а если б и приснилось, кому придет в голову заподозрить в нем шпиона?

— Извините, мистер Клеменс, — сказал мальчик. — Я слушал, как вы вчера разговаривали с мистером Траском в «Вестнике», да не расслышал вашего имени. А меня сказать как зовут?

— Нет, — отрезал Сэм.

Они дошли до северного конца улицы Массачусетс и двинулись вниз по склону к пристани парома. Перед ними текла река Канзас, тускло-коричневая, в ширину менее ста ярдов,— на взгляд Сэма, не река, а жалкое подобие. Но она надежно защитит налетчиков Квонтрилла от солдат, стоящих лагерем на другом берегу, если, конечно, их никто не предупредит заранее. Сэму хотелось проверить, спят синеглазые в этот ранний час или уже раскачались. Если они такие же сонны, как гражданские в Лоренсе, можно с чистой совестью докладывать, что перебраться в решающий момент через реку и воспрепятствовать налету они ни под каким видом не смогут. В лагере их и так-то не много. Тэйлор насчитал сто двенадцать человек, включая землемеров.

— А что вы на реке делать будете, мистер Клеменс? — полюбостовал мальчик. — Рыбу ловить?

Сэм остановился, смерил мальчишку сердитым взглядом, потом медленно и картинно вынул сигару изо рта.

— Ты видишь у меня в руках удочку, юноша? — спросил он, выдыхая голубоватое облачко.

Мальчик посмотрел на сигару, на кончике которой чудом держалось дюйма два пепла.

— Нет, сэр,— сказал мальчик,— я вижу сигару.

— На этом основании можно предположить,— рассудительно сказал Сэм,— что я иду к реке не затем, чтобы ловить рыбу, а затем, чтобы курить сигару. — И он стряхнул пепел прямо мальчишке на голову.

Тот взвизгнул и отпрыгнул, ероша рукой волосы.

Сэм сунул сигару в зубы и неторопливо двинулся дальше.

— Это нехорошо! — обиженно запричитал ему вслед мальчишка.

— А я нехороший человек,— отозвался Сэм. Он шагнул, не оглядываясь и не интересуясь даже, услышал его мальчик или нет. К берегу он вышел один.

Над водой висел тонкий туман, начавший уже рассеиваться с восходом солнца. В его лучах палатки на противоположном берегу окрасились в розоватый цвет. Не то чтобы лагерь спал мертвым сном, но и большой активности в нем тоже не наблюдалось. Сначала Сэм увидел только два костра и подле них человек пять-шесть. Пока он наблюдал, из палаток вышло еще несколько солдат. Нет, дисциплина в лагере явно не на высоте,

синегрухие, похоже, поднимаются когда кому охота. Полковнику будет приятно об этом узнать.

Сэм швырнул окурок сигары в воду и слышал, как она зашипела. Тем временем солнце поднялось, солдаты потянулись из палаток. Сэм по старой привычке сунул руку в карман за часами — пусто: замены тем, что были украдены красноногими два года назад, он так и не нашел.

Услышав за спиной шарканье, он оглянулся. Мальчик из «Вестника» был тут как тут — стоял, ковыряя в пыли носком ботинка.

— Слушай, юноша, — обратился к нему Сэм, — часы у тебя есть?

Мальчик всем видом изобразил презрение.

— А то нет! Мистер Траск подарил мне свои старые, иначе как бы я приходил в газету вовремя?

— Ну так скажи мне, который час, — попросил Сэм.

— Охота была разговаривать с типом, который мне вывалил на голову с фунт горящего табаку!

Сэм усмехнулся. Этот мальчик напомнил ему ребят, с которыми он рос в Ганнибале.

— Очень может быть, что тот, кто мне скажет, который час, получит сигару.

Выражение лица у мальчика изменилось.

— Да ну?

— Я сказал, может быть.

Мальчик сунул руку в карман и вытащил старые, выдавшие виды часы. Он долго вглядывался в циферблат, потом объявил:

— Показывают шесть, но как они отстают в день на тридцать пять минут, а я их ставил последний раз вчера в полдень, выходит, что акkurat полседьмого.

Сэм вынул из кармана сигару и кинул мальчику.

— Спасибо, юноша!

Мальчик одной рукой поймал сигару, другой сунул часы обратно в карман, а Сэма еще раз облил холодным презрением.

— Какой я вам юноша? — фыркнул он. — Если хотите со мной разговаривать, зовите — Генри. — Мальчик запихнул сигару в рот, повернулся и зашагал прочь по улице Массачусетс.

Сэм повернулся к реке спиной. Туман рассеялся, и большинство солдат уже вышли из палаток. Атаковать нужно не позже половины шестого, решил Сэм, притом часть ребят направить к

реке, чтобы держали паром под прицелом. Полковник Квонтрилл, надо думать, с благодарностью примет его мудрый совет.

Он побрел в гору, лишь секунду помедлив на месте, где только что стоял парнишка из «Вестника».

— Генри, — пробормотал Сэм. — Черт его дер.

Дойдя до конюшни, он завернул поглядеть на Биксби. Биксби был в дурном расположении духа, попытался его укусить, но Сэм удостоверился, что лошадь в порядке, и, довольный, пошел дальше.

Вечером Сэм сидел в их с Тэйлором комнате в «Уитни-Хаус» и записывал, что удалось узнать за день. Снаружи доносился писклявый голосок мальчишки из «Вестника». Сэм подошел к открытому окну, выглянул и увидел своего знакомого верхом на гнедом муле, увешанном связками газет. Одну из связок мальчик бросил к дверям «Уитни-Хаус», потом поднял глаза и заметил в окне Сэма.

Он погрозил Сэму пальцем.

— Ну и дрянью же вы меня угостили, мистер Клеменс, — заверещал он. — Меня весь день тошнило, а мистер Траск все равно заставил работать.

— Молодец, — одобрил Сэм. — Так закаляют волю.

Мальчик еще раз презрительно глянул на Сэма, пнул мула ногой и потрусил дальше по улице.

Едва мальчик отъехал, четверо мужчин в синих рубашках и красных кожаных штанах проскакали мимо в противоположном направлении. У всех были револьверы на поясе, у одного за спиной висело ружье. Они были небриты и расхристанны, орали и гоготали, намереваясь, вне всякого сомнения, переправиться за реку и устроить там кое-кому веселую жизнь нынче же вечером. Ни одного из них Сэм не знал в лицо, но это было не важно. Канзасские красноногие — такие же подлые убийцы, как Дженнисоновы разбойники. Они не убивали Ориона, но наверняка были знакомы с его убийцами.

— Гуляйте, ребята, — пробормотал Сэм им вслед. — Гуляйте, пока можете.

Он отошел от окна и увидел, что Тэйлор проснулся. Тэйлор очухался под конец дня и даже ходил в город на встречу с Ноландом, а вернувшись, опять повалился спать.

— Что за шум? — спросил Тэйлор.

— Газеты, — сказал Сэм. — Пойду куплю одну.

Тэйлор усмехнулся.

— Зачем? Все одно — аболиционистские враки.

Но когда Сэм принес экземпляр «Вестника» и начал читать, он нашел там новость. Жуткую и тошнотворную.

— Сукины дети, — прошептал он.

— Чего? — спросил Тэйлор. Он брился у зеркала, готовясь провести еще ночь в веселом квартале Лоренса.

— Вчера рухнул дом в Канзас-Сити, — сказал Сэм.

— Так им и надо.

Сэм покачал головой.

— Да нет, Флетч, это был дом на Гранд-авеню, где синеглазые держали женщин, которых подозревали в сотрудничестве с южанами. В газете написано, что четыре из них погибли и еще несколько ранены.

Тэйлор даже бросил бриться.

— Там сестры Кровавого Билла Андерсона, — сказал он. — И родственницы Коула Янгера и Джонни Маккоркла тоже там. Имена в газете пишут?

— Нет. Намекают, разумеется, что виною всему был налет мятежников, «одержимых пагубной целью вырвать указанных дам из-под защиты федеральных властей».

Тэйлор поджал губы.

— Где это видано, чтобы южане подвергали опасности своих женщин?! — Он потряс бритвой в направлении газеты. — Я вот что тебе скажу. Не так легко было полковнику подбить ребят на дело в этот раз, — ведь, по сведениям Нолада, Джима Лэйна в городе нет. Но от такой новости они станут злее некуда. А уж если пострадали сестры Билла Андерсона, можно биться об заклад: он и его люди будут землю рыть. Помоги Бог тем северянам, что станут им поперек пути. — Он окунул бритву в тазик и повернулся к окну. Глаза его сверкнули. — А хоть бы и на моем тоже.

Тэйлор закончил бриться и пригласил Сэма пойти проветриться за компанию. Сэм отказался, и он ушел один.

Тогда Сэм перечел газету еще раз от корки до корки, не найдя в ней, впрочем, ничего толкового. Набор, однако, был хорош. Ошибок не много, строчки большей частью ровные, интервал выдержан. Небось мальчишки работа, подумал он.

Сэм отложил газету и, пока хватало света, писал в дневнике. Потом разделся, лег в постель, но уснуть не мог так долго, что

почти уже было решил пойти поискать Тэйлора. Особых радостей это, правда, не сулило. Шпионское ремесло, не требуя больших физических усилий, все же здорово угнетало морально.

Когда он в конце концов уснул, то увидел себя во сне как бы подручным в типографии Ориона. Только это был не ганнибальский «Вестник», а лоренсовский.

Он набирал текст о пожаре, в котором погибло более ста пятидесяти человек, и тут в типографию ворвался какой-то тип. Лопухий парень, безбородый, с узким лицом и сальными волосами. Тонкие губы приоткрыты, кривые, гнилые зубы оскалились в улыбке. Сэм его видел впервые в жизни.

Лопухий выхватил из-за пояса револьвер и наставил его на Ориона.

— Генри, — закричал Орион. — Беги!

Сэм беспомощно опустил по швам измазанные краской руки и пробормотал растерянно:

— Я же Сэм.

Лопухий выстрелил в Ориона, и тот почему-то свернулся, как засыхающая виноградная лоза.

Потом незнакомец наставил револьвер на Сэма. Сэм попытался бежать, но ноги не двигались, будто завязли в глубокой грязи.

Выстрел прогрохотал гулко, как пушка в церкви, и лопухий гнусно захохотал.

А Сэм уже парил под потолком, глядя сверху вниз на два истекающих кровью тела. Лицо Ориона превратилось в лицо Джосайи Траска, одного из соредакторов лоренсовского «Вестника», а лицо Сэма стало лицом мальчика Генри — того самого, которому он дал сигару. Сигара так и торчала у Генри изо рта.

Сэм проснулся весь в поту. Он лежал, скорчившись, у самой стены.

Спустилась ночь, и Лоренс затих. Тэйлора все не было. Сэм отполз от стены и, весь дрожа, присел на краю кровати.

— Генри, — шептал он. — Черт тебя дери.

В полдень в среду, девятнадцатого августа, Сэм и Тэйлор в компании товарищей сидели на бревнышке около деревушки Лолун Джек, на юге графства Джексон. Два дня назад они с Ноландом вернулись в лагерь Блю-Спрингз, и полковник Квон-

трилл остался очень доволен их докладом. Утром во вторник Квонтрилл приказал своим ребятам собираться в поход, а куда — не сказал. Чтобы перехитрить федералистских шпионов и обойти дозоры, которые могли их приметить раньше времени, полковник с отрядом прошел несколько миль к востоку, а потом уже резко свернул на юго-запад. По дороге к ним присоединились Билл Андерсон с сорока молодцами и Энди Блант с его сотней, в итоге численность отряда Квонтрилла почти удвоилась.

Все знали, что дело предстоит серьезное. И ждали, когда же полковник наконец сам обо всем расскажет. Сэм полагал, что давно пора.

И вот Квонтрилл верхом на одноглазой кобыле Черной Бесс, в окружении Джорджа Тодда и Билла Андерсона, появился перед строем. Он издал пронзительный боевой клич. Ему ответили более трех сотен голосов, у Сэма аж мурашки по спине побежали. Этот клич был великолепно, но и ужаснее всего, что ему когда-либо приходилось слышать. Услышь он его из уст врага — эхо не успело бы вернуться от ближнего холма, а он уж был бы на полдороге в Колорадо.

Полковник удовлетворенно кивнул. На нем была широкополая шляпа с серебряной звездой, приколотой сбоку, свободная серая «партизанская рубашка» с сине-серебряной вышивкой и серые штаны, заправленные в кавалерийские сапоги. На поясе торчало шесть кольтов, и еще два в кобуре — по обе стороны седла.

— Ну, ребята, — зычно крикнул Квонтрилл, — верхом ездить не разучились?

— Черта с два! — громыхнул в ответ нестройный хор голосов. Квонтрилл расхохотался.

— Отлично, — вскричал он, — потому что нынче ночью мы с вами едем на Канзасскую Территорию и попробуем выдернуть самый гнилой ее зуб — городишко Лоренс!

За объявлением последовала минутная пауза. Пока она длилась, Сэм думал: кажется, они решили, что полковник спятил. Но тишина вдруг взорвалась еще одним яростным боевым кличем, не менее сотни человек повскакали на ноги и принялись палить из револьверов в воздух, изъявляя бурный восторг.

Тэйлор хлопнул Сэма по плечу.

— Разве это не самые отчаянные ребята в Миссури, а? — завопил он.

— Самые голосистые, точно, — согласился Сэм.

Квонтрилл поднял руку, и шум разом затих.

— Поберегите пули! — крикнул полковник. — Вам немалых трудов стоило их отлить либо украсть, так не тратьте их зря, паля в белый свет. Там, куда мы едем, найдутся мишени получше.

Раздался еще один вопль восторга, но тут выражение лица Квонтрилла из радостного стало вдруг холодным и жестким. Все затихли.

— Ребята, — сказал Квонтрилл уже ровным голосом, без крика. — Мы идем на опасное дело. Едва ли кто из вас на такое ходил. Федералисты могут оказаться и сзади и спереди. Мы засылали в Лоренс разведчиков, они говорят, что город взять можно, но по дороге можно столкнуться с разбегом. Тогда придется иметь дело с синебрюхими генерала Эвинга из Канзас-Сити или из Левинворта. Едва ли мы все вернемся назад в Миссури живыми. — Он выпрямился в седле, и Сэму показалось, что своим стальным взглядом он пронзает каждого солдата, одного за другим, по очереди. — А потому если кто из вас не хочет ехать с нами на Территорию, лучше отправляйтесь домой сейчас. После того как мы тронемся в путь нынче ночью, возврата не будет. Ни для кого.

Билл Андерсон, сидевший на лошади рядом с Квонтриллом, выхватил револьвер. Вид у Андерсона был еще более дикий, чем неделю назад, когда Сэм его видел в палатке Квонтрилла, а глаза были налиты звериной злобой.

— Если кто повернет назад после того, как мы тронемся, — заорал Андерсон, — пусть молит Бога, чтобы янки схватили его прежде, чем до него доберусь я!

Тэйлор наклонился к Сэму и шепнул:

— Похоже, Кровавый Билл уже прослышал о доме в Канзас-Сити.

Сэм думал так же. Ненависть так и сочилась из Билла Андерсона — за недостатком врагов ему пришлось бы избобрести их, чтоб было на кого ее излить.

— Нам предстоит тяжкое испытание, — продолжал Квонтрилл, — но игра стоит свеч. Лоренс — очаг аболиционизма в Канзасе, большая часть добра, награбленного по Миссури, тоже там: лежит и поджидает, когда миссурийцы придут и заберут свое кровное. Даже если Джима Лэйна там нет, и дом его, и

военные трофеи — все на месте. На пять сотен миль вокруг нет лучше места, чем Лоренс, чтоб учинить возмездие! Так кто со мной?

Воинственный клич взлетел к небу в четвертый раз: теперь и те, кто до сих пор продолжал сидеть, вскочили на ноги. Несмотря на указание Квонтрилла беречь патроны, опять загремели выстрелы в воздух.

Квонтрилл и его подручные развернули коней и поехали к палатке, а Сэм, расставшись с Тэйлором, пошел к дереву, где был привязан Биксби. Ловко увернувшись от укуса, он открыл седельную сумку, достал револьвер и вставил капсули.

Случайно оглянувшись, он увидел Джона Ноlanda, сидящего рядом под деревом. Тот смотрел на Сэма с явным презрением.

— Стрелять собираетесь, мистер Клеменс? — спросил Ноланд.

— Постреляю, если придется, — бодро отозвался Сэм.

Ноланд сардонически хмыкнул.

— Если придется, — повторил он. — А вы думаете, мы зачем туда едем?

— Что ж тут неясного, — ответил Сэм. — Затем, чтобы вернуть миссурийцам их кровное добро и наказать разбойников и красноногих, которые то добро грабили.

— Вы разбойников небось в лицо узнаете? — спросил Ноланд.

— Красноногих узнать нетрудно.

Ноланд поднялся на ноги.

— Нетрудно, если спят в штанах. — Проходя мимо Сэма, он коснулся пальцами полей шляпы. — Славный вы парень, мистер Клеменс. И все мы, вообще, славные ребята.

— Похоже, это не очень-то тебя радует, Ноланд, — сказал Сэм ему в спину.

Ноланд обернулся с хмурой улыбкой.

— Хотите знать, как я радуюсь, мистер Клеменс, — поглядите на меня, как я буду класть в карман мои денежки. Вот тогда на меня поглядите.

Он еще раз коснулся шляпы и пошел прочь.

Сэм проводил его взглядом. Мыслимое ли дело, думал он, чтобы такие разные люди, как Билл Андерсон и Джон Ноланд, бок о бок шли на одно дело?

Тут он опустил глаза на револьвер, который все еще держал в руке, и вспомнил, что сам едет с ними обоими.

Биксби ущипнул его за руку. Сэм отпрянул, выругался, потом положил револьвер обратно в седельную сумку, а Биксби дал кусок сахара. Коню тоже придется несладко.

В сумерках по приказу полковника снялись с места и тронулись в юго-западном направлении. После объявления цели налета только тринадцать человек решили уйти, и из них лишь двое состояли в отряде Квонтрилла. Это поразило Сэма. Более трех сотен человек шли на верную смерть по призыву одного-единственного. Конечно, у каждого были свои причины воевать, но, не встань во главе Квонтрилл, едва ли кто решился бы забраться так далеко в Канзас.

В полночь отряд наткнулся на сотню с лишним рекрутов-конфедератов под командой полковника Джона Холта. Холт и Квонтрилл совещались более часа, тем временем всадники дали коням отдохнуть, а когда двинулись дальше, Холт и его рекруты пошли с ними.

На восходе в четверг, двадцатого августа, Квонтрилл и его люди встали лагерем у Гранд Ривер. Теперь они были всего в четырех милях от границы, это была последняя передышка перед броском на Лоренс. В тот день еще пятьдесят человек из графств Кэсс и Бейтс приехали в лагерь и попросились в отряд. Квонтрилл их принял, и теперь, по подсчетам Сэма, их было почти пятьсот человек, каждый верхом на сильной лошади, вооружен по крайней мере одним револьвером, имея патронов столько, сколько мог увезти. У некоторых были еще ружья, а многие везли с собой связки факелов, обмазанных смолой.

Пусть только нас атакуют федералисты, думал Сэм, мы им, синегрехим, покажем, почем фунт лиха. К тому же где им отличить своих от чужих, если более двух сотен партизан красуются в трофейных мундирах.

В середине дня капитан Тодд проехал среди дремлющих людей и лошадей, крича:

— Седлай коней, ребята! Нас ждет Лоренс, там есть чем поживиться!

В ответ раздались нестройные крики. Сэм встал, свернул одеяло, отнес его и седло к сухому дереву, где были привязаны Тэйлоров конь и Биксби. Он прилег соснуть в тени, но разве что на минуту забылся. Тэйлор же, улегшись рядом, храпел

чуть не с самого полудня и до появления Тодда ни разу не проснулся.

— И как тебе удастся спать, когда предстоит такое дело, — позавидовал Сэм, когда Тэйлор подошел седлать коня.

— Кто сказал, что я спал?! — возмутился Тэйлор. — Я обдумывал стратегию.

— А чтоб думалось лучше, заглотил между делом рой шмелей.

Тэйлор ухмыльнулся.

— Все сойдет как по маслу, Сэм, — сказал он. — Ты же знаешь, они нас не ждут. Бояться нечего.

— Конечно нечего, — согласился Сэм. — Особенно если у кого нет мозгов.

Тэйлор нахмурился.

— Ты что имеешь в виду?

Сэм достал свой револьвер из седельной сумки и заткнул за пояс.

— Ничего, Флетч. Я просто хочу попасть туда поскорей, сделать что надо и вернуться назад. Вот и все.

— И ты, и я, и все этого хотят, — сказал Тэйлор.

Пока Сэм и Тэйлор седлали на коней, мимо с гиканьем и смехом промчалась компания человек в одиннадцать. Похоже, они вознамерились первыми ворваться в Канзас.

В голове группы ехал лопухий, безбородый парень с узким лицом и сальными волосами. Сердце у Сэма похолодело. Он медленно поднял руку и, указывая на всадников, спросил.

— Кто это? — В горле у него все сжалось и пересохло.

— Андерсоновы парни, — сказал Тэйлор. — Огонь ребята, а?

— Ты знаешь того, кто впереди? — спросил Сэм.

— Еще бы, — ответил Тэйлор. — Бывал с ним в переделках, и не раз. Это Фрэнк Джеймс. Как дойдет до драки — ему сам черт не брат. — Тэйлор прищелкнул языком, и его лошадь, рванув с места, помчалась вдогонку за парнями Андерсона.

Биксби последовал за конем Тэйлора, а Сэм, как зачарованный, продолжал смотреть вслед человеку из своего сна. Тому, что ворвался в типографию «Вестника», убил безоружного человека и мальчика, а потом хохотал.

В шесть часов люди Квонтрилла пересекли границу Канзаса.

Территория простерлась перед ними, обьятая сумерками.

К одиннадцати, когда прошли городок Гарднер, ночь стояла хоть глаз выколи, чернее Квонтрилловой кобылы. Лощины, ручьи и заборы превращались в препятствия. Кто-то хотел было зажечь факел, чтобы лучше видеть дорогу, но Квонтрилл не позволил. До Лоренса еще больше двадцати миль по открытой местности, если их заметят на таком расстоянии, пиши пропало. И потом — факелы пригодятся в Лоренсе.

Вскоре после полуночи Квонтрилл остановил отряд вблизи небольшой фермы и передал по цепочке приказ соблюдать тишину.

— Что это мы остановились? — шепотом недоумевал Сэм. Они с Тэйлором ехали в середине колонны и о том, что происходит впереди, могли только догадываться.

— Молчи, — шикнул Тэйлор.

Минуту спустя из дома донесся вопль, а по рядам кое-где пробежал смех.

Из темноты проступила долговязая фигура капитана Билла Грегга, он ехал назад вдоль колонны.

— Порядок, ребята, едем дальше, — повторял он. — Один дружественный нам канзасец вызвался быть проводником.

Он развернул коня и поехал к голове колонны.

— Что бы это означало? — пробормотал Сэм.

— А ты как думаешь? — хмыкнул Тэйлор.

Отряд тронулся и прошел еще несколько миль, споро обходя препятствия. Тут Квонтрилл опять приказал остановиться. По рядам пробежал ропот, но при звуке револьверного выстрела разом смолк.

Биксби дернул головой и шарахнулся вон из ряда. Сэм с трудом вернул лошадь на место.

— Ты что, рехнулся?! — возмутился он. Биксби никогда прежде не пугался выстрелов. Он, кажется, их вообще не замечал. — Просто кто-то выстрелил по ошибке.

Тут опять показался капитан Грегг.

— Никакой ошибки, — пояснил он, помедлив секунду подле Сэма и Тэйлора. — Дружественный нам канзасец сделал вид, будто не знает, как обойти вон ту гору. Вот полковник и отправил его дальше некуда, придется теперь искать нового друга в проводники. Там впереди дом, так Андерсоновы ребята пошли потолковать с хозяином. Скоро тронемся.

Грег пришпорил коня и поехал дальше вдоль колонны, отвечая на вопросы любопытных.

— Полковник на руку крут, — одобрил Тэйлор. — Теперь тот канзасец нам друг — верней не бывает.

Сэм с трудом соображал, что к чему. На обочине дороги им вскоре попался труп. Биксби прынул в сторону и толкнул Тэйлорова коня.

— Держи свою чертову лошадь, Сэм! — рявкнул Тэйлор.

Мертвец был одет в холстинковые штаны, без рубашки, босой. Даже в темноте Сэм разглядел: вместо головы у него было кровавое месиво.

В этом уж не было никакого смысла. Убитый не имел отношения ни к красноногим, ни к синебрюхим. Скорее всего, он не был даже аболиционистом. Всего лишь фермером. Полковник Квонтрилл застрелил фермера. За то, что тот плохо ориентировался в темноте.

За то, что тот был канзасцем.

Сэм начал думать, что невероятные враки, которые он вычитывал порой в аболиционистских газетах — о налетах Квонтрилла на Обри, Олати и Шонитаун, — возможно, не такие уж враки.

Спустя милю, колонна снова остановилась, и снова раздался выстрел. Потом они захватили еще одну ферму, и отряд двинулся дальше, но вскоре опять остановился, и выстрел раздался в третий раз.

Так повторялось снова и снова. И каждый раз Сэм и Биксби проезжали мимо свежего трупа.

Всего их было десять.

У Сэма кружилась голова, его тошнило. Они ведь собирались отомстить красноногим, разнести в пух и прах редакцию газеты, спалить дом Джима Лейна и вернуть украденное добро. Само собой, иным канзасцам пришлось бы при этом расстаться с жизнью, но ведь речь шла о красноногих и синебрюхих, а во все не о безоружных фермерах, которых среди ночи отрывали от жен и детей.

Когда они поравнялись с третьим трупом, Тэйлор со словами:

— Извиняй, Клеменс. Моей лошади надо нужду справить, — объехал вокруг Сэма и Биксби, остановил лошадь над мертвым телом и позволил ей помочиться прямо на покойника. Те, кто

был поближе, расхохотались. Попытался рассмеяться и Сэм. Он не хотел, чтобы видели, что он боится. А он боялся теперь их всех. Даже Тэйлора. Особенно Тэйлора.

— Дайте лошадкам от пуза напиться из ближнего ручья, ребята,— сквозь смех выдавил из себя Тэйлор.— В Лоренсе найдется кого обмыть.

— Аминь,— рявкнул кто-то из темноты.

И пока Тэйлор возвращался на свое место в строю рядом с Сэмом, слово это перекатывалось из ряда в ряд вдоль колонны.

Опять откуда-то возник капитан Грег.

— Я рад, что в вас играет боевой дух, ребята,— сказал он,— но, пока не дойдем до места, лучше не шуметь. Потом вопите сколько влезет, да и лоренсовских дохляков поголосить заставьте.

Партизаны посмеялись, однако перешли на шепот. Сэму казалось, шипят пять сотен змей. Он понял уже: то, что произойдет в Лоренсе, будет не больше похоже на его красивые выдумки, чем вулкан — на светляка. Ощущение вины за смерть Ориона и ненависть к красноногим его ослепили, он позволил себе не видеть, во что превратились его собратья по оружию. Ему хотелось повернуть Биксби и мчаться во всю мочь назад в сторону Миссури, не останавливаясь до самого Ганнибала.

Но он знал, что это невозможно. Андерсон объявил уже, что ждет того, кто посмеет дезертировать. Сэм и Биксби не успеют проехать и ста ярдов, как их перехватит дюжина молодых. Что они с ним сделают потом, когда поймают, нетрудно себе представить.

Кроме того, разве не сведения, добытые им и Тэйлором, укрепили Квонтрилла в намерении совершить налет? Больше, чем кто-либо, Сэм ответствен за то, что должно произойти. Убежать — теперь значит стать не только трусом, но и лицемером.

Еще один налет на ферму был совершен в три часа утра, на этот раз вся колонна сломала строй и сгрудилась поглазеть. Приблизившись, Сэм увидел хозяина фермы: тот стоял на коленях посреди собственного двора. Над ним возвышался капитан Тодд — приставив револьвер ко лбу бедняги, он перечислял имена тех, с кем тот вскоре встретится в аду.

Квонтрилл, верхом на Черной Бесс, подъехал вплотную к Тодду.

— Лоренс слишком близко, Джордж, стрелять нельзя, — напомнил он.

Сэм ясно видел лицо Тодда. На нем была написана черная ненависть.

— Черт бы тебя побрал, Билл, — проронил Тодд. — Это ведь Джо Стоун, вонючий юнионист из Миссури, он бежал в Канзас от правосудия, и, что бы ты ни говорил, я вышибу из него мозги.

Стоун был в одной ночной рубаше и весь дрожал. Сэм отвел взгляд и в дверях дома увидел плачущую женщину. За ее коленями цеплялся ребенок и тоже плакал. Внутри дома была зажжена керосиновая лампа, ее свет обрамлял фигуру женщины с ребенком, так что они, казалось, парили в тусклом мерцании.

Квонтрилл потер небритую щеку большим и указательным пальцами.

— Предатель должен умереть, Джордж, кто ж с этим спорит! Но отсюда до Лоренса не более шести миль, выстрел может насторожить людей в городе.

Тодд хотел что-то возразить, но потом передумал, отвел револьвер от головы Стоуна и сунул обратно за пояс.

— Ладно, — сказал он. — Сделаем тихо.

Он подошел к своей лошади и вытянул из чехла карабин.

— Сэм! — позвал он. — Иди-ка сюда!

Тэйлор ткнул Сэма под ребро.

— Иди, тебя.

Сэм, едва шевелясь от ужаса, стал слезать с коня.

— Мне нужен Сэм Клифтон, — сказал Тодд. — Он-то где?

Сэм вернулся в седло, а Клифтон, новичок, присоединившийся к отряду, пока они шпионили в Лоренсе, спешил и пошел к Тодду.

Тодд протянул Клифтону ружье.

— Ребята говорят, что уж больно ты любопытный, мистер Клифтон, — сказал он. — Давай-ка испытаем, что тебя привело в отряд. — И он указал на Стоуна: — Забей предателя до смерти.

Клифтон не колебался ни минуты. В три шага он подошел к Стоуну и, размахнувшись, что было силы ударил его по лицу прикладом. Стоун упал навзничь в грязь, его жена и ребенок закричали. А Клифтон продолжал молотить Стоуна по голове.

Сэм хотел отвернуться, но не смог. Ужаснее он ничего в жизни не видел. Это было даже хуже, чем брат Генри в гробу

или брат Орион на пыльной дороге. Но он смотрел не отрываясь, просто не мог не смотреть.

Только когда все кончилось, когда Клифтон перестал колотить лежащего, а тот превратился в неподвижную темную неживую массу, Сэм смог отвести взгляд. Рядом с ним криво ухмылялся Тэйлор. И кое-кто еще ухмылялся. Но многим было явно не по себе, — иные, как показалось Сэму, только что из седел не падали.

Потом он взглянул на полковника Квонтрилла. Глаза полковника не мигали, в них отражался слабый свет из окон дома. Губы были растянуты в жестокой улыбке.

Тодд забрал ружье у Клифтона и положил обратно в чехол, даже не отерев кровь. Потом усмехнулся прямо в лицо Квонтриллу.

— Славно сработано, полковник? — спросил он. Квонтрилл кивнул:

— Славно, капитан. — Потом повернулся к бойцам. — Запомните это, ребята, — крикнул он, — и не подкачайте в Лоренсе. Бейте насмерть! Насмерть — ошибки не будет! А теперь трогай, не то не успеем до света!

— Сильно сказал, — одобрительно заметил Тэйлор.

— Куда сильнее, — как эхо отозвался Сэм. Он вдруг охрип. «Наверное, навсегда», — мелькнуло в голове.

Отряд тронулся, оставив миссис Стоун и ребенка рыдать над грудой человеческого мяса посреди двора.

Когда колонна перестроилась, Сэм оказался в голове, впереди него ехали только Грег, Тодд, Андерсон и сам Квонтрилл. Как будто Богу было угодно, чтобы Сэм все хорошенько разглядел, когда начнут убивать следующего.

На востоке небо из черного уже стало сиренево-серым, когда отряд Квонтрилла поднялся на гребень холма к юго-востоку от Лоренса. Полковник поднял правую руку, и колонна остановилась.

Внизу, менее чем в двух милях от них, лежал Лоренс, тихий, как смерть.

Флетч Тэйлор хихикнул:

— Небось, чертовы янки, свернулись калачиком, сопят себе да пальцы сосут!

Сэм кивнул. На сердце у него было тошно.

Квонтрилл достал подозрную трубу и направил ее на спящий город.

— Самое время, — сказал он. — Жаль только, что реку не видно, слишком темно. — Он опустил трубу, повернулся к капитану Грегу.

— Возьми пятерых, Билл, и отправляйтесь в разведку. Мы подождем здесь минут пятнадцать, потом двинемся за вами. Если заметите опасность, вернитесь и предупредите нас.

Грег отдал честь Квонтриллу, затем поочередно ткнул пальцем в пятерых ближайших к нему всадников.

— Джеймс, Янгер, Маккоркл, Тэйлор и... — Он глядел прямо на Сэма.

Сэм молчал. Язык во рту был холодный и тяжелый, будто глиняный. Он не мог отвести глаз от Фрэнка Джеймса.

— Клеменс, — подсказал Тэйлор.

— Ну да, — сказал Грег. — Клеменс. За мной, ребята. — Он ударил ногой лошадь и поехал вниз по холму.

— Едем, Сэм, — подхватил Тэйлор. Он перегнулся, с силой ударил Биксби по крупу, и тот резво рванул вперед.

Несмотря на то, что склон холма был крутой и густо порос деревьями, Грег задал высокий темп. Сэму ничего не оставалось кроме как вцепиться в поводья и предоставить Биксби самому выбирать дорогу. Как же ему хотелось, чтобы Биксби споткнулся и сбросил его наземь, как хотелось сломать руку или ногу! Но Биксби для этого слишком ловок, и Сэму не миновать быть свидетелем налета на Лоренс — от начала до конца.

На середине холма Грег вдруг осадил коня. Джеймс, Янгер, Маккоркл и Тэйлор сделали то же. Биксби остановился сам, да так резко, что Сэм навалился на луку.

— Что такое, капитан? — спросил Тэйлор.

Грег приложил палец к губам, потом вытянул вперед руку, указывая на что-то. В нескольких сотнях футов ниже по склону маленькая фигурка в белой рубашке, верхом на муле, пробиралась сквозь деревья. Мул и всадник были едва различимы в предрассветных сумерках.

— Куда его черт несет в такую рань? — прошептал Тэйлор.

— Какая разница куда, — ответил шепотом Грег. — Если он нас заметит, а мы позволим ему уйти, считай, мы все тут покойники.

— Но выстрел взбудоражит весь город, капитан,— заикаясь, напомнил Сэм.

Грег бросил на него убийственный взгляд.

— А мы и не будем стрелять, чтобы не будоражить город.

Он повернулся к Фрэнку Джеймсу.

— Иди и убей его, Фрэнк. Заколи ножом или стреляй в упор в брюхо, чтоб не было слышно. Или вышиби ему мозги. Словом, делай что хочешь, лишь бы тихо.

Джеймс вытащил револьвер, взвел курок и поехал вниз по холму.

Человек на муле обогнул дерево и выехал на открытое место. Он был один и безоружен. Сэм теперь видел его лицо. Это был подручный из лоренсовского «Вестника». Генри.

Фрэнк Джеймс устремился вниз по склону, вытянув правую руку и устремив смертоносное дуло на ни в чем не повинного человека.

В этот момент Сэм увидел все, что должно случиться, и все, доподлинно, что уже случилось. Увидел так же ясно, как в любом из своих снов.

Мальчик останется лежать на земле, навзничь. Его белая рубашка вся пропитается кровью. Сэм будет стоять перед ним на коленях, гладить по голове и просить прощения. Он будет готов отдать все на свете, лишь бы вернуть назад уже сделанное, но будет слишком поздно.

Генри будет бормотать что-то о своей семье, о тех, кого он любит и уже никогда не увидит, а потом взглянет с укоризной на Сэма и умрет.

Это уже было однажды.

Не тогда, когда умирал брат Сэма, Генри. Генри не смотрел с укоризной. Он только сказал: «Спасибо, Сэм».

И не тогда, когда умирал Орион. Орион сказал: «Уезжай отсюда, Сэм». В его словах не прозвучало упрека,— ничего, кроме заботы и любви.

Фрэнк Джеймс устремился вниз по склону, вытянув правую руку и устремив смертоносное дуло на ни в чем не повинного человека.

Такого же однажды убил Сэм.

Это был не просто сон. Он уговаривал себя, что, мол, стрелял не он один, стреляли сразу все Мэрионские Разведчики. И вообще он никогда не попадал во что целился. Но в сердце сво-

ем он знал, что в тот раз не промахнулся. Он знал, что виновен в убийстве и в том горе, что обрушилось на семью невинного, даже не вооруженного человека. Ужасное чувство вины и потребность в искуплении, преследовавшие его, имели причиной не гибель братьев, а то, что сам он однажды убил человека — просто так, ни за что.

Пытаясь убежать от этой правды, Сэм и устремился на Запад с Орионом. А когда убили Ориона, постарался убедить себя в том, что на войне убийство оправданно, особенно ради благородной цели. Отмстить за причиненное зло, твердил он себе, что может быть благороднее?

Но родные того, кого он убил, скорее всего, думали так же. Фрэнк Джеймс устремился вниз по склону, вытянув правую руку и устремив смертоносное дуло на ни в чем не повинного человека. И Сэм не стерпел.

Он заорал, как безумец, — Биксби рванулся и полетел вниз по склону, между деревьев, с такой прытью, что за ним не угнался бы ни один конь Квонтриллового отряда. Поравнявшись с Джеймсом, Сэм резко натянул поводья, и Биксби, налетев всем корпусом на лошадь Джеймса, отбросил ее к дереву. Джеймс вылетел из седла, его револьвер выстрелил.

Мул под Генри упал, и Генри кувырком скатился на землю.

Сэм остановил Биксби подле умирающего мула, соскочил на землю и упал на колени рядом с мальчиком.

Генри поднял на него негодующий взгляд.

— Сумасшедший, что ли? — выдохнул он.

Сэм обнял мальчика и крепко прижал к себе.

Генри стал вырываться.

— Мистер Клеменс? Что это вы тут делаете?!

Сэм поглядел вверх и увидел, что Фрэнк Джеймс встает на ноги. Джеймсова лошадь стояла рядом, трясла головой и тихонько ржала.

Грэг, Тэйлор, Маккорк и Янгер подъезжали с револьверами на взводе. Сэм вскочил и одним рывком усадил Генри верхом на Биксби.

— Пригнись ближе, — приказал он.

— Зачем? — спросил Генри. Мальчишка, вконец растерявшись, тарашил глаза на мертвого мула.

— Пригнись и слушай, — торопливо повторил Сэм. — Мне нужно сказать тебе кое-что так, чтоб они не слышали.

Генри нагнулся.

— Скажи что есть мочи в город, — зашептал Сэм. — Как подъедешь, кричи — мол, полковник Харт вернулся, и зовут его теперь Билли Квонтрилл, и с ним пять сотен человек. А не zapomнишь все, кричи просто: «Квонтрилл!» Кричи: «Квонтрилл!» И не смей останавливаться, пока не доедешь до «Элдридж-Хаус». Врывайся туда и опять кричи: «Квонтрилл!» — пусть все слышат. Если не поверят, покажи на эту лошадь и спроси, откуда, черт побери, она у тебя взялась? Ну, садись крепче!

Генри сел в седле, и Сэм ударил Биксби по крупу. Биксби повернул голову и попытался укунить Сэма в плечо.

— Нашел время, овсяной мешок! — завопил Сэм. Он занес было руку для второго удара, но Биксби всхрапнул, одним прыжком перемахнул через мертвого мула и помчался вниз по склону с прежней завидной резвостью. Генри сидел, вцепившись в поводья изо всех сил.

Сэм глубоко вдохнул, выдохнул и повернулся. Прямо на него шел Фрэнк Джеймс, в глазах у него была смерть, а за ним следом ехали еще четверо, настроенные не лучше. Как бы не обмочиться со страху, мелькнуло в голове. Но надо было дать Генри время уйти. И если ради этого придется умереть, что ж, значит придется. Лучше ему, чем мальчишке, которого вся вина — что служил наборщиком в абolicционистской газете.

— Подлый предатель, — процедил Джеймс, поднимая револьвер и целясь Сэму прямо между глаз.

Сэм проглотил слюну и чудом обрел голос.

— У тебя дуло грязью забито, — сообщил он.

Джеймс взглянул на свой револьвер — так оно и было.

Тогда щелкнул курком капитан Грег.

— У меня-то дуло в порядке, — проговорил он.

Сэм поднял руки.

— Не стреляйте, капитан, — попросил он.

Надо было что-то начать плести, и немедленно.

— Я виноват, конечно, перед мистером Джеймсом, но не мог же я позволить, чтоб он убил нашего связного, правда? Я бы вас раньше предупредил, да разглядел мальчишку, только когда Джеймс на него пошел.

— Связного? — удивленно повторил Грег.

Сэм повернулся к Тэйлору. У того на лице отразилась смесь ярости и недоверия.

— Ты что же молчишь, Флетч? Не узнал разве мальчишку? Тэйлор растерянно заморгал.

— Что ты такое плетешь?

Сэм упер руки в боки и всем видом изобразил крайнее презрение.

— Черт тебя дерит, Флетч, это же парнишка из Миссури, которого я встретил в Лоренсе, у него еще отца северяне убили, а его самого увезли в Канзас. Я же показывал его тебе в субботу утром, да ты, похоже, был на вчерашних дрожжах и ничего не помнишь.

Грег перевел взгляд на Тэйлора.

— Вы что же, капрал, налили виски, вместо того чтобы изучать обстановку в городе?

Тэйлор взорвался:

— Да нет же, черт меня побери!

— Тогда почему ты не помнишь мальчишку? — требовательно спросил Сэм.

— Да помню вроде, — неуверенно сказал Тэйлор.

Сэм понял: теперь все зависит от его настойчивости.

— Тогда почему ты не доложил капитану Грегу, что мальчик обещал приехать сюда и предупредить нас заранее, если в Лоренс придет подкрепление федералистов?

В глазах Тэйлора мелькнула паника.

— Я не узнал мальчика в темноте.

— С чего ты взял, что синебрюхие в Лоренсе? — озадаченно спросил Грег.

— Мальчик сказал, — ответил Сэм. — Шесть сотен пехоты и четыреста конных, пришли из Левенворта во вторник. Встали лагерем на южном берегу реки. Так вот.

Фрэнк Джеймс тем временем прочистил дуло револьвера и опять наставил его на Сэма.

— А зачем ты его усла?

Сэм так увлекся своим рассказом, что почти забыл о страхе.

— Да затем, что, по его словам, синебрюхие взялись с утра пораньше, от пяти до шести, высылать по пятидесяти конных дозорных для наблюдения за всей равниной отсюда до горы Ореад. Я велел ему хорошенько оглядеться и, если кого заметит, сейчас вернуться к нам.

Коул Янгер, узкогубый, вечно насупленный, ткнул револьвером в сторону Сэма.

— А ты почему разболтал невесть кому в Лоренсе, кто ты есть и зачем приехал?

— Я ведь объяснил уже! — в сердцах воскликнул Сэм. — Парнишка родом из Миссури и ненавидит янки не меньше, чем ты да я. Может, даже еще злее, потому что он еще малец совсем, а уж все потерял. И я не просто так взял да разболтал. Я видел, как двое красноногих его купали в лошадиной поилке, пока он чуть не захлебнулся. Когда они ушли, я и спросил, за что это, мол, они тебя. А он — за то, что называл их трусливыми убийцами-янки. Я решил, что такой друг в Лоренсе нам не помешает, и Флетч со мною согласился.

Джон Маккоркл, круглолицый, в широкополой шляпе, тонко прищурившись, вглядывался в лицо Сэму.

— Но откуда же мальчишка узнал, где и когда нас встречать?

— Мы ему сказали где, — ответил Сэм. — Полковник ведь жил раньше в этих местах и сам выбрал этот холм для последней остановки перед налетом, так я говорю, Флетч?

Тэйлор кивнул.

— А насчет когда, — продолжал Сэм, — так ведь мы с Флетчем знали, что будем здесь перед рассветом то ли вчера, то ли сегодня, и велели мальчишке оба дня тут дежурить, если будут какие новости.

Янгер взглянул на Тэйлора:

— Это правда, Флетч? Или ты так наклюкался, что вообще ничего не помнишь?

Тэйлор сверкнул глазами.

— Все правда, Коул. Просто я тебе лично докладывать не стал. В отряде пятьсот человек, не могу ж я всем про все докладывать.

Янгер хотел было огрызнуться, но его прервал топот сотен копыт, спускавшихся вниз по склону. Квонтрилл услышал Джеймсов выстрел и вел сюда весь отряд.

Грег спрятал револьвер в кобуру.

— Ладно, — сказал он усталым голосом. — Надо доложить полковнику о том, что рассказал мальчишка. Он испытующе поглядел на Тэйлора. — Говори ты, Флетч. Он тебе больше верит, чем Клеменсу.

Тэйлор кивнул, бросив на Сэма быстрый взгляд, от которого и сталь бы расплавилась.

Ничего хорошего этот взгляд не сулил, но Сэму было уже все равно. Грег его истории поверил, а сам он был все еще жив. И Генри тоже.

Тэйлор рассказал полковнику Квонтриллу, что парнишка из Миссури предупредил их о шести сотнях синевбрюхих, что пришли в Лоренс и стали лагерем на южном берегу реки, а также о конных дозорах по пятидесяти федералистов, что рыщут на подступах к городу. Квонтрилл слушал, не произнося ни слова. Он сидел, устремив взгляд в пространство в направлении Лоренса, пока Тэйлор не кончил. Потом взглянул на Сэма, все еще стоявшего подле мертвого мула.

Глаза у Квонтрилла были что кусочки льда. Но Сэм смотрел в них прямо, не мигая. Он был уверен: стоит ему отвести взгляд, полковник догадается, что он лжец и предатель.

После долгого молчания Квонтрилл повернулся к капитану Тодду.

— Что ты об этом думаешь, Джордж? — спросил он.

Тодд весь скривился, будто съел кислую хурму.

— Ты разве видел в свою трубу шесть сотен федералистов?

— Не видел, — сказал Квонтрилл, — но я и реки не видел. Если они встали лагерем у берега, как я мог их разглядеть?

— Тогда давай вернемся и посмотрим еще раз, — предложил Тодд.

Квонтрилл покачал головой:

— Когда солнце поднимется и станет видна река, народ в Лоренсе поднимется тоже. Либо атаковать сейчас, либо совсем отказаться.

— Если там такая бездна солдат, — вставил Грег, — у нас нет шансов. Давайте вернемся к границе и вышлем опять разведчиков в город. Бить — так уж наверняка.

Квонтрилл опустил глаза и сплюнул.

— Провалиться мне на этом месте, — буркнул он. — Ты прав. Даже если там нет подкрепления, в городе скорее всего, услышали револьверный выстрел.

За спиной у Квонтрилла люди взволнованно переговаривались. Многие были возмущены и обескуражены, но и тех, кто испытывал явное облегчение, было не меньше.

Сэм изо всех сил изображал разочарование, хотя ему хотелось кричать от радости.

Но тут закричал истошно Билл Андерсон. Выхватив один из револьверов, он яростно колотил им свою лошадь, пока она не подошла вплотную к Черной Бесс.

— Мы слишком далеко зашли! — орал он, уставляя револьвер прямо на полковника. — Мы слишком далеко зашли и слишком пострадали! Ты поднял нас на это дело, меня и моих людей! И ты, Квонтрилл, черт тебя побери, доведешь его до конца!

Квонтрилл смерил Андерсона холодным взглядом.

— Мы получили новое донесение, — сказал он. — Ситуация изменилась.

Андерсон в испуге тряс головой, длинные волосы, торчавшие из-под шляпы, дико разлетались.

— Ничего не изменилось! Ничего! Янки убили одну мою сестру, покалечили другую, и я не поверну назад, пока не истреблю их в отместку сотни две! А попробуешь меня остановить или обмануть — двести первым номером будешь ты, Билли Квонтрилл!

Квонтрилл повернулся к Тодду:

— Джордж, я приказываю арестовать капитана Андерсона.

Тодд вынул револьвер.

— А я не желаю его арестовывать, — сказал он и поставил свою лошадь рядом с Андерсоновой. — Если пошли на дело, надо идти до конца.

Ропот среди бойцов становился все громче.

— Вы что, сбрендили? — закричал Грег на Тодда и Андерсона. — Полковник Квонтрилл над вами командир!

Тодд скривил рот в ухмылке.

— Видали мы командиров! Джефферсон Дэвис плевать хотел на этого труса, полковничьего чина ему не видать как своих ушей.

При этом Фрэнк Джеймс, Джон Маккоркл и Коул Янгер встали рядом с Андерсоном и Тоддом. Билл Грег, Энди Блант и Джон Холт рядом с Квонтриллом. Ропот тем временем перерос в крики и проклятия. Несколько человек покинули строй и поехали назад, вверх по холму.

Сэм решил, что продолжение его мало интересует. Он начал потихоньку пятиться, но споткнулся о дохлого мула.

Квонтрилл на вид был спокоен, как гробовщик.

— Ладно, ребята, — сказал он. — Пожалуй, вы правы. Мы далековато зашли, чему быть, того не миновать, бивали мы янки и раньше. — Он указал рукой на Лоренса: — Вперед!

— Вот это дело! — зарычал Андерсон. Он и его сотоварищи тут же повернули лошадей в направлении Лоренса.

Как только они это сделали, Квонтрилл выхватил из-за пояса два револьвера, взвел курки и выстрелил из обоих в спину Биллу Андерсону. Андерсон рухнул, а лошадь его взвилась на дыбы.

Склон холма превратился в адское месиво из вспышек огня, разрывов и воплей.

Сэм перелез через мула и прятался за ним, пока не услышал глухие удары пуль по брюху животного. Тогда он откатился вбок и, пригнувшись, почти на четвереньках стал спускаться вниз по холму. Там, где деревья росли погуще, он вскакивал на ноги и пускался бегом. Несколько раз он падал, но старался не терять скорости. У подножия холма деревья сменились кустами и высокой густой травой. Сэм решил бежать напрямик в Лоренса. Ни Генри, ни Биксби не было видно — надо полагать, они уже в городе.

Позади вдруг грянул гром, — оглянувшись, он успел увидеть только лошадиную шею и каблук сапога. Каблук угодил ему прямо в лоб и повалил с ног. Шляпа отлетела куда-то в сторону.

Сэм лежал на спине и глядел в светлеющее небо. Потом над ним возникла лошадиная голова, и он почувствовал на лице горячее дыхание.

— Встань, достань револьвер из-за пояса, — потребовал чей-то голос.

Сэм повернулся, встал на колени и поднял глаза на всадника. Это был Флетч Тэйлор. Дуло его кольта смотрело Сэму прямо в глаз.

— Убивать меня будешь, Флетч? — спросил Сэм.

— Встань с колен, — приказал Тэйлор. — Встань, достань револьвер из-за пояса, умри как мужчина.

Сэм рассмеялся, тихо и горько. С изумлением, он вдруг понял, что ему не страшно.

— Все люди умирают одинаково, Флетч, — сказал он. — Одинаково неохотно.

Тэйлор подержал револьвер у лица Сэма еще несколько секунд, потом выругался и снял палец с курка. Он оглянулся в сторону холма.

— Ты только послушай, что там творится по твоей милости, — сказал он.

Звуки выстрелов и крики разносились над равниной, как дым. Тэйлор опять взглянул на Сэма.

— Ты спас мне жизнь, — сказал он, — я отдаю тебе долг. Но еще раз увижу — убью.

Сэм кивнул.

— Спасибо, Флетч.

Тэйлор криво улыбнулся.

— Пошел ты к черту, — сказал он. Пришпорил лошадь и поехал назад, вверх по холму.

Сэм смотрел вслед Тэйлору, пока не заметил, что бой распространяется уже на равнину. Он вскочил на ноги, подобрал шляпу, ту самую, что подарил Тэйлор, и опять побежал в сторону Лоренса.

Когда он, чуть не падая от изнеможения, добрался до улицы Массачусетс, в окнах каждого дома он увидел мужчин. Иные в синих мундирах, но большинство штатские. В руках у каждого — револьвер или карабин. Солнце еще только вставало, но Лоренс уже проснулся. Один из мужчин вышел наружу, навел ружье на Сэма, но его остановил возникший откуда-то мальчик Генри. Потом Генри схватил Сэма за руку и потащил к дому Уитни.

Через четверть часа из окна второго этажа Сэм увидел, как по улице Массачусетс мчит галопом великолепная вороная лошадь. У всадника, одетого в вышитую серую рубашку, серые штаны и черные кавалерийские сапоги, руки были связаны за спиной, а ноги привязаны к стременам. Его голова и плечи были измазаны смолой и пылали. Он страшно кричал.

— Это Квонтрилл! — воскликнул кто-то.

С обеих сторон улицы одновременно раздался залп, и лошадь со всадником упали замертво.

Несколько секунд спустя, сотня миссурийских партизан во главе с Джорджем Тоддом ворвались на улицу. Из них четырнадцать были тут же срезаны градом свинцовых пуль, остальные развернулись и бросились наутек, преследуемые солдатами и горожанами. Возглавила преследование рота чернокожих фе-

деральных рекрутов — еще трое налетчиков были ими убиты на южной окраине города.

Когда перестрелка и крики стихли, кучка горожан собралась около двух трупов — лошади и ее обожженного, окровавленного хозяина. Толпа расступилась, пропуская вперед двух человек в черных костюмах и шляпах. Сэм узнал проповедников, которых он, Тэйлор и Ноланд встретили на дороге неделей раньше.

Старший проповедник поднял Библию над телом Квонтрилла.

— Земля к земле, — произнес он нараспев.

Молодой проповедник тоже поднял Библию.

— Тлен к тлену, — сказал он.

И хором оба пропели торжественно:

— И прах к праху.

Потом они опустили Библии, вынули револьверы и всадили в Квонтрилла по несколько пуль каждый, для верности.

— Аминь, — разнеслось над толпой.

Сэм задернул занавески.

Сенатор Джим Лэйн вернулся в Лоренс в среду, чтобы принять участие в собрании пайщиков железной дороги. Через день после неудавшегося налета, в субботу, в полдень он послал за Сэмом. Лэйн оказался не так толст, стар и лыс, как его изображали карикатуристы, но роскошный дом, отстроенный им в западной части города, вполне отвечал ожиданиям Сэма. Дом ломился от дорогой мебели, в гостиной стояло два фортепьяно.

— Где это вы разжились двумя фортепиано, сенатор? — поинтересовался Сэм. Он не спал накануне ночью, и в его словах сквозил, наверное, едкий упрек, но ему было все равно.

Лэйн хитро улыбнулся.

— Одно принадлежало моей матери, — сказал он. — Другое — мятежнику из графства Джексон, которому теперь негде его держать.

Сенатор взял перо, написал несколько строк на клочке бумаги, сложил его и толкнул через стол.

— Канзас благодарит вас, мистер Клеменс, и сожалеет об ошибке, допущенной два года назад, когда кто-то из наших красноногих молодцов принял вашего брата за рабовладельца. Если бы их известили, что он назначен секретарем на Территорию Невада, трагедии, конечно же, не произошло бы.

— Он известил их об этом, — устало сказал Сэм. — Они не поверили.

Лэйн пожал плечами.

— Сделанного не воротишь. Но справедливость всегда торжествует, уверяю вас. Генерал Эвинг велел регулярным войскам арестовывать всех красноногих подряд. Он подозревает, что именем свободы эти люди совершали преступления, и я склонен с ним согласиться. — Он накрыл рукой клочок бумаги. — По слухам, губернатор Территории Невада опять нуждается в секретаре. Обещать ничего не могу, но моя рекомендация вам, разумеется, пригодится.

Он доверительно наклонился через стол.

— Честно говоря, мистер Клеменс, вы правильно решили — ехать дальше, в Неваду. Немало людей в этом городе считают, что сгоревший человек был вовсе не Квонтрилл, а вы — не друг нам, а Квонтриллов шпион.

Сэм бессмысленно уставился на листок бумаги.

— Билет на почтовый экипаж из Сент-Джозефа стоит сто пятьдесят долларов, — сказал он. — У меня есть десять.

Лэйн встал и на несколько минут покинул гостиную. Вернувшись, он вручил Сэму три пятидесятидолларовых бумажки и бутылку виски.

— Из отборного канзасского зерна, — объявил сенатор, постучав ногтем по бутылке. — Это вам на память о моем штате.

Сэм сунул деньги в карман и теперь стоял, держа бутылку виски за горлышко. «О моем штате» — подумать только! Сделанного не воротишь.

— Будьте здоровы, сенатор, — сказал Сэм и повернулся идти.

— Вы забыли мое рекомендательное письмо, — сказал Лэйн.

Сэм взял клочок бумаги, сунул его в карман вместе с деньгами и вышел за дверь.

Генри стоял у порога, держа Биксби за повод, тут же болтались без дела около дюжины синегривых. При них — запасная лошадь.

— Мистер Клеменс, — обратился к Сэму один из солдат, — нам приказано сопровождать вас до Сент-Джозефа. Выезжать надо немедленно. — Особой радости в его голосе не было. Сэм заподозрил, что приставленные к нему синегривые (все белые) были наказаны, таким образом, за недостаток рвения в преследовании налетчиков — не в пример чернокожим однополчанам.

Сэм кивнул солдату, потом повернулся к Генри.

— Ты, похоже, хочешь оставить себе мою лошадь, — сказал он.

— Я-то не хочу, — уклончиво сказал Генри. — Уж очень вредный конь, по чести сказать. Но папаша заладил: либо Биксби — в уплату за мула, либо кому-то здорово влетит. Раз вы уезжаете, влетит не иначе как мне.

— Тебе это на пользу, — сказал Сэм, — но мне конь все равно не нужен. Дарю его тебе, и седло в придачу. Я возьму только сумки.

Он снял с лошади седельные сумки и в одну из них засунул бутылку виски. На дне сумки завалилось несколько кусков тростникового сахара, один он скормил Биксби. Биксби разжевал и проглотил сахар, потом попробовал укусить Сэма за руку. Сэм отдал остаток сахара Генри, а седельные сумки отнес к запасной солдатской лошади.

— До свидания, мистер Клеменс, — сказал Генри, садясь верхом на Биксби. — Я никогда вас не забуду.

Сэм оседлал своего коня.

— Спасибо, юноша, уж я-то постараюсь забыть и тебя, и вообще все в этом проклятом городе.

Генри покосился на него недоверчиво.

— Сдается мне, вы все заливаете, мистер Клеменс, — сказал он.

— Так оно и есть, — ответил Сэм. — Кто бы мне за это еще деньги платил!

Синебрюхие тронулись, и Сэмова лошадь тоже. Сэм оглянулся, чтобы махнуть рукой Генри и Биксби, но те уже ехали, не оглядываясь, в противоположном направлении.

По дороге к парому Сэм с солдатами проехали мимо «Элдридж-Хаус». Рядом на тротуаре лежало восемнадцать трупов. Они уже начали вонять. Вокруг все еще толпились горожане, и Сэм краем уха услышал пересуды насчет одного из трех налетчиков, убитых негритянскими рекрутами. Что было чернокожему делать в шайке Квонтрилла? — гадали зеваки.

Сэм хотел было сказать: «Ему платили», — но слова замерли на языке.

Крайние четыре тела из лежащих вдоль тротуара принадлежали Джорджу Тодду, Коулу Янгеру, Фрэнку Джеймсу и Флетчеру Тэйлору.

Сэм отвернулся и поехал дальше.

Заночевал он вместе с солдатами биваком у дороги, а воскресную ночь провел в гостинице в Сент-Джозефе. Ни в ту, ни в другую ночь он не спал. На восходе в понедельник отнес сумки на почтовую станцию, заплатил деньги и сел в экипаж. С ним были еще два пассажира и несколько мешков почты. Ровно в восемь экипаж тронулся в западном направлении.

Проезжая мимо места, где был убит Орион, Сэм достал бутылку, подаренную Лэйном, и откупорил ее. Он предложил выпить попутчикам, но те, отпив по глотку, отказались, признав, что хуже поила в жизни не пробовали. Сэм был того же мнения, но все равно выпил один почти полбутылки.

На следующей станции, пока меняли лошадей, он взобрался со своими сумками на верх повозки. Когда экипаж снова тронулся, Сэм отхлебнул еще виски и стал рзирать золотисто-зеленые поля. По мере того как голова прогревалась солнцем и алкоголем, волнующиеся на ветру трава и кукуруза все больше напоминали ему океанские волны в шторм. Он вспомнил, как, проведя пароход вниз по Миссисипи, он впервые увидел Мексиканский залив и как славно потом провел время близ Нового Орлеана. Найдется ли в Неваде что-то, хоть вполовину такое прекрасное, подумал он.

Тут он вспомнил о рекомендательном письме Джима Лэйна, достал его и прочел следующее:

«Дорогой губернатор Най,

Вы, может быть, помните, что мистер Орион Клеменс, назначенный к Вам секретарем два года назад, был, к сожалению, убит и не смог приступить к исполнению своих обязанностей. Позвольте сим рекомендовать Вам его младшего брата Сэмюэла, который успел проявить себя как достойный сын нации и верный республиканец. Надеюсь, Вы поможете ему найти занятие, соответствующее его наклонностям.

Искренне Ваш

Джеймс Лэйн, сенатор

от Великого и Славного Штата Канзас».

Сэм порвал письмо и развевал клочки по ветру. Если есть в Неваде занятие, соответствующее его наклонностям, он найдет

его сам, не одолаясь у самодовольного и вороватого сукина сына вроде Джима Лэйна.

И дрянного их виски ему тоже не надо. Сэм перегнулся через крышу экипажа и вылил содержимое бутылки на дорогу. Потом открыл одну из седельных сумок, достал кольт и выпрямился во весь рост. Бутылку он держал в левой руке, а револьвер — в правой.

Кондуктор подозрительно на него оглянулся.

— Вы что это затеяли, сэр? — строго спросил он.

Сэм широко раскинул руки.

— Я говорю «прощай навек» проклятому штату Канзас, — заорал он, — я отправляюсь на новую Территорию!

Он обежал взглядом простершуюся на все четыре стороны прерию. Густая зеленая трава волновалась, как море.

Он тосковал по реке.

Он тосковал по братьям.

Но тот мир ушел навсегда, его не вернуть ценой чьих-то жизней. Пора создавать новый мир.

— Без пол-меры два! — крикнул он.

Кондуктор и возница опять оглянулись на него в недоумении.

— Без четверти два! — завопил Сэм еще громче.

Потом отвел левую руку назад — и стремительно выбросил ее вперед: бутылка взлетела высоко в воздух. Когда она достигла высшей точки в полете, он поднял правую руку, большим пальцем взвел курок колты и нажал на спусковой крючок.

Бутылка разлетелась алмазными брызгами.

Экипаж дернулся, и Сэм с размаху рухнул на крышу.

— Черт тебя подери! — Кондуктор аж зашелся от возмущения. — Попробуй еще раз испугать лошадей — как есть выброшу на дорогу!

Держа револьвер за дуло, Сэм протянул его кондуктору.

— Примите, пожалуйста, это, — сказал он церемонно, — в знак извинений.

Кондуктор взял револьвер.

— Верну, когда протрезвеешь.

— Нет уж, — решительно заявил Сэм. — Не вернете.

А потом закинул голову назад и проревел во всю силу легких:

— МЕР-Р-РА ДВА-А-А!

Две сажени глубины. Путь свободен.

Он улегся, прикрыл лицо шляпой и уснул. И никакие мертвецы ему больше не снились.

Для Сэма Клеменса закончилась война.

Стивен Атли — непревзойденный мастер в жанре альтернативного рассказа. В рассказе «Осторожно! Оглянись!» он придает традиционному «альтернативному» сюжету — победе южан в Гражданской войне — неожиданный поворот.

Стивен Атли

Осторожно! Оглянись!

Мемфис* остался позади. Солнце заходило, и обрывистые берега Миссисипи окрасились в пурпур. Деревья, растущие на берегу Арканзаса**, с их голыми переплетенными ветвями, будто корчились в судорогах на фоне пламенеющего неба. Далекая и полузабытая, как прошлогодние дурные сны, война возникла вдруг в памяти видениями горящих городов и разоренных поселков.

Стоящий рядом со мной полковник Суало попыхивал сигарой. Он выглядел довольным.

— Чертовски здорово снова плыть по этой древней реке. Это вам не жалкие ручейки на востоке.

— Но Амазонка, говорят, даже Миссисипи за пояс заткнет.

— Тогда на нее действительно стоит посмотреть. Надо поехать и самим убедиться. Ну как?

Я не ответил, но через секунду его вопрос вывел меня из оцепенения.

© Steven Utley Look Away F&SF, February 1992.

* Город Мемфис находится в штате Теннесси, расположен на реке Миссисипи

** Река Арканзас — правый приток Миссисипи

— Мысли одолели?

— Признаться вам, сэр, скорее мыслишки, притом несущественные. Служба в кавалерии — дело ясное и очевидное, не в пример нашей затее. И я сейчас, как никогда, боюсь провала.

Полковник вынул изо рта сигару и, повернув голову, взглянул на меня. Лучи заходящего солнца и паровых фонарей освещали его лицо каким-то двойным фантастическим светом. Сверкающие глаза и кустистые седые брови, сросшиеся над крючковатым носом, делали его похожим на хищную ночную птицу. Я знал бывалых солдат, которым легче было вынести свист пуль рядом с собой, чем пронизывающий взгляд этого ветерана.

Правда, со мной он обращался дружески.

— Одному Господу известно, — пробормотал он, — какие опасности сопутствуют нашему предприятию. — Он сказал это так тихо, что шум гребного колеса почти заглушал его голос. Широким жестом он обвел пространство от Миссисипи на востоке до Арканзаса на западе.

— Это могло бы всех нас разогнать, а не объединить. Поэтому сомневайся сколько угодно, пока не состоялось наше рандеву с крейсером. Надеюсь, что в этот момент еще смогу на тебя положиться.

— Полковник...

— Я всегда ведь мог полагаться на тебя. Не пойти ли нам в кают-компанию? Столько кругом воды, что ужасно хочется выпить.

— Пойдемте, сэр.

В кают-компанию я увидел Мейхью, торговца хлопком. Он встречался нам в Мемфисе, когда шла посадка на пароход. И тогда уже показался каким-то подбострастным занудой. Мейхью сидел за столиком в компании еще двух мужчин. Он махнул нам рукой: мол, присоединяйтесь. Полковник направился прямо к ним, я последовал за ним с еле сдерживаемым недовольством. Народу в салоне было мало, никого больше мы не

знали, поэтому выбора не оставалось — приличия есть приличия.

В углу кают-компания группа музыкантов играла что-то в стиле «дикси»^{*}.

Мейхью и его товарищи поднялись, принимая нас в свою компанию. Нам представили пожилого человека, майора Пеннела, «последнего солдата армии Северной Вирджинии». Пустой рукав его сюртука был аккуратно подколот. Третьего — молодого человека — звали Брэдли Мейхью. Не сразу можно было найти какое-либо сходство между торговцем хлопком и его отпрыском. Мейхью-реге^{**} массивный, грубоватой наружности, Мейхью-филс^{***} — блондин лет девятнадцати, с тонкими чертами лица. При рукопожатии я ощутил холодную и влажную ладонь. Он как-то съежился под свирепым взглядом полковника и посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Мы были почти одногодки, я постарше лишь на несколько лет. Меня представили просто: «Гравуа, секретарь полковника Суало». Как только мы сели, стюард принес еще два стакана и бутылку виски.

— Не вы ли тот самый полковник Суало, который служил в штабе Альберта Джонстона^{****} во время кампаний в Теннесси и Огайо? — спросил майор Пеннел.

— Он самый. Был я и с Борегардом^{*****} в Чарлстоне.

— Полковник находился там, когда начались и когда закончились боевые действия, — ввернул я, как маленький примерный подлиза.

Мейхью выслушали меня со вниманием. Майор же совершенно не отреагировал, будто и не слышал, что я сказал. А он

^{*} «Дикси» — разговорное обозначение Юга США, также (обычно «Диксиленд») — название американских джазовых ансамблей новоорлеанского стиля, состоящий из белых музыкантов. По манере исполнения первоначально не отличались от негритянских.

^{**} Отец (фр.).

^{***} Сын (фр.).

^{****} Алберт Джонстон — генерал армии конфедерации.

^{*****} Пьер Борегард — генерал армии конфедерации.

опасен, чего не скажешь по первому впечатлению, заключил я, и надо быть с ним поосторожнее.

Обращаясь к полковнику, Пеннел сказал:

— Даже до нас в Вирджинии дошла молва, как один из офицеров штаба Джонстона, человек немолодой, возглавил под Шилохом* полк, в котором погибли или получили увечья все командиры. Так вот, они разбили наголову укрепления янки — налетели как дьяволы. — Он ухмыльнулся и обратился к юному Брэдли: — Именно так писали в газетах, мистер Мейхью, — как дьяволы.

Молодой человек с большим интересом посмотрел на полковника и произнес, запинаясь:

— Я восхищаюсь вами, сэр, и завидую вам.

Тут же он покраснел до корней своих набриолиненных волос. Мейхью-старший тоже заметно смутился. Внезапно до меня дошло: юный Мейхью пересидел войну где-нибудь в торговой конторе своего папаша. Он ненавидит себя, а возможно, и отца за это. Право солдата — и его не отнять — не уважать всякого штатского как уклоняющегося от военной службы. Я же испытывал к молодому человеку сильнее чем презрение — какое-то неожиданное и странное любопытство. Возможно, отец даже уговаривал его не идти в армию, а теперь старается загладить вину и «угощает» военными — как бывшими, так и настоящими. Могло быть и по-другому: отец позволил сыну поступать по-своему, а сейчас пригласил вояк, чтобы потерзать совесть своего отпрыска.

Я еще размышлял над всем этим, когда майор Пеннел, тронув свой пустой рукав, сказал:

— Молодой Мейхью завидует, конечно, не всему, через что я прошел. В нашем случае янки нанесли ответный удар и атаковали как дьяволы.

В интонации его голоса не было ни капли яда, и вместе с тем сказанное, должно быть, разнесло в пух и прах те крохи само-

* Шилох — место под Питтсбургом (штат Теннесси), где была в 1862 г. одна из главных битв Гражданской войны. Сейчас там музей под открытым небом.

уважения, которые еще оставались у Брэдли. А старший Мейхью даже протрезвел на несколько секунд. Этот увалень оживился и пробормотал:

— Тем не менее... — он дипломатично переводил взгляд то на одного, то на другого офицера, — вы оба видели, как делается история. Несомненно, вы внесли в нее свой вклад.

Под конец он вспомнил обо мне:

— И вы, мистер Гравуа, должно быть, тоже один из наших смелых героев в серых мундирах.

— Я служил посыльным в кавалерии и носил форму. Свидетель многих изнурительных конных переходов, но едва ли хоть одного сражения.

Я мог бы добавить, что видел полыхавшую из конца в конец долину Огайо.

Полковник Суало мягко пожурил:

— Не принижай своих заслуг, Гравуа. Ты делал очень нужное дело. Детям и внукам будешь рассказывать: «Я носил депеши».

— Да, — вставил майор Пенелл, — здесь больше шика, чем во фразе «Я потерял руку в бою с янки».

Майор явно перегнул палку, и полковник Суало, похоже, собирался дать волю своему гневу. Однако он почел за лучшее не делать этого и тактично заметил:

— Майор, я боюсь, что мы с вами уже выходим в тираж. Наша нация — молодая, и теперь юноши, подобные Гравуа и Брэдли, — он бросил на него колющий взгляд филина, отчего тот испуганно вздрогнул, — будут творить историю.

Старый Мейхью произнес:

— Господа, предлагаю поднять наши бокалы.

Мы подняли.

— За Конфедерацию* американских штатов. — В голосе торговца хлопком появились патетические нотки. — Пусть она живет и процветает!

* Конфедерация — группа Южных штатов, отделившихся от Соединенных Штатов в 1860 и 1861 гг.: Алабама, Арканзас, Флорида, Джоржия, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Южная Каролина, Теннесси, Техас и Вирджиния.

Мы торжественно произнесли: «Пусть!» — и выпили. Я отметил, что Брэдли, даром что молодой, толк в питье знает. Папаша же незамедлительно наполнил бокалы и внимательно посмотрел на майора Пеннела.

Для произнесения тоста майор встал.

— За тех, кто боролся на стороне южан — от вестового до полковника. Пусть Бог благословит каждого, кто бросил вызов угнетению и помог свержению тирана Линкольна!

— За них! За них! — Мы выпили еще раз.

Теперь настала моя очередь. Я перефразировал однажды слышанный тост Альберта Сидни Джонстона во славу женщин Конфедерации.

Майор Пеннел причмокнул губами и посмотрел на меня:

— Полковник прав. Теперь, когда закончились пальба и муштра, всем нам следует, видимо, отправиться по домам и начать нормальную жизнь. Представляю, что некоторым такая жизнь покажется крайне скучной. Чем же собирается заняться наша молодежь?

Я сдержанно улыбнулся.

— Да кое-кто направляется в Новый Орлеан, потом в Галвстон — поискать счастья в Техасе.

— Техас — это интересно, как мне кажется, — сказал папаша Мейхью как-то слишком сладкоречиво.

— Я слышал, в Техасе надо еще выбить индейцев кое-откуда, — произнес молодой Мейхью донельзя серьезно. У меня уже исчезли остатки всякого любопытства к нему, начало сводить скулы от папашы с сынком.

— Армия, — сказал сухо майор Пеннел, — уже оттеснила индейцев далеко к западу от Галвстона.

— Не дело армии — воевать с индейцами в Техасе! — Слово «индейцы» полковник Суало произнес с оттенком брезгливости в голосе. Пусть так называемые рейнджеры* имеют дело с индейцами. У солдата должен быть настоящий враг.

* Рейнджер — военнослужащий диверсионно-разведывательного подразделения.

Мейхью просто оторопели от этого взрыва. Майор кивнул в знак согласия и произнес так же сухо:

— Конечно, мы должны сохранять наше достоинство.

Меня же охватило единственное ощущение — тепло от выпитого виски. Я внимательно наблюдал за полковником. Встретить его впервые, решили бы — стоек к выпивке. Но мы-то общались довольно тесно, и я знал: опьянение у него долго не проходит, даже от маленькой порции. И дело могло не ограничиться этой вспышкой раздражения. Покрасневшие глаза и хриплый голос говорили, что он на грани срыва.

Тревога моя усилилась, когда старший Мейхью вновь наполнил бокалы и повернулся к полковнику:

— Кажется, теперь ваша очередь.

Ни секунды не медля, полковник Суало поднял бокал и произнес:

— За Мексику, Кубу и Бразилию!

Не будь я в шоке от этого безрассудства, пожелал бы, чтоб молния поразила его на месте. А полковник, как бы вспомнив, что не все сказал, добавил:

— И за будущие битвы!

Отец и сын Мейхью удивленно переглянулись. Майор Пеннел вознамерился встать, но передумал и, держа бокал, сказал спокойно, как ответил бы на вопрос, сколько времени:

— Конфедерация одержала победу в единственной войне, которую должна была вести. Она боролась и победила.

Полковник сдвинул кустистые брови:

— У нас есть предназначение, майор. Как Соединенным Штатам прямая дорога на запад, так наше предназначение — на юг.

— Но говорить о заграничных кампаниях сейчас, когда народ в такой нищете... — Майор повернулся к старшему Мейхью: — Разве ваши дела идут так же хорошо, как в 1860 году?

— Ну, значит... — начал торговец хлопком, но полковник не дал ему договорить.

— Надо действовать быстрее, пока армия более-менее боеспособна. Воин-южанин — наше главное богатство. Он не хуже солдата любой армии, даже французской. Я говорю это как сча-

стливый потомок нации, имеющей в Европе самый большой военный опыт. Более того, ни один флот в мире не идет в сравнение с нашими броненосцами. А особенно с лучшим из них — «Алабамой»!

— Да, полковник, солдаты-южане действительно демонстрировали чудеса храбрости на полях сражений, но на подвиги их вдохновляли самые благородные мотивы, какие только могут быть у человека. Скажу точнее: единственные справедливые мотивы — защита своего дома и свободы. Но Мексика и Куба — совсем другое дело. Мало кто из солдат и знает-то, где находится Бразилия, не говоря о том, как до нее добраться и за каким дьяволом им это надо.

Меж тем бокалы и майора и полковника мало-помалу опустились на стол. Остальные незаметно последовали их примеру. О выпивке забыли. Лицо полковника, обычно бледное, заметно порозовело, в глазах майора застыл недобрый взгляд. Люди моего круга, наверное, прекратили бы в подобной ситуации препирательство, другие, вероятно, пустили в ход трости. Но возраст полковника и пустой рукав майора исключали такие варианты. Тупиковая ситуация: ссора на всю жизнь или, по крайней мере, на весь вечер, если кто-либо не вмешается, чтобы положить ей конец. Я толкнул полковника под столом ногой, но он и бровью не повел. Одним усилием воли его не образумишь. Это все равно что велеть циклону утихомириться.

— Поставьте во главе армии конфедератов опытного военачальника, такого как Джонстон или те же Роберт Ли* и Том Джексон**, — говорил полковник, стуча по столу для пущей убедительности, — и вы увидите, как быстро у солдат-южан появятся цели в любом месте западного полушария.

— Слышу знакомые речи, — ответил майор почти с сарказмом. Совсем недавно я и мои товарищи уверенно рассчитывали за неделю дойти походным маршем от Ричмонда до Вашингто-

* Роберт Ли — главнокомандующий армии Конфедерации.

** Том Джексон — генерал армии Конфедерации.

на. Не думали, что стычки с янки будут серьезными. Но под Манассасом и Шарпсбургом они дали нам жару.

— Видел я ваши Манассасы и Шарпсбурги, майор, и Шилох с Цинциннати. Вот что я вам скажу, сэр: нет другой такой армии в обеих Америках, которая сражалась бы так, как мы под Шилохом. Кулачный бой между белыми. В сороковых годах я был со Скоттом в Мексике. Мы одолевали там одну за другой вооруженные толпы гризеров*, нацепивших форму. За всю кампанию потеряли меньше солдат, чем в обычный день в Огайо, когда убили нашу охрану. Единственное, что стоит между нами и Магеллановым проливом, — бесчисленные гризеры и ниггеры. — Он бросил быстрый взгляд на Брэдли: — И индейцы.

Брэдли сидел тихоней, я бессильно кипел от негодования, а старый Мейхью наблюдал с явным ужасом за распрей своих собутульников. На его лице появилось выражение, какое бывает у человека, чьи ожидания обмануты самым безжалостным образом. Но вот, кажется, ему пришла на ум идея, как остановить растущую неприязнь офицеров друг к другу и остальным. Он попытался изобразить на своем потном, багровом лице улыбку, но получилась лишь жалкая гримаса.

— Этот парень, Хуарес, который в Мексике президент, он наверняка индеец. Разве может Техас терпеть такого соседа?

Майор посмотрел на него как на сумасшедшего. Гнев полковника вспыхнул с новой силой: замечание торговца хлопком только подлило масла в огонь. Он стукнул кулаком по столу с такой силой, что золотистое вино выплеснулось из стаканов, о которых уже забыли.

— Точно!

В голосе звучало такое бешенство, что в салоне мгновенно наступила тишина. На нас стали оглядываться. Даже музыканты перестали на секунду терзать свои инструменты, играя «Шагаем по Мэриленду».

Я внимательно посмотрел на часы:

* Гризеры — презрительное наименование мексиканцев.

— Полковник, нам действительно надо торопиться, чтобы не пропустить ужин.

— К черту ужин, Гравуа.

Сказал он это мне, а смотрел на майора. Тот спокойно выдерживал его взгляд.

— Майор, подойдет любой единичный инцидент, скажем, перестрелка на Рио-Гранде. Надо только придать ей побольше огласки. Техасцы в массе своей не любят гризеров. А остальные штаты Конфедерации поддержат Техас, так же как поддерживали Южную Каролину после инцидента в форте Самтер*. Для солдат-южан есть еще один благородный и справедливый мотив участвовать в кампании — установить и защищать господство белой расы. И вот что еще получим. Не только территорию и всякие там богатства. Общее дело по-настоящему сплотит народ, сцементирует Конфедерацию!

Не отводя глаз от полковника, майор покачал головой:

— Возможно, отдельные штаты не захотят быть навечно в связке. Как известно, в разгар войны Джорджия рассматривала выход из Конфедерации.

— Подстрекательские слухи! Их распространяют шпионы янки! Только тогда Конфедерация выживет, когда штаты будут стоять плечо к плечу.

— Этот пустомеля Линкольн тоже много говорил в защиту Союза, — сказал Пеннел, растягивая слова, — и мы довольно-таки с ним подискутировали.

Полковник открыл было рот для ответной реплики, но я взял его за руку:

— Сэр, мы действительно должны сейчас уходить. — С меня было достаточно.

Теперь не только щеки, но и все лицо его пошло красными пятнами. Он повернулся и посмотрел на руку, посягнувшую на его локоть, с явной решимостью оторвать от нее пальцы. Я не

* Форт Самтер находится в гавани Чарльстона (Южная Каролина). Там раздались первые выстрелы южан 12 апреля 1861 г. и началась Гражданская война.

выдержал бы его взгляда, убрал руку и извинился, будь это не сейчас. Слишком многое было поставлено на карту. Хотя я и пришел несколько позже, чем он, к беззаветной вере в правоту нашего дела — во имя Бога, страны и президента Дэвиса*, — я был готов до конца исполнить свой долг. Пусть я не совсем вежливо обращаюсь с ним сейчас и даже рискну вызвать его гнев, чем позволю подвергнуть опасности нашу миссию.

Суало перевел взгляд с моей руки на лицо и, видимо осознав, что я не отступаю, оставил при себе те резкие слова, что уже были у него на кончике языка.

— Вы должны простить меня, джентльмены. Особенно вы, майор Пеннел. Наша нация только формируется. Энтузиазм порою уносит нас слишком далеко в сторону.

Майор Пеннел произнес в ответ на извинение небольшой спич. Очень любезным тоном он выразился в том смысле, что энтузиазм, в конце концов, унес всех до Цинциннати и даже до столицы янки. Правда, в конце он все испортил, сказав, что для энтузиазма губительнее всего, когда вас внезапно подсекает пуля Минье**.

Едва заметная улыбка тронула губы полковника. Он еще раз кивнул обоим Мейхью и, широко шагая, вышел из салона. Я ступал за ним по пятам. Он направился прямо к поручням и схватил их с такой силой, что я испугался за их сохранность. Какое-то время молчал, лишь смотрел вдаль, на Арканзас.

Но вот он обернулся ко мне:

— Гравуа, только предатель может быть хуже этого человека.

— Простите его, полковник. Его жизнь побила, вот он и пытается как-то отвлечься.

* Дэвис Джефферсон — американский политический деятель, президент Конфедерации.

** Пуля Минье — разрывная пуля названная по имени французского изобретателя.

— Люди вроде него вынудят нас изменить своим идеалам и сдаться. Наша цель — империя! А ему хочется видеть в нас второстепенную нацию плантаторов и фермеров!

— Сэр, не позволяйте ему раздражать вас. Успех нашего дела требует не только вашего доверия ко мне. Я должен полагаться на вас. Не надо агитировать первого попавшегося! Мы с вами два обычных гражданина — офицер в отставке и его секретарь. И у нас деловая поездка в Новый Орлеан.

— С людьми, подобными Пеннелу и этим недоумкам Мейхью, нашего дела не сладить. А?

— Не все люди такие. По крайней мере, будем надеяться, что Брэдли другой. Он будет, надо полагать, даже рад, что судьба подбрасывает еще один шанс исполнить свой долг. И даже такой циник, как майор Пеннел, может сгодиться, когда деломправляете вы.

Мы попадем на Кубу еще в этом месяце, и туда же прибудет с дружеским визитом «Алабама». А дней через тридцать, если все пойдет нормально, крейсер будет покоиться на дне гаванского порта, в городах Конфедерации толпы закричат «Помни «Алабаму», и мы станем воевать с Испанией. А через год? Кто знает, что будет. Увидим ли конец? Возможно, впереди Мексика или Гаити. Карибские острова следует прибрать к рукам. Если только мы доберемся до Нового Орлеана и полковник не расскажет каждому встречному-поперечному, что у нас за дело.

— Пойдемте, сэр, нам пора ужинать.

Он протянул руку, чтобы взять меня под локоть.

— Да, конечно.

Я едва расслышал — шумело гребное колесо. Неутомимо вращаясь, оно тянуло нас вниз по могучей реке в темнеющую даль.

U. S. DEPARTMENT OF
HEALTH, EDUCATION, AND WELFARE
OFFICE OF EDUCATION

The
Constitution
OF THE
UNITED STATES
OF AMERICA

Д. Уильям Шанн

С нашей точки зрения мы все сдвинулись влево

Вообще-то я считаю — ничьей тут вины нет, но даже сегодня так и тянет свалить все на кого-нибудь. А ведь как просто самим признаться, что оплошали, до боли просто. Мы были тогда детьми, не спорю, но ведь перечеркнули человеку карьеру, да и саму жизнь. И одновременно подпортили репутацию всей нации. Причастность к событию такого рода оставляет сильнейшее впечатление в юной душе.

Всякий раз, как слышу: этого занесли в «черный список», тот исчез или заключен в тюрьму, чувствую знакомое бремя угрызений совести. Причем то, что оно знакомое, не уменьшает его тяжести. В такие моменты преследует мысль, которая может показаться абсурдной: не произошли тогда тот инцидент с мистером Кеммельманом, первый в цепочке, страна не была бы ввергнута в это безумие.

Я не сомневаюсь — с остальными происходит то же самое. О случившемся мы с однокашниками почти не говорим, но их глаза красноречивее слов.

Всех нас оно преследует, то недоразумение.

Случилось все в тот давний морозный зимний день 2009 года. Высоко в небе, голубом как лед, сияло солнце. Тысячи любопытных, поеживающихся от холода горожан запередили площадь перед Капитолием, Аллею, растеклись от авеню Конституции на севере до авеню Независимости на юге. Мы стояли слева от президентской трибуны. Перед нами простиралось огромное людское море: на его поверхности вздымались и перекаты-

вались волны, разбиваясь о кордон спецслужб внизу под нами, как прибой разбивается об остров, затерянный в океане. Вдали возвышался мемориал Вашингтона — грандиозный и величественный даже отсюда, с Капитолийского холма. А совсем далеко, у горизонта, сверкали, как ртуть, воды Потомака. В тот день творилась сама История, поток ее захватил и понес нас, как река уносит барки. Но немногие из тех, кто был там, могли предвидеть, какие темные воды ожидают впереди.

Над всей Аллеей из множества динамиков неслись раскаты бравого марша. Его исполнял духовой оркестр морской пехоты, расположившийся справа от президентской трибуны. Перед подмостками, где мы все стояли, тяжело топал по снегу руководитель нашего хора мистер Кеммельман. С суровым и насупленным видом он расхаживал взад и вперед, совсем не в такт музыке. Вдоль линии охраняемой зоны застыли агенты спецслужб с непроницаемыми лицами. Иногда они переговаривались по наручным рациям. Сотрудники Белого дома сновали во всех направлениях. В этом организованном хаосе расхаживание мистера Кеммелямана едва ли привлекло чье-либо внимание. Но мы, хористы, следили за ним неотрывно.

Тяжелое раздумье окутывало чело нашего дирижера. Его мрачность, наша тревога за него, уважение и даже любовь к нему — все это заставляло наши нервы звенеть, как натянутые струны рояля.

— Хотя бы он сел, — прошептал я. — Прямо не могу.

Я стоял, втиснутый между приятелями — Хьюи и Чарли. Чарли согласно кивнул и прищурил темные глаза.

— Знаешь, Бен, на кого он похож?

— Нет. На кого?

— На большую оплывшую свечу. С ногами.

Он был прав. На стенах кабинета мистера Кеммелямана мы видели потускневшие от времени фотографии солидного молодого человека с широким и грубоватым, будто высеченным из камня, лицом. Темные, слегка выпуклые глаза с тяжелыми веками придавали ему обманчивое сходство с прикрывшей от усталости глаза гончей, лицо обрамляли густые выщипанные волосы рыжевато-каштанового цвета. Прошедшее с той поры время подействовало на этого человека так же, как действует огонь на толстую сальную свечу. Подбородок сполз к воротнику, складки у рта напоминали восковые слоистые подтеки. Дряблые щеки

свисали, под глазами образовались мешки, а сами глаза, казалось, вот-вот скатятся с лица. Лоб был гладкий и чистый, как валун, отшлифованный ветром и дождями. Весь его вид и эта ходьба туда-сюда создавали впечатление подавленной энергии. Я представил, как он спешно пытается завершить все свои дела до конца дня, перед тем как запузыриться и стечь на пол, превратившись в бесформенную лужицу воска.

— На свечку? Тебе так кажется?

— Ага, — сказал Чарли, расправляя обшлага форменной куртки. — Представь, что у него волосы горят, и поймешь, о чем речь.

Хьюи стал что есть силы царапать лицо и дико закатил глаза.

— Помогите! Я плавлюсь, пла-а-влюсь! А-а-а-а!!!

Наш приятель Блин из следующего ряда захихикал и обернулся. Он был помладше остальных ребят и особо не участвовал в наших разговорах, но посмеяться — только палец покажи. Мы все любили его, считали своим талисманом. Он смеялся сейчас так заразительно, что я и несколько других ребят тоже не могли сдержаться.

Мистер Кеммельман посмотрел на нас недовольно.

— Сосредоточьтесь, джентльмены, — произнес он свистящим шепотом. — Дело серьезное. Не расслабляйтесь.

Он окинул нас холодным взглядом и снова зашагал, предвзительно оглянувшись вокруг, будто боялся, не услышал ли кто его замечаний.

Мы замолчали, пристыженные.

Всем нам тогда едва исполнилось десять лет.

Игра духового оркестра завершилась неожиданным мощным взрывом фанфар, и эхо прокатилось по окрестностям — громкое, как от ружейного выстрела. Не успели оркестранты в белых перчатках поставить свои инструменты, как толпа разразилась шквалом аплодисментов — бурных, как порыв зимнего шторма.

Солнце в небе достигло зенита. Я посмотрел на часы: полдень.

Каждая новая администрация стремится как-то по-особенному провести церемонию инаугурации, воплощая во внешних символах свою философию. В 1977 году Джимми Картер предпочел не ехать в президентском лимузине, а прошел пешком всю Пенсильвания-авеню, как бы доказывая, что он не

отделяет себя от простого народа. Во время вступления в должность Марио Куомо в 1997 году провели лишь минимум торжественных мероприятий, приличествующих важности и уникальности института президентства. Джон Исайя Уилок, поборник «Новых правых», готовясь к четвергу 20 января 2009 года, не поскупился ни на какие расходы, чтобы продемонстрировать самую большую степень национализма красно-бело-голубых кровей со времен празднования Двухсотлетия.

И концертный хор мужской Академии имени Натаниела Готорна, Северный Анделен, штат Нью-Хемпшир, весьма удачно дополнял картину.

Председатель Верховного суда Дэвид Саутер, облаченный в черную мантию, поднялся на трибуну, чтобы произнести несколько слов в честь Филлис Уитли — кандидата, потерпевшего поражение. Но я пропустил речь Саутера мимо ушей, потому что отвлекся на появившихся в поле нашего зрения агентов спецслужб, таких невозмутимых в своих черных костюмах и темных очках. Их вид воскресил в памяти тот ноябрьский день в академии, когда впервые в жизни я увидел их воочию.

Это произошло на следующее утро после выборов. Мы прогуливали занятия по пению. Четверо балбесов носились по коридорам академии, как взвод малолетних коммандос: Чарли — ведущий, мы с Хьюи — посередине, Блин — замыкающий. Он все время прикрывал рот рукой, чтобы не смеяться. Где-то в глубине сводчатого, тускло освещенного коридора скрипнула дверь, и мы шмыгнули за угол, стараясь не дышать, пока дверь снова не закрылась. Сдерживая смех, Блин надул щеки и весь скорчился. А когда Чарли дал ему разок по макушке, бедный малыш чуть было не сплхнул.

— Молчок! Слышишь? — шепнул Чарли. — Из-за твоего дурацкого смеха нам всем попадет.

Тут я решительно — будто мы были на воскресной службе — пихнул Чарли и велел ему заткнуться:

— Это ты нас подставишь, ты вытащил нас из класса.

Правда, тогда я пошел за ним весьма охотно, но теперь наше поведение предстало в несколько ином свете.

— Точно, подставит, — поддержал Хьюи, — правда, довольно оригинальным способом.

За несколько минут до этого произошло вот что. Двое мужчин в темных костюмах вошли в комнату для репетиций. Мы

разучивали хорал под названием «Реквием». И мистер Кеммельман был явно недоволен, что нас прервали. Однако когда незнакомцы что-то ему сказали, он отдал свою дирижерскую палочку нашему старосте, пообещал скоро вернуться, призвал нас сосредоточиться и продолжать заниматься как обычно, после чего удалился вместе с незнакомцами.

Тотчас же Чарли схватил меня за рукав: «Давай смоемся, Бен!» — и потащил в коридор. Вслед за нами выбежал Хьюи, а за ним, как привязанный, — этот дурачок Блин. В зале для репетиций, где находилась примерно сотня ребят, там стоял невообразимый. Не надо было большого ума, чтобы догадаться: приходили агенты секретной службы.

После всеобщих выборов мы порядком удивились: стало возможным то, во что еще полгода назад не верилось. Сенатор Джек Уилок, самый известный выпускник Академии имени Готорна, выдвинул свою кандидатуру на пост президента от реакционного движения «Новых правых» и в предвыборной борьбе обскакал как нынешнюю президентшу-демократшу, так и ее соперника от республиканской партии. Несколько лет Уилок состоял членом попечительского совета академии, и в древних запыленных отчетах значилось, что и он, и мистер Кеммельман были выпускниками 1968 года. Эти факты плюс появление людей в черных костюмах позволяли заключить, что, возможно, однокашник нашего педагога заехал к нему на пару минут поболтать.

...Короткая передышка закончилась. Чарли жестом предложил двигаться дальше. Надо было подчиняться.

Мы бросились по коридору, завернули за угол и тут остановились: до нас донесся звук закрываемой парадной двери. По фасаду шли высокие готические окна, и через них далеко вдали были видны Белые горы, покрытые густым заснеженным лесом. Внизу у подъезда на широкой полукруглой подъездной аллее пыхтел с невыключенным мотором шикарный, сверкающий лаком лимузин. По левую сторону от него стоял наш хормейстер со своими двумя сопровождающими. Один из них указывал Кеммельману в направлении машины.

— Видали, какого калибра железка у этого парня? — прошептал Чарли. — По меньшей мере тридцать восьмого. У него под мышкой спрятано. Такая штука может проделать в человеке дырку величиной с грейпфрут.

— А если в Блина попадет, то вообще хоронить будет нечего, — пробубнил Хьюи. — А не послать ли нам его на разведку?

Блин отпрянул назад, мотая головой. Тут уж ему стало не до смеха.

— Гляньте, парни! — воскликнул я. — Гляньте!

Когда мистер Кеммельман приблизился к лимузину, шофер открыл заднюю дверь, и из машины появился Джон Исайя Уилок.

Мы прильнули к окнам, как ребятя прилипает к витрине кондитерской. Человек, стоящий внизу, не был красивым в классическом смысле, но его выразительные черты приковывали внимание. пышная корона аккуратно причесанных, серых с проседью волос придавала его облику особую значительность. Отливали синевой выбритые щеки, глубокие морщины залегли у крыльев носа, около глаз обозначились «гусиные лапки». Этот человек был надежен и основателен, как заснеженные горы вдали, явно из тех, кто везде чувствует себя как дома. Уилок показался мне симпатичным. Но когда он пожал руку мистеру Кеммельману и как-то принужденно его обнял, что-то внутри меня екнуло. Он улыбался неестественно. Это была улыбка хищника.

— Ну вот, — сказал Хьюи. — А Кеммельман разбивается в лепешку, чтобы заставить нас петь по-латыни.

Блин хмыкнул, хотя вряд ли он знал о противодействии Уилока законопроекту, по которому испанский стал бы у нас вторым государственным языком. Уилок заявил, что граждане, обратившиеся за пособием, должны будут в обязательном порядке пройти собеседование по английскому языку. Материальную помощь получают лишь те, кто владеет им на достаточном уровне. Все для того, чтобы сохранить в чистоте родную речь.

Наш хоровик и президент-элект* несколько минут разговаривали на зябком ветру. На Уилоке было теплое пальто с меховым воротником и кожаные перчатки. На мистере Кеммельмане — лишь поношенный кардиган. Он поежился от холода. Во время беседы у Джона Уилока было оживленное и энергичное выражение лица, у мистера Кеммельмана, напротив, — каменное.

* Президент-элект — избранный, но еще не вступивший на пост президент.

Я смотрел на них и снова чувствовал к Уилоку такое же сильное отвращение, какое испытывал и раньше. Мои родители твердили, что он — враг. Они издавали небольшую газету в штате Мэн, где агитировали против Уилока с самого начала избирательной кампании. Дома я находился в атмосфере антиуилочизма. Но в тот ноябрьский день я остро ощутил, что мое отвращение к этому человеку было скорее инстинктивным, чем внушенным.

Уилок помахал рукой шоферу. Перед тем как направиться к лимузину, он положил руку на плечо мистера Кеммельмана, и вид у него был страшно серьезный. У меня внутри все судорожно сжалось, кулаки впечатались в оконную раму.

Как только Уилок что-нибудь произносил, Хьюи его передразнивал, причем очень по-чуждому: так говорят в Новой Англии.

— Теперь я верю, — изрекал он в тот момент, когда рот Уилока открывался и белой полоской вспыхивали зубы, — что вы прекратили отравлять драгоценные телесные флюиды этих прекрасных молодых людей варварской латинской дребеденью. Вы не разочаруете меня.

Блин не выдержал. Его так трясло от смеха, что лоб стучал о стекло. Этот стук, наверное, за милю отсюда было слышно. Тут один агент посмотрел в нашу сторону и потрогал выпуклость под мышкой. Чарли зажал Блину рот рукой, пригнул его к полу. Мы съежились, нас трясло, потом Чарли сосчитал до трех, и мы расслабились.

Город Плимут в Нью-Хемпшире находится совсем недалеко от Северного Анделена. И в городе Плимуте в 1864 году умер Натаниел Готорн. Он ушел в мир иной во сне. Это случилось во время путешествия к Белым горам, куда он отправился с близким другом, нашим четырнадцатым президентом Франклином Пирсом. Такое ощущение, что у подножья Белых гор лучше не общаться с президентами. Натаниел Готорн... Гораций Кеммельман... Теперь подошла моя очередь. Исторические прецеденты не вселяют оптимизма.

Мы примчались в зал для репетиций за несколько минут до мистера Кеммельмана. Он вошел, взял дирижерскую палочку — никаких приветствий, никаких фанфар, никаких объяснений.

— Джентльмены, начало «Реквиема». Первые такты исполняет центральная группа.

Мистер Кеммельман полагал, что его подопечные должны разучивать каждую вещь в многоголосии и быть всегда готовыми к концертному исполнению. В тот день мы хорошо пели свои партии, с чувством, не фальшивя. Но по мере того, как мы одолевали самые сложные пассажи «Реквиема», лицо мистера Кеммельмана выражало все большую озабоченность. И вот он положил дирижерскую палочку. В полной тишине мы ждали его замечаний.

Он поднял голову и взглянул на нас как-то умоляюще. Но не мы его волновали, а что-то там, за стенами класса.

— Джентльмены, — произнес он. Я обратил внимание, как потускнели его волосы, они совсем не такие, как на той старой фотографии. — Вы приглашены выступить двадцатого января в Вашингтоне, округ Колумбия, на церемонии вступления в должность нашего нового президента. — Он сделал глубокий вдох. — От вашего имени я принял приглашение.

Ребята зашумукались, как-то еще не поверив, что все правду. Мистер Кеммельман обводил нас медленным, каким-то извиняющимся взглядом. Чуть ли не прощения хотел просить.

— Завтра начинаются репетиции. Мы исполним произведение Ирвинга Берлина, которое вы все хорошо знаете, — «Боже, благослови Америку». Аранжировку я сделаю сам. Так что готовьтесь работать. — Он снова всех нас обвел взглядом. — На сегодня всё.

Никто не проронил ни слова и не двинулся с места. Мистер Кеммельман вышел из-за пюпитра, подошел к нам и раскинул руки.

— Солидарность, джентльмены, солидарность.

Мы все, сто двенадцать мальчишек, вскочили с мест и бросились к нему. Мы собирались вокруг него после репетиций, но всегда это была какая-то обязаловка. А сейчас что-то сплотило нас. Благоговение, трепет, гордость от оказанной чести, но больше всего — необъяснимый страх. В тот день он заставлял нас прижиматься друг к другу, сгрудившись в кучу.

И вот почему наш хор оказался в день инаугурации на этих наскоро сколоченных подмостках рядом с Капитолием. Для исполнителей они явно не подходили. Строителей, видимо, больше заботило, чтобы они соответствовали конфигурации Капитолийского холма. Все стали искать, где бы присесть, и нарушили обычный порядок построения. Мы с Чарли и те, кто обычно

стоит по центру, очутились где-то с краю хора. Масса ребят попала не на свои привычные места. В итоге все чувствовали себя не в своей тарелке и нервничали.

А мистер Кеммельман все ходил и ходил, но нам от этого было не легче.

Председатель Верховного суда Саутер произнес вступительное слово и попросил Джона Исая Уилока встать. Президент-элект направился к трибуне, и огромная толпа внизу тут же потянулась к нему — так луна тянет к себе морские волны во время прилива. «А где же все призывы и плакаты, куда подевались негодующие? Ни одного демонстранта», — вдруг подумал я. Они же присутствовали мощной колонной на инаугурации Филлис Уитли. Почему же сейчас никто не протестует?

Мистер Кеммельман когда-то был бунтарем, об этом говорили в академии. Он стал лидером факультетской оппозиции, когда ряд решений Совета попечителей вызвали у педагогов недовольство. Кеммельмана тогда чуть не уволили, а спас его не кто иной, как Джек Уилок. Уилок убедил членов Совета: лучше пойти на уступки, чем производить на свет мученика, — лишние хлопоты.

А теперь Кеммельман — участник представления под названием «Инаугурация Уилока» и должен продемонстрировать всей стране свою горячую поддержку новому президенту. Вот что теперь происходит с бунтарями в этой новой Америке. Найден способ приручить их. Повезло им, что и говорить.

Во время октябрьских выборов Уилок явно не набирал нужного числа голосов. Пресса сообщала, что у него нет шансов на победу. Но потом он все-таки победил, и с большим перевесом. Его поддержали там, где нужно, и в местах, куда другие и не додумались заглянуть. Все это привело меня к следующей еретической мысли: возможно, создатели Конституции преследовали куда более определенную цель, чем мы осмелились бы предположить, когда они учреждали институт коллегии выборщиков, — этой целью было не подпустить народ к власти.

Джон Исая Уилок стоял перед председателем Верховного суда. Все наше внимание было приковано к нему. Голокамеры ведущих кабельных компаний беспорядочной стаей хищных птиц нависли над президентской трибуной. Кеммельман взял на изготовку дирижерскую палочку, лицо его выражало высшую сте-

пень сосредоточенности. Нас охватил трепет. Дирижерская палочка поднимется в тот момент, когда наш новый президент произнесет текст торжественной присяги.

Джек Уилок поднял правую руку.

Надо было смотреть на Кеммельмана, сосредоточиться, сконцентрироваться, но мой взгляд не мог оторваться от Уилока, от его правой руки, согнутой в локте под углом в девяносто градусов — как плотницкий уголок.

Правильный прямой угол. Его правая рука*.

Мне было десять лет. Я только начинал постигать значение понятий «правый» и «левый».

Однажды вечером вскоре после выборов мы сидели с ребятами и обсуждали все эти дела. Я, Чарли — мой сосед по комнате в общежитии — и Хьюи готовились к экзамену по основам гражданского общества. Мы повторяли тему «Важные политические события шестидесятых годов», и в тексте все время попадалось выражение «Движение «Новых левых».

— Что за чертовщина — все эти правые и левые дела? — не выдержал Чарли. — Никакого смысла.

— Чего и следовало ожидать. — Я сидел на постели, обложившись со всех сторон подушками. Потом стал поглаживать подбородок — совсем как наш преподаватель обществоведения перед тем, как сказать что-то важное. — Отец говорит, что английский — самый туманный язык на свете.

Хьюи скорчил удивленную физиономию.

— Ну хоть разъясни, что сие означает.

— Посмотри, сколько значений у слова «правый». Правый и неправый. Правильный ответ. Право проезда.

— Прямые углы в геометрии, — добавил Хьюи.

— А еще Билль о правах, — вспомнил Чарли. — И права детей, кстати.

— А еще от-прав-ляют ритуалы вуду, — хмыкнул Хьюи.

Я возвел глаза к потолку — ну что на это скажешь?

— Ладно, проехали, а как там насчет слова «левый»? — спросил Чарли.

— Ну, например, встать с левой ноги, плюнуть через левое плечо, сделать одной левой...

* «Прямой» и «правый» по-английски обозначаются одним словом «right».

— Быть левым крайним, — вспомнил Хьюи и ухмыльнулся. — Это, правда, не очень здорово.

Тут я вспомнил, что говорили по этому поводу мои родители.

— Знаете, мой отец считает, что либералов не любят только потому, что у людей предубеждение против самого понятия «левый». Не то, что левые — это действительно плохо, просто-напросто мы все правши, и в этом все дело.

— Следовательно, члены левого крыла — либералы, — заметил Хьюи.

— Ну, более или менее.

— А члены правого крыла должны быть консерваторами, — добавил он.

— Либералы, консерваторы... — произнес Чарли. Было видно, как он весь напрягся, чтобы не потерять нить рассуждений. — Ладно, право-лево — с этим ясно, а вот что сказать о людях, которые стоят посередине дороги?

— Мы зовем их разбойниками, — сказал Хьюи.

Я чуть было не покатился со смеху. У Чарли был вид человека, только что державшего в руках дорогую вазу, которая вдруг выскользнула и разбилась.

— Дерьмо собачье, — сказал он зло и как-то устало.

Гадко стало от этой ругани. Мама всегда твердила, что бранными словами пользуются ленивые люди со скудным словарным запасом. Но ведь отец Чарли — офицер, участник той ужасной второй войны в Персидском заливе, и у него есть награды, и его дети учились в нормальных школах.

— Дерьмо что? — спросил Хьюи несколько неуверенно и посмотрел на меня, будто я оракул, толкующий речи Чарли.

— Это ты дерьмо, Хьюберт Розенталь, доводишь меня, — сказал Чарли. — Ты действительно доводишь меня.

Хьюи помрачнел, уголок его рта чуть дрожал.

— Меня зовут не Хьюберт.

— Совершенно верно, — вступил я, чувствуя редкую возможность поразвлечься. — Хьюи — это краткое от «хьюмонгоус винер».

— Это что, из латыни? — спросил Чарли.

А Хьюи смотрел на меня, широко раскрыв глаза, — не ожидал измены. Будто я ему нож в спину всадил.

— По крайней мере, меня не называли в честь предателя, мистер Бенедикт Арнольд Трепло*, — хрипло пробормотал он и выбежал опрометью из комнаты.

Мы просто онемели. В ушах стоял звук резко захлопнутой двери.

— Пулей вылетел, — заметил Чарли.

— Да, действительно... — Я ощущал какое-то саднящее чувство и вину одновременно.

Чарли вытянулся на своей постели.

— Подумаешь, большое событие, — зевнул он. — Просто некоторые люди не воспринимают шуток, согласен?

Слова Чарли всплыли из памяти, когда я смотрел на Джека Уилока и Дэвида Саутера, стоящих на президентской трибуне. Прозрачный холодный воздух будто напрягся от всеобщего ожидания. Толпа липла к этому историческому моменту, как мелкие ракушки облепляют днище гигантского лайнера. Мистер Кеммельман стоял неподвижно, будто одеревенел. Жизнь теплилась только в его глазах, в их суровом, сосредоточенном взгляде.

Некоторые люди не понимают шуток. Я знал это хорошо — слишком хорошо.

Спокойный, отчетливый голос Председателя Верховного суда рассекал воздух:

— Я торжественно клянусь...

При звуках этих слов я затрепетал. Они прокатились по толпе раскатами грома.

— Я торжественно клянусь... — повторил Джон Исайя Уилок.

Я застыл в паническом ужасе, все мышцы напряглись. Мистер Кеммельман как-то грозно набычился, напоминая каменную горгулью**. Мы с Чарли и другие ребята были не на своих, привычных местах, на меня со всех сторон давили горячие тела — спрессованные, как в газовой камере. Я всматривался в лица стоящих ребят — казалось, все они впали в какое-то без-

* Бенедикт Арнольд — во время войны за независимость, будучи генералом в армии Вашингтона, перешел на сторону англичан; синоним предателя.

** Горгулья — в готической архитектуре рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры.

различное забвение, оцепенение. Оглядываясь назад, думаю: не случись с нашим хором этой штуки, все равно никто звука не смог бы издать.

— ... Что буду добросовестно исполнять...

— ... Что буду добросовестно исполнять...

Звучали наводящие ужас голоса близнецов-великанов. Президент-элект всегда пользовался случаем напомнить, что он — прямой потомок Элинора Уилока — конгрегационалиста*, основавшего Дартмутский колледж. Джек заявил, что жизнь Уилоков (включая его собственную, разумеется) тесно переплетена с американской историей, а судьба их фамилии есть неотъемлемая часть национальной судьбы. Он забыл лишь упомянуть, что тот же самый Уилок смошенничал, добывая средства для Дартмута. Везде заявлял, что, мол, в новом учебном заведении будут учиться местные индейцы, а на самом деле собирався только готовить побольше священников-конгрегационалистов. Ничто не ново под луной.

— ... Должность Президента Соединенных Штатов...

— ... Должность Президента Соединенных Штатов...

Наша партия, заявлял Уилок, возродит американскую добродетель и патриотизм, восстановит мировое лидерство Штатов в торговле и промышленности. А что в результате? Полицейское государство, тайно проникающее повсюду, чудовищный спрут, чьи щупальца душат мертвой хваткой любое проявление наших прав. Наша судебная и законодательная власть занимается тем, что мало-помалу сводит на нет Конституцию. Каждая новая сессия Конгресса ограничивает наши свободы — так кухонным ножом при наличии времени можно обстругать четырехдюймовую доску до размеров зубочистки.

— ... И в полную меру своих сил буду...

— ... И в полную меру своих сил буду...

Политические обозреватели называют реакционным явлением выборы Уилока президентом. Двенадцать лет у власти находились демократы — и в Белом доме и в Конгрессе. Однако заметных улучшений в стране не произошло. Мы все ждали спасителя. Но потом так безрассудно рванули к консерватизму, что нас отбросило вправо гораздо дальше, чем за всю нашу историю.

* Конгрегационализм — ветвь протестантской церкви.

— ... Поддерживать, охранять и защищать...

— ... Поддерживать, охранять и защищать...

Мое ли это воспаленное воображение или на самом деле лицо Председателя Верховного суда искажила секундная гримаса отвращения? Не предвидел ли Саутер будущее и не стало ли ему дурно от бессильного сознания, что он запускает в действие этот дьявольский механизм?

— ... Конституцию Соединенных Штатов.

Мистер Кеммельман оживился, как внезапно оживает подтаявший ледник.

— Начинает группа справа, — произнес он свистящим шепотом. — Справа. Готовы?

Как звон погребальных колоколов, возвещающий о неотвратимом, звучал голос Джека Уилока:

— ... Конституцию Соединенных Штатов.

Мне хотелось завопить.

И вот тогда, в то краткое мгновение тишины, пока не обрушился шквал аплодисментов, сверкнула дирижерская палочка, рассекая воздух, как ледоруб — льдину, чтобы возвестить начало волшебного канона, который мистер Кеммельман искусно сотворил из «Боже, благослови Америку».

И тут же палочка ринулась вниз — с выверенностью хирургического скальпеля.

Одни не шевелились, другие только открыли рты, третьи — прохрипели первую ноту. Потом ребята сконфуженно переглянулись и умолкли.

Наступила гробовая тишина. На нас смотрели миллионы лиц. Ледяные пальцы ужаса сжали мое сердце.

Но все еще было поправимо, если б не произошло то, что произошло потом. Любой другой президент пропустил бы случившееся мимо ушей и простил несчастную сотню ребятишек. Рональд Рейган — детище индустрии развлечений — воспринял бы инцидент нормально. И оба Рузвельта*, я уверен, только бы улыбнулись снисходительно, дымя толстой сигарой или посасывая изящный мундштук, и подали знак начать сначала. Мне

* Теодор Рузвельт (1858—1919) — 26-й президент США от республиканской партии (1901—1909), и Франклин Делано Рузвельт (1882—1945), 32-й президент США (с 1933 г.) от демократической партии. Четыре раза избирался на этот пост.

представляется Авраам Линкольн^{**}, в его печально-темных глазах — непостижимая глубина сострадания, он просто потрепал бы каждого по голове. Будь Линкольн сейчас с нами, мы были бы совсем другими людьми.

Но перед нами стоял Джон Исая Уилок. Для него мы не были мальчишками. Мы были лишь бессловесными рабами в его империи.

Вступивший в должность Президент Соединенных Штатов Уилок в этот исторический момент впился в нас огненным взором разъяренного демона. Толпа, камеры, агенты службы безопасности — все, казалось, исчезло как дым, как сладкие грезы исчезают от холодного прикосновения реальности. В мире существовали только мы и наш президент. Только горстка детей перед лицом современного Голиафа.

Мистер Кеммельман напомнил мне неожиданно хрупкую куклу-марионетку, которую водят за ниточки два врага-кукловода.

Гнетущая тишина продолжалась несколько секунд, казавшихся вечностью, — беззвучное свободное падение в ледящей пустоте.

Кто-то засмеялся, и свободное падение закончилось: мы грохнулись об землю. «Дерьмо», — только и вырвалось у меня.

Смеялся Блин — спаси Господь его душу, — он защищал нас от злобного президентского гнева единственным способом, который знал, и единственным своим оружием. Он отбивался от того, чего не понимал. Не беззаботный смех, не смех ликования или облегчения — то был смех, внушающий ужас, истерический, слишком визгливый, чтобы быть выражением радости или восторга. Этот смех прорывался в неподвижный воздух подобно некоему свирепому детенышу дракона, в муках родившегося и бьющего своими еще влажными крыльями, чтобы взлететь в небо. Глаза у Блина широко раскрылись, будто он был не в силах совладать с этим ужасным звуком.

И мы, его одноклассники, тоже засмеялись. Сначала раздалось несколько нервных смешков, потом они перешли в полный звонкий хохот, и через пару секунд мы уже держались за живое-

^{**} Авраам Линкольн — (1809–1865) — 16-й президент США (1861–1865), один из организаторов республиканской партии, выступившей против рабства.

ты, корчась от смеха, как какие-нибудь придурковатые малолетки, а по нашим щекам ручьями текли слезы.

Но это было совсем не смешно. Ничего забавного во всей дерьмовой ситуации. Нас пригласили в качестве почетных гостей на президентскую инаугурацию, а мы, мы проворонили свою жар-птицу — опростоволосились в присутствии наиболее влиятельных лиц страны, на глазах у иностранных дипломатов, у тысяч собравшихся людей, перед миллионами сограждан — американских телезрителей, не верящих своим глазам и ушам, перед микрофонами и камерами телекомпаний всего мира. Так что же нам оставалось делать, как не смеяться? Вот мы и смеялись — как какие-то психи ненормальные.

Многokrатно усиленный смех раздавался эхом из громкоговорителей, отражался от белораморного мавзолея Капитолия, от памятников, что стоят на Аллее, и такой стоял гул, будто город заполнила орда демонов. Мистер Кеммельман стоял окаменевший, так и не опустив рук. У него был слегка удивленный вид человека, только что пронзенного копьем. В глазах его застыло недоумение.

Теперь и толпа хохотала.

Не буду пытаться дальше описывать это происшествие. Вся пресса, все агентства новостей запечатлели его на пленку в объемном изображении. Конечно, надо было видеть событие своими глазами, чтобы его прочувствовать, но запись тоже точно передает впечатление. Я знаю. Я просматривал ее достаточно часто.

Сумятица длилась не более одной-двух минут: Председатель Верховного суда Саутер отдал несколько строгих распоряжений, и порядок был восстановлен. Нам даже предложили спеть-таки канон, и мы очень здорово это сделали. Но настроение все равно было поганое. Мы осрамились, и уже никакое, даже самое замечательное исполнение не могло ничего исправить.

Но мы осрамили и Президента Соединенных Штатов. После того первого жуткого мгновения он сумел затаить эмоции, но мы-то видели, что это притворство. Когда мы пели, он милостиво улыбался, но в его улыбке сквозила самая настоящая злоба — как черное свечение. Мы смеялись над церемонией его вступления в должность, но он-то, я уверен, воспринял это как насмешку лично над собой.

Однако время идет неумолимо, и в урочный час состоялся торжественный прием, который дал Джек Уилкок по случаю

вступления в должность в своем новом доме на Пенсильвания-авеню. С тех пор прошло двенадцать лет, а он все еще смеется над нами. Над теми из нас, кто остался. Мои родители, бывшие журналисты, еле-еле сводят концы с концами в своем Мэне: почти десять лет назад их либеральную газету закрыли. Семь лет нет вестей от отца Чарли, он одно время критиковал программу перевооружения армии. В Нью-Йорке, во время уличных беспорядков на религиозной почве, убита мать Хьюи. В его семье никогда не соблюдались еврейские обряды, а сейчас, как ни странно, соблюдаются, правда втайне.

Нет в живых и зачинщика. Блин много лет страдал глубочайшей депрессией, а на первом курсе в Гарварде болезнь достигла кульминации. Догадываюсь, что ружье ему продал Чарли — возможно, из отцовской коллекции. Но, уверен, Чарли и не подозревал, для чего оно будет использовано.

... В тот же день мы уехали из Вашингтона в трех специально заказанных автобусах — прямым в Северный Анделен, штат Нью-Хемпшир. Мистер Кеммельман остался — вроде как для участия в инаугурационном балу, как почетный гость Президента. Никто из нас никогда больше его не видел. До конца семестра занятия вел подменяющий педагог, а после каникул нам представили нового постоянного преподавателя. И никаких объяснений.

Когда я думаю о мистере Кеммелмане, то стараюсь вспомнить взыскательного, великодушного человека, который в тот день в нашей хоровой комнате пытался обнять нас всех, но не смог — ему просто не хватило рук. Стараюсь вспомнить его таким, но то и дело в памяти возникает неподвижное, растерянное лицо, которое постепенно каменеет от ужаса — по мере того как все новые волны жуткого смеха перекачиваются через него. И тогда я, в который уже раз, совершенно отчетливо осознаю, что это мы, дети, маленькие мальчики, своим смехом прекратили его существование.

Сегодня — в среду 20 января 2021 года — я снова в Вашингтоне. Причина — инаугурация Джека Уилока, он избран на четвертый срок президентства. Я учусь в Дартмуте и прохожу студенческую педагогическую практику в мужской Академии имени Натаниела Готорна. Так уж распорядилась судьба, что я веду тот же предмет, что и мистер Кеммельман давным-давно — двенадцать лет назад. Мальчики приехали со мной. Они толпят-

ся на подмостках около президентской трибуны. День сегодня холодный и ясный, как и тогда. Все это время президент дожидался, когда хор достигнет прежнего высокого мастерства, и сегодня он настроен решительно, он ждет, чтобы мы показали настоящую преданность ему — как бы смыли позор того далекого дня.

Где-то здесь находятся Чарли и Хьюи: то ли на крыше одного из соседних домов, то ли в толпе зевак, а может, затесались в кордон спецслужб, одевшись как-нибудь попроще. Лучше мне и не знать, где они. И тот и другой ведь твердо убеждены: нельзя разрешать Уилоку оставаться на посту президента четвертый срок. У меня же единственное намерение: вытянуть из моих ребят такое проникновенное и благозвучное пение, какого этот город — бывшая колыбель демократии — и не слыхивал.

Я задался целью продемонстрировать мистеру Кеммельману, где он сейчас ни есть, такой уровень исполнения, до какого мы не дотянули в тот четверг 2009 года.

Все предвкушают еще один грандиозный скандал. Ждут, что мы снова вляпаемся, опозорим нашего президента. Но этого не случится. Мы споем как ангелы, мы покорим умы и сердца всех, до кого долетят звуки наших голосов. Они услышат, увидят и почувствуют только музыку, ничего, кроме музыки. А после орудийного залпа, знаменующего начало новой эпохи, ребята не пропустят взмаха дирижерской палочки, и звуки канона «Боже, благослови Америку» в прекрасном переложении Горация Кеммельмана понесутся вдоль по Аллее, подобно прохладному дуновению, ниспосланному с небес. Пусть это будет последняя песня, которую я когда-либо услышу, но я буду гордиться своими мальчиками. И мне улыбнется счастье.

Мои родители никогда не понимали одной простой вещи относительно Америки. А именно: Америка понимает только самое себя. Она мало что знает о чем-либо еще, а то, что знает, усваивается плохо. Родители дали мне имя Бенедикт, по-латыни это — «хорошее слово», «хорошая речь» и даже «хороший голос». Они надеялись, что придет день, и я напишу или скажу во весь голос слово в защиту всего того хорошего, что есть в нашем народе. Но они ошиблись. В этой стране даже у тех, кто почти не знает американской истории, имя Бенедикт вызывает только одну ассоциацию: предатель.

А возможно, я и есть предатель. Возможно, все мы — предатели. Кто может все же винить нас за то, что мы растерялись в тот прискорбный день двенадцать лет назад? Когда перед нами было скопище народа, и камеры, и сама история зависла над головами дамокловым мечом? Кто может винить нас за один небольшой, коварный промах?

Сказать проще, виной всему рассогласованность. Мы с Чарли и много других ребят привыкли стоять в центре хора. Когда мистер Кеммельман велел начать канон группе справа от него, он не учел, что многие поменяли позиции и что, с нашей точки зрения, мы переместились влево.

Джерри Олшен

А чужая трава все равно зеленее...

На вечеринке полно было компьютерщиков. Высоких, худощавых, в основном коротко стриженных... все были в теннисках, джинсах от Леви и кроссовках, они кучковались около чаши с пуншем и обсуждали свои вычислительные машины. Целый табун хакеров!* Да только все они были мною.

Другая группа собралась вокруг астронавта, там были пожарный и полисмен. Репортер из газеты смущал всех троих, снимая их вместе, а остальные — издатели, писатели и книготорговцы — подбадривали их криками и хохотали. Все они тоже были мною.

Я сидел за столом вместе с геодезистом, директором городской свалки и диск-жокеем; конечно, все были мною. Мы глядели на центр самой большой группы и по большей части помалкивали.

Прямые темные волосы до середины спины, широкие плечи, узкие бедра... она наслаждалась, оказавшись в центре внимания. Быть может, не слишком благородно с моей стороны, только я подумал, что ей не часто достается такой успех. Красавицей не назовешь, но хорошенькая... шесть футов и неплохая фигурка, для этой толпы сойдет, и она знала это. Не могла не знать. В конце концов, она тоже была мною.

— Интересно, кто захомутает ее на ночь, — проговорил диджей.

Геодезист ответил:

© Jerry Olton. The Grass Is Always Greener. F&SF, February 1993.

* Хакеры — специалисты-компьютерщики, хулиганящие с программами.

— Чего там. Мы — не ее тип. Она — не наш тип.

— Не, ребята, такими делами не балуюсь, — отозвался мусорщик, и все мы расхохотались. По нервным движениям глаз моих компаньонов я готов был держать пари: все подумали об одном и том же случае, когда в пятнадцать папашенька застукал нас в ванной.

— Тут дело другое, — возразил я.

— Конечно, — отвечал жокей, — или ты хочешь поставить на то, что она будет спать одна?

— Нет, — признал я. Зачем врать. Я и сам лег бы с ней, если б только имел шанс на успех, но разве может домашний муж конкурировать с астронавтом... и даже с компьютерщиком.

Боже, подумал я. Ревность к самому себе. Чистая дурость, и только. Не утешало и то, что те же основания для ревности были еще у сорока девяти человек. Я допил пиво — в баре оказалось только «Генри Уэйнхард», — впрочем, никто не жаловался, и я подумал, не взять ли еще.

Потом вновь обернулся к себе самому в женском виде. Возле нее крохотным фокусом в большой сфере влияния находился тот я, который организовал эту маленькую встречу. Как и половина присутствующих, он был худощав, рост шесть футов, темноволося, с кустистыми бровями и крупным носом... и не знал, куда девать руки во время разговора: погрузившись в карман брюк, свободная от бокала рука его, как и у половины присутствующих, перебирала там мелочь, ключи от машины или что-нибудь еще. На миллиардера он не был похож, впрочем, откуда мне знать, как они выглядят. Может, все мы похожи на миллиардеров, хотя лишь он один имел здесь право так называться.

Не знаю, в самом ли деле дырка между альтернативными вселенными стоит сто тысяч баксов, или цену просто вздули, чтобы все не сбегали туда, где послаще, только миллиардер купил всем нам билеты туда и обратно. Пять миллионов долларов — чтобы провести вечеринку с коктейлем в зеркальной гостиной, где нет зеркал.

Почему он так поступил — об этом было много разговоров, но никто не придумал ответа лучшего, чем «потому» — так и объяснения всем давал и он сам. Будь у меня несколько миллионов долларов на пустяки, я б и сам, может быть, так сделал, — выходит, можно поверить.

Он заметил, что я гляжу на него. Отвернулся. Я последовал его примеру... Поэтому, когда минуту спустя он обнаружился рядом со мной с откупоренной бутылкой пива в руке, я удивился. Пиво он поставил передо мной, а сам опустился в кресло напротив и произнес:

— Я заметил, что у тебя пусто.

— Спасибо. — Я отпил из ледяного горлышка и заметил на кармане его куртки липучку с надписью: «Привет, меня зовут Майкл». Ха!

— Ну и кто вы у меня? — поинтересовался он. — Что-то мы у меня все в голове перемешались.

— Домашний муж, — ответил я.

— Землемер, — проговорил тот, что был справа от меня.

— Диск-жокей, — сказал диск-жокей.

— Мусорщик, — отвечал человек со свалки.

Миллиардер ухмыльнулся.

— Без ярлычка, значит... может быть, инженер-сантехник?

— Не-а.

— Помню то лето, когда я ездил на мусорной машине, — проговорил миллиардер. — Лучше работы у меня не было. Значит, ты опять взялся за нее.

Мусорщик ухмыльнулся. Спереди у него не хватало зуба.

— Не совсем. Я перевернул чертов грузовик. По пьянке перевернул, а Грязный Билл его не застраховал. Значит, судья предоставил мне выбор: или покупай Биллу новый грузовик да отработай ему два года в возмещение ущерба — или на два года в каталажку. Я выбрал два года езды на новом грузовике. Билл через полтора года умер. Все дело перешло мне. Остальное — история.

— Ага, значит, ты свернул с главного пути в ...86 году, так?

— Правильно. В колледж я не попал... И так и не познакомился с этой Карен, о которой все трещат. Женился на Синди Коллинз.

Синди Коллинз была нашей возлюбленной в студенческие времена. Взор миллиардера затуманился. Он спросил:

— Ну и как она там?

— Не жалуюсь, — отвечал мусорщик. Землемер и диск-жокей дружно расхохотались, и я понял, что вопрос имел и скрытый смысл.

Миллиардер тоже рассмеялся — но с опозданием, а потом обернулся ко мне.

— Итак, ты домашний муж? — спросил он. — А твоя Карен работает?

— Я тоже женат не на ней. Мою зовут Соней.

— Соня? Я даже имени такого не знаю.

— Знаешь. Она из подруг Карен по колледжу. На дюйм выше, длинные темные волосы, высокие скулы...

— М-м-м. — Задумчивость вдруг оставила миллиардера, глаза его заволокло дымкой. — Да-да, теперь вспомнил. Как можно было забыть? Боже, я просто жаждал ее. Только так и не набрался смелости попросить. А ты каким образом осмелел?

Я улыбнулся:

— Случайно. Вспомни-ка денек, когда вы с Карен занимались любовью в ее спальне, а Соня вдруг зашла в гости? В твоей вселенной — и у всех, с кем мне удалось здесь поговорить, — обнаружив, что дверь заперта, она подергала ручку и постучала, так?

Все прочие улыбались. Миллиардер ответил:

— Да, помню. Она стучала, а мы делали свое дело, наконец она решила, что никого нет дома, и ушла.

— Правильно. Но в моей вселенной дверь не была заперта.

— О!

— Так сказала и Соня, снимая платье, чтобы присоединиться к нам.

— Смеешься.

— Ни капли.

— Боже, значит, ты сразу их обеих?.. — Он нервно хохотнул. Я подумал, что его обеспокоило, как он сам справился бы с такой ситуацией.

Основания для сомнений у него были. Тут был момент расхождения. В одно дикое утро в кампусе я потерял все сексуальные принципы, а он?.. Трудно сказать. Все мы в юношеские годы пережили пору отвращения к сексу... сохранившегося до значительно более позднего возраста, чем это бывает обычно, даже создавшего известные сомнения в собственной мужественности. Из речей моих компаньонов следовало, что эти трудности они преодолели, женились и вели вполне нормальную моногамную жизнь. А вот миллиардер не был женат. И поэтому любопытствовал.

Я мог бы поведать ему подробности, но ограничился лишь тем, что сказал:

— Ага, это было неплохо. — И ухмыльнулся от уха до уха. Не каждый день тебе завидует настоящий миллиардер.

Он сказал:

— Значит, так, вы поженились, она стала танцевать обнаженной, а сам ты так и не нашел работу.

— Почти что, — отвечал я. — Она фотомодель.

— Повезло тебе, сукину сыну.

— Скажешь тоже.

Он гулко расхохотался. На этот смех обернулись все, кто был в комнате.

— Ну, уложил на обе лопатки, — выговорил он и, ткнув меня в плечо, отправился к прочим гостям.

Никто из нас не хотел первым оставлять вечеринку, поэтому она затянулась до трех утра. Переговорив с хозяином, я решил побродить среди толпы, поболтал с пожарным, астронавтом и женщиной, оказавшейся из сопредельного с моим мира. Она была мной... мужчиной... еще год после того, как мы познакомились с Соней. Соня тогда выставила ее (его? меня?), отдав предпочтение футболисту. Она говорила, что сменила пол не только поэтому; вспомнив собственные подростковые разочарования, я готов был поверить ей, оставляя размовке с Соней роль катализатора.

Имя она сменила на Мишель. Возможно, стоило мне попросить, и она отправилась бы в постель со мной — лишь потому, что я до сих пор каждую ночь проводил с Соней, а может быть, и нет. Я не стал пробовать. Она удалилась с астронавтом — как этого все и ожидали.

Их отбытие послужило всем сигналом выматываться. Выжав из пятой бутылки последние капли, я отправился вверх по лестнице, а потом вниз на третий этаж, в коридор в восточном крыле, пытаюсь вспомнить, какая именно комната мне отведена. Все они были названы в честь астронавтов, мне принадлежала комната имени Джима Лоуэла, только я забыл, где она.

Глаза у меня слипались от выпитого, к тому же было поздно. Чтобы прочесть буквы на табличке, приходилось подходить к каждой двери, они чередовались по обе стороны коридора, не открываясь навстречу друг другу. Должно быть, шатаясь по коридору, я напоминал завязатого пьяницу, притом набравшегося

сильнее, чем это было на самом деле. Наконец, отыскав свою комнату, я шарахнулся в сторону, заметив лицо парня, наскок-чившего на меня из-за двери.

Ну, повезло. И этот тоже был мною.

* * *

Я пробудился на гидропостели величиной в небольшой штат, окна от пола до потолка, сквозь них лилось солнце, плескалось о ноги. Я лежал одетым поперек кровати на покрывалах. Некто — вне сомнения, мой злодей-близнец — снял с меня ботинки и натянул на ступни пару шлепанцев-заек. Смышлен же.

Я поднялся на ноги, не зная, сумею ли устоять, но моя головная боль оказалась вполне умеренной. Я поискал синяки, но он, похоже, вырубил меня с помощью хлороформа или какого-нибудь газа, а не дубинкой. Я оценил подобное благодеяние. И подумал о том, кто это сделал и зачем.

Тем не менее я прекрасно понимал, где очутился. Комнаты для гостей — в конечном счете дешевка, подобная комната в особняке может оказаться единственной. Спальня была достаточно просторной, чтобы вместить гидропостель и заставить ее казаться обычной кроватью, а древней мебели в ней хватило бы для небольшого музея... отдельный альков с кушеткой для чтения и чтобы смотреть телевизор... С того места, где я стоял, видна была озаренная солнцем и уставленная растениями ванная комната, вполне пригодная для репетиций симфонического оркестра.

Позади открылась дверь. Я обернулся и увидел служанку — самую настоящую, как я понял, несмотря на короткое черное кружевное платье, светлые волосы и соблазнительную фигурку, — она стояла в дверях со стопкой свежих простынь и полотенец в руках.

— О, — проговорила она, увидев меня. — Простите, сэр. Я думала, что вы уже ушли.

Я провел ладонью по волосам, вдруг осознав, что видок у меня скорей всего еще тот, и ответил:

— Все в порядке. Я не собирался здесь быть. Вы не знаете, где сейчас находится наш хозяин?

— Хозяин, сэр?

— Тот самый я, который устроил вечеринку.

Нахмурившись, она сказала:

— Вы, наверное, шутите, сэр? Я хочу сказать — вы же в своих зайках.

Я поглядел на ноги, вельветовые уши незавязанными шнурками болтались у пола.

— Дайте-ка подумать, — проговорил я. — Значит, тапочки-зайки должны быть свидетельством на случай, если кто из нас попытается занять место вашего... — Я едва не сказал «господина», но вовремя сменил на «нанимателя».

— Правильно. Вы же сами это и выдумали. Разве не так?

Я покачал головой.

— Я, да не этот. Я — один из гостей.

— Значит... — начала она и умолкла, и я за ней dokonчил очевидный вывод:

Значит, если он не выдал всем по паре таких, то решил обменяться со мной.

— Обменяться... зачем?

На заключение ушло три секунды.

— Соня, — проговорил я. — Сукин сын когда-то втюрился в мою жену. — Я расхохотался, а служанка сделалась еще более озадаченной.

— Чему вы радуетесь? — спросила она. — Если вы и в самом деле не он, значит, его нет здесь с утра. Он уже там и, возможно... — Она покраснела.

— Пусть его. — Я оторвал ногу в зайке от пола и пошевелил большим пальцем. Заяц задвигал носом. — Тут не у него одного семафор вверх указывает. Он явится без желтых нарциссов для Сони, и она... м-м-м. Зная ее, можно рассчитывать, что впустить-то она его впустит, а потом даст и добавит... но догадается. А когда я вернусь, вне сомнения, распишет во всех подробностях, насколько он оказался лучше меня.

Я поглядел на служанку оценивающим взглядом. Если уж ее босс крутит с моей женой, значит, и нам позволительно заняться тем же. Интересно, в тех ли они отношениях?

Она поняла:

— И не думай. Этот дурацкий наряд я ношу ради него, но не сплю с ним, и с тобой тоже не собираюсь.

Теперь покраснел уже я.

— Извини. Дело вполне естественное.

— Уж мне ли этого не знать. — Улыбка ее развеяла возникшую напряженность. — Знаешь ли, когда в доме целых пятьде-

сят хозяев, невольно на цыпочках ходишь. — Она отвернулась и положила белье на тележку, а затем повернулась ко мне и сказала: — С другой стороны, я прекрасно тебя понимаю. Так на так? Если хочешь тем временем поиграть с его игрушками, могу показать, где он их держит. Ну как?

Вчера он меня в общих чертах ознакомил с особняком, но девушка явно имела в виду нечто более существенное. Ну а за ней — в таком-то платье — я бы последовал куда угодно.

— Конечно, — ответил я. — Пошли играть.

В основном миллиардер обнаруживал те же наклонности, что и я. Просто у него было больше возможностей для их удовлетворения. У меня в гараже стоял спортивный автомобиль, у него их была дюжина. Моя библиотека занимала две стены в кабинете, его — две комнаты, размером в ту самую спальню. У нас с Лоней был бассейн позади дома — у него там было целое озеро.

Мы завершили путешествие в кабинете. Он располагался на ерхнем этаже. Множество окон, смотревших на горизонты его поместья, полно растений, книг и картин. Живопись была мне рекрасно знакома — по репродукциям.

Я остановился, чтобы восхититься «Звездной ночью»*, погарался представить, где может храниться оригинал в моей обственной вселенной... а также прикинул, не влезет ли картина мой чемодан. По наитию я потянул за раму. Конечно же, за й оказался сейф.

— Как ты считаешь, можно открыть? — поинтересовался я.

Горничная — кстати, ее звали Жанетт — ответила:

— Ты здесь босс, — но голос ее был скорее голосом со-астницы, чем прислуги. С момента нашей встречи она смягчась прямо на глазах.

— Возможно, и так, — проговорил я. — Зайки на мне или т, но я полагаю, что настоящая проверка происходит именно йчас.

Пока я крутил диск, Жанетт выглядывала из-за плеча. День его рождения не подошел. Мамин, папин и братцев с сест-чками — тоже. Я подумал и, припомнив космические мотивы сомнатах для гостей, набрал 7.20.69^{**}. Дверца, щелкнув, от-

* Имеется в виду картина Ван Гога.

* 20 июля 1969 года — дата первого полета на Луну.

крылась, и я поблагодарил бога взломщиков за то, что вселенные наши разделились после высадки на Луну.

Внутри оказался толстый скоросшиватель, штабель золотых брусков и переплетенный в кожу томик «Принца и нищего». На книге лежала записка, написанная моею же собственной рукой, она гласила:

«Дорогой я,

Давай напишем (это слово было зачеркнуто) проживем следующий том.

Ты сам».

Жанетт присвистнула и проговорила:

— Ух ты, значит он не шутил?

— Не похоже, — отвечал я и вдруг понял, зачем ему понадобилась эта вечеринка; он решил махнуть с кем-нибудь. Только сперва хотел выбрать, с кем именно. Приз выпал на мою долю. Мне не очень нравился этот наглый тон: дескать, знаю, что возражать не будешь... Но, наверно, он просто привык брать все, что хочет. Я сделал в уме заметку — не попасться бы в такую же ловушку.

— Ну и как? Решил остаться?

Я взял один из золотых брусков и взвесил его на руке. На поверхности значилось «1000 граммов», но на вес он казался тяжелее. Я подумал о своей жизни дома, о том, что мне иногда хотелось что-нибудь изменить в ней. И вот идеальнейшая возможность.

— Не знаю, — сказал я. — Возможно. Посмотрим.

— Ну что же, между нами говоря, я не в претензии, — отвечала она.

— О?

— Твое второе эго по временам бывает полным ничтожеством.

Тут я даже слегка рассердился. В конце концов она критикует меня же самого. А потом я понял, что с моей стороны это глупо. Наша жизнь разделилась полтора десятилетия назад — достаточно давно, чтобы мы сделали совершенно разными людьми. Я сам по себе, он — тоже. Но явно в своем доме держится тираном.

Ну что ж, теперь на румпеле моя рука, хотя бы на время. Протянув ей золотой брусок, я проговорил:

— Значит, тебе не нравится одежда горничной. Бери. Сходи приоденься.

Следующие несколько дней мы с Жанетт провели как детишки, оставшиеся дома без родителей: исследовали те части дома, где она не бывала, брали из гаража машины, катались по городу, а по ночам наблюдали за звездами с крыши — из обсерватории.

Стоя позади нее, я как раз показывал ей летний Треугольник. Поглядев на небо в направлении моей вытянутой руки, она игриво спросила:

— А ты скажешь своей жене, с кем это ты здесь проводил время?

— Безусловно, — отвечал я. — Мы полностью откровенны друг с другом.

— Совсем-совсем?

— Абсолютно. Я могу сказать ей, что спал с тобой, и это ее ничуть не возмутит.

Она обернулась под моей указующей рукой. Нос ее очутился, наверное, в дюйме от моего, и она спросила:

— А ты действительно намереваешься рассказать ей это?

До сих пор я подтрунивал над нею, но, услышав серьезные нотки, отвечал в том же тоне:

— Не знаю. А надо ли?

— Ну, это зависит от тебя.

Остаток ночи мы разглядывали звезды уже в другом положении. Я ощущал легкое чувство вины; легкое — потому что супружество наше действительно не было строгим; вину же чувствовал лишь потому, что впервые пользовался подобной возможностью. Мне и не нужно было. Соня обнаруживала куда большую склонность к приключениям и сама частенько приводила домой кого-нибудь третьего, чтобы я мог попробовать остренького.

Я подумал, кому лучше: ей со мною-миллиардером или мне с его служанкой. А потом подумал, что неплохо бы позвонить и выпросить, однако переговоры между измерениями обходятся едва ли не дороже, чем само перемещение...

И тут я обругал себя идиотом. Нашел о чем тревожиться. Или я не миллиардер?

Чтобы связаться, пришлось потратить известное время, необходимое для проверок, задуманных в основном для того, чтобы мальчишки не разорили родителей, обзванивая альтернативных подружек в разных мирах. Когда я сумел убедить телефонную компанию, что и в самом деле намерен оплатить разговор, меня соединили, и я услышал гудок своего домашнего аппарата.

Дзинь.

— Алло?

— Соня?

Пауза.

— Майкл?

— Он самый.

— О, привет. (Я услышал шорох.) Ты оттуда?

— Ага. — Я старался, чтобы голос мой звучал уверенно, словно бы мне не привыкать к подобным звонкам.

Ее голос тоже казался вполне спокойным.

— Ну и как тебе там?

— Роскошествую, — признался я. — Захотелось проверить, что и тебе не худо.

Она рассмеялась, потом взвизгнула:

— Можешь считать, что так.

Невольно представилось, как я щекочу ее во время разговора, мне случалось так поступать. Я постарался забыть про ревность. В конце концов, у меня есть Жанетт.

Впрочем, не время было сообщать об этом Соне.

— Значит, у тебя все в порядке? — спросил я.

После еще более долгой паузы я услышал:

— Может быть, и лучше, чем просто в порядке.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что он действительно очень добр ко мне.

— А я с тобой не добр?

В голосе ее проступило легкое раздражение:

— Конечно же, добр. Но... он не придирается ко мне, как ты.

— О чем ты? — спросил я. — Я тоже не пилю тебя... или я ошибаюсь?

— Майкл, когда ты последний раз говорил, что я не ставлю туфли на место?

— Разве это придрка?

— Да. Еще ты вечно пристаешь, чтобы, выходя, я не забыла надеть пальто, и твердишь, чтобы я не захлопывала на замок дверцы в машине, не проверив, где ключи...

— Я же напоминаю тебе об этом лишь потому, что если я не скажу, ты непременно об этом забудешь.

— Ну и что? Ключи мои... черт побери, и машина тоже!

— И я еще должен все это... погоди минуточку. Я позвонил не для того, чтобы пререкаться из-за ключей. Я хотел узнать, все ли в порядке. Судя по всему — да. И похоже, что лучше мне задержаться здесь подольше.

— Ага, задержись.

— Ну, хорошо. — Я помедлил, ожидая вдохновения, но оно не пришло. — Значит, когда-нибудь увидимся.

— Ага. Пока.

— Пока. — И уже в последнюю секунду я добавил: — Соня, я тебя люблю.

Я ожидал ответа, однако в трубке после гудков и щелчков послышалось лишь ровное гудение.

Жанетт сидела с ногами в кресле и читала «Принца и нищего».

— Может, у нее месячные, — объявила она, когда я пересказал весь разговор.

— А почему тогда он ее не раздражает? — спросил я.

— М-м-м, правильно подметил.

— Она сказала, что я придира. Прежде такого не было.

— Прежде она была знакома лишь с одним вариантом твоей личности, не с кем было сравнивать, — ухмыльнулась Жанетт. — Эй, не пыхти. Если она не любит придира, наш-то ей надоест сразу. Ты еще и знать не будешь, а она уже запросится к тебе.

— Может, и так. — Она меня не убедила.

Присев на ручку кресла, я поглядел на верхушки деревьев.

— А, что, если я и вправду придира? — спросил я.

Жанетт пожала плечами:

— Будь им, все лучше, чем эгоистичным самодуром.

— Но Соня этого не говорила.

Закрыв книжку, Жанетт обняла меня:

— Значит, она не понимает, чего лишилась. Ей же хуже.

Отстранившись, я зашагал по комнате.

— Жанетт, она же моя жена. Не могу же я... бросить ее из-за того, что с ней закрутил еще кто-то.

— Никто этого и не требует. Она просто наслаждается вниманием. Даже Майкл — тот Майкл — умеет быть очаровательным, если захочет. Дай ему время проявить оборотную сторону собственной натуры — и он ей сразу же надоеет.

— А ты тогда начнешь звать меня придирой?

Она вновь пожала плечами.

— Возможно. Как знать? Привычка порождает раздражение и все прочее.

Так, подумал я. И явно в большей степени, чем можно заподозрить.

Потом я попытался выбросить Соню из головы, попытался наслаждаться пребыванием в раю и обществом Жанетт, но Соня все время возвращалась.

Жанетт тоже старалась... Даже вновь натянула платице горничной и принялась смахивать пыль с самых высоких полок, пока я читал. Но, помолчав минут пятнадцать, она спустилась вниз и стала передо мной — руки в бедра.

— Выходит, она у тебя там какая-то inferнальная женщина...

Я подвинулся, и после недолгих колебаний она опустилась рядом со мной на кушетку.

— Ничем она не лучше тебя, — проговорил я, — только она мне жена, а потому дороже всех на свете. Мы прожили вместе пятнадцать лет, и я не могу выбросить их из памяти. Даже ради тебя.

Жанетт замахнулась, словно чтобы стукнуть меня метелкой из перьев, однако движение не завершила.

— Боже, как жаль, что я с тобой вовремя не встретилась, — проговорила она, уронив метелку на колени. — Да большая часть женщин на убийство пошла бы, чтобы добиться подобной привязанности от своего мужчины!

— Кроме одной.

— Ха. А откуда ей знать, что ты все это чувствуешь? Или ты ей уже сказал?

— Н-нет. Ну... не в таком количестве слов...

— Ну и отправляйся тогда туда.

— Ты считаешь, что нужно позвонить и сказать ей?

Жанетт недолго подумала:

— Видишь ли, если для тебя все это настолько серьезно, почему бы тебе не вернуться? Войти с охапкой цветов... это не телефонный звонок.

— Наверное, так. — Я кивнул. — «Нет» всегда проще сказать в трубку. О'кей, значит, завтра я возвращаюсь.

Жанетт ничего не сказала.

— Жанетт, прости, что я...

— Не извиняйся. Зачем? — Пригнувшись, она поцеловала меня в щеку и встала. — Это было забавно. Вдруг исполнилась, пусть ненадолго, одна из моих фантазий; теперь пора просыпаться в реальном мире. Все-таки у многих дела обстоят похуже.

Я смотрел, как она выходила из библиотеки, облаченная скорее в достоинство и изящество, чем во что-то еще. И если бы я сам ей все только что не сказал, то немедленно бросился бы следом. Но я все решил. Возвращаюсь к жене.

Смех ее я услышал еще на ступеньках крыльца нашего дома, и смех этот смолк, когда мой ключ повернулся в замке и я открыл дверь.

Она сидела на кушетке в гостиной, она прислонилась к его плечу, его рука обнимала ее за грудь.

— Майкл, — проговорила она, выпрямляясь. — Что ты здесь делаешь?

Я ответил:

— Просто вернулся в свой дом, к собственной жене.

Другой я встал, Соня поднялась тоже. Он уже начинал краснеть, осознавая, что попался с чужой женой.

— Что случилось? — спросил он. — Я полагал, что тебе во все не худо на моем месте.

— Так, но я вдруг понял, что там нет человека, который мне всех дороже, и настроение мое испортилось. Поэтому я вернулся. — Я расстегнул пальто и, достав из обертки желтый нарцисс, протянул его Соне.

Она поглядела на цветок, потом на меня.

— Все не так просто, — проговорила моя жена.

— Что?

— Все не так просто. Он мне нравится больше.

Пришлось последить за дыханием, через секунду-другую я сумел вполне ровным голосом проговорить:

— Но мой дом — здесь.

Она покачала головой:

— Теперь — нет.

Я не верил своим ушам, не верил ее глазам, вдруг сделавшимся такими холодными, но потом вспомнил, что в другом варианте судьбы она бросила меня — другое эго, конечно, — ради футболиста. Тут я понял, что она ничего не изображает. Она всегда легко завязывала отношения и с такою же легкостью прерывала их. Я всегда думал, что это из-за того, что она меня любит, однако, может быть, тут все определялось линией наименьшего сопротивления. Наверное, лишь хлопоты, связанные с разводом, мешали ей бросить меня, когда обаяние очередного любовника начинало перевешивать; однако сейчас развода не требовалось и ей незачем было себя останавливать.

Миллиардер проговорил:

— Мы с ней уже переговарили и решили, что обмен можно продолжить на неопределенное время. У тебя хватит компетенции разобраться с немногими хвостами, которые я там оставил. Кстати, признайся, что здесь я справлюсь с делом лучше тебя.

Так ли? Я поглядел на Соню. Возможно, она и впрямь разлюбила меня, но я-то ее любил, а потому не собирался сдаваться без борьбы. Я спросил жену:

— И как он ведет себя, когда чертовы фотографии увозят тебя ночью — снимать нагой в пене волн? А с собой домашний обед на съемки дает? А... — Тут я помедлил. Может, не надо? Ладно, иду на разрыв. — Что он делает, когда ты захлопываешь дверь машины возле твоей студии, а ключи оставляешь внутри?

Во всяком случае у нее хватило совести покраснеть и признаться:

— Я не работала. Взяла отгул на неделю. Захотелось провести какое-то время с новым мужем.

— Но твой муж — я!

— Теперь — нет.

— У тебя же был свой шанс, — проговорил он. — Ты не ценил, что имеешь, а потому потерял. И радуйся — я тебя оставил не без утешения.

На этот раз голос я обрел без труда.

— Ах, так? — проговорил я. — Положим, ты не чересчур пылок, едва ли ты не знаешь этого. Жанетт я поймел на третий

день. Она сказала, что давным-давно пошла бы с тобой в постель, не будь ты таким занудой. — И добавил, обращаясь к Соне: — Имей это в виду, милочка. Там его боятся. В своем замке он просто маленький Гитлер.

По выражению его лица я понял, что стрела угодила в цель, но Соня только похлопала ресницами и с деланным изумлением улыбнулась ему:

— Неужели? Боже, вот не подумала бы.

Это явилось последней соломинкой.

— Смейся-смейся, — проговорил я. — И можешь не просить меня... — Не договорив, я умолк.

— Да? Что ты говоришь?

Я положил нарцисс на стол.

— Чуть не сорвались слова, которых я не хотел говорить. Нет. Позвони мне, когда устанешь от этого зануды. Я буду ждать тебя. — И, не дожидаясь ответа, я повернулся к выходу и старательно притворил за собой дверь.

Когда я оставлял его мир, лил дождь, вернувшись, я обнаружил над домом радугу. Символизм был настолько очевидным, что я расхохотался и со смехом вступил во входную дверь, чем удивил Жанетт, полировавшую перила парадной лестницы.

— Добро пожаловать домой, сэр, — проговорила она с улыбкой столь же деланной и холодной, как у той дамы, которую я только что оставил. На ней вновь был прежний весьма скудный наряд.

— Сэр? — отвечал я. — Жанетт, это же я. Соня отправила меня подальше.

Улыбка получилась вполне искренней, только на много ватт тусклее той, к которой я успел уже привыкнуть.

— Прошу прощения, сэр, но я так и предполагала — ваше другое я по-настоящему любит ее.

— Этот сомнительный тип... Подожди-ка. Все наоборот. Она не клынула ни на нарцисс, ни на что прочее. Твой бывший босс просто заморозил ее. А я — тот самый тип, которого ты не рассчитывала больше увидеть.

Она нерешительно шагнула к лестнице:

— Значит, это ты... а как я могу в этом убедиться?

М-м-м. Действительно, как? Мы с ним идентичны до последней клеточки. Конечно, я мог описать во всех подробностях свое пребывание здесь, но их мне могло сообщить мое второе я,

вернувшееся домой. Надо придумать нечто такое, о чем он узнать не мог.

Я ухмыльнулся:

— Не сомневаюсь, что здешний я не ездил с Соней по Франции на велосипеде, а потому не наткнулся на дверь автомобиля, которую какой-то дурак оставил открытой, — значит, у него нет шрама на левом боку, где он порезался разбившимся стеклом. По-моему, ты должна была его запомнить, так? Проверь, на месте ли он.

Глубоко вздохнув, она опустилась на две ступеньки и стала возле меня.

— Если нет — тогда я пас, — проговорила она. — И попадись он мне, забью насмерть за то, что обо всем рассказал.

Со смехом я расстегнул рубашку, чтобы она не думала, что делает это для него, и показал шрам.

Я не знал, как она отреагирует: завизжит, сбежит, поцелует или что-нибудь еще выдумает.

В претензии я не остался. Чуть позже, когда дело дошло до разговора, она сказала:

— А это действительно ты. Добро пожаловать домой.

И я попытался устроиться там как дома. Я старался забыть про Соню и лишь наслаждаться новой жизнью, но дни сменялись, она не звонила, и это лишь разжигало мое нетерпение. Чем это они там занимаются? Осмеивают мои недостатки? Я-то помнил, каково это — быть девственником-переростком, вечно казалось тогда, что все смеются за спиной. Вся моя прежняя неуверенность вернулась. Правда, Жанетт не позволяла мне впасть в депрессию, подобную той, которую пережила Мишель, однако это все-таки нелегко — обнаружить, что тебя выставила твоя единственная любовь. Я хандрил, бранился, швырял вазы в стенки и, только когда обнаружил, что подумываю, не присосовать ли сверхновую на полотно «Звездной ночи», понял, что перебираю.

Оставалось или забыть ее, или завоевать заново... ну а поскольку с забвением не получалось, приходилось поднапрячь собственные возможности, чтобы снова завоевать ее. По крайней мере, ресурсы у меня были.

Но как можно их использовать? Деньгами ее не удивить: она и сама достаточно зарабатывала, да и соперник мой наверняка

явился туда не с пустыми руками. Жанетт я казался куда более приятной личностью, однако для Сони это было не так очевидно. Ну, а во всех прочих отношениях мы были практически идентичны. Из того, чего у него не было, я мог предложить Соне только прошлое, пятнадцать лет совместной жизни. Эти годы много значили для нее, я не сомневался в этом, однако, пребывая в восторге от новой, более совершенной модели, она могла позабыть о былом.

Итак, следовало обратить ее к воспоминаниям. Заставить взгрустнуть о личности, прожившей рядом с ней столько времени. Как это сделать?

Ничего не приходило в голову. Я уже подумывал о том, чтобы обратиться за советом к Жанетт, однако отказался от этой идеи. В подобной ситуации трудно было бы найти более подходящего советчика, однако подобного обращения она не заслуживала. И все-таки нужно было с кем-то поговорить.

С кем? Я здесь никого не знал. И кроме Жанетт встречался лишь с сорока девятью копиями себя самого, но на какую помощь с их стороны можно рассчитывать? Все они с Соней знакомы не были, а единственный, кто все-таки знал ее, в результате выкинул номер похлестче, чем сверхновая на полотне шедевра.

Они-то с ней не знакомы. Мысль эта не исчезала. Ага. Тут я улыбнулся впервые за последние дни. Я уже обнаружил некоторые возможности.

В мусорной машине пахло молотым кофе и заплесневелыми фруктами. Я успел забыть этот запах, но на какой-то миг он напомнил мне давнишнее лето — еще до колледжа, когда я собирал мусор, чтобы скопить на плату за обучение. Кто же знал, что это была одна из узловых точек моей судьбы.

Я лихорадочно надеялся, что сейчас нахожусь в другой.

Версия моей личности, более привычная к подобному аромату, прыгала на ухабах вместе с задним бампером, тем временем я вел наш с ним грузовик по переулку за моим домом. Я вновь поглядел на часы. У нас было еще в запасе десять минут, как я и хотел. Настоящий, по расписанию, мусоровоз был еще в нескольких кварталах отсюда, значит, Соня сейчас еще на теннисном корте. Она вечно жаловалась на чертова мусорщика, портившего ей всю игру своим грузовиком, однако обнаруживала

упрямство и доигрывала до последней минуты. Я улыбнулся при виде нашего дома. Никто другой во вселенной — во всех вселенных — не знал об этом.

Тут она и была, руки в боки, совершенно взволнованная. Я загляделся, но вовремя увильнул от мусорных баков и остановил грузовик. Мое alter ego* соскочило с бампера и потянуло к подъемнику первый бак.

Я же, протянув руку, поправил зеркальце, чтобы видеть ее, оставаясь незамеченным. Когда она осознала, что ее муж-мусорщик не обращает на нее никакого внимания, на лице ее отразились удивление, потрясение и, наконец, тревога. Сам я не сумел бы глядеть на нее столь отсутствующим взглядом, но у него-то не было никаких оснований для проявления чувств. Я не показывал ему ее фотографий, не говорил, какой из этих домов наш, так что узнавать ему было некого и нечего.

Нет, он, конечно, поглядел на нее, но как посмотрел бы просто мужчина на любую фотомоделю.

Я уже видел, как у нее открылся рот, чтобы что-то сказать ему. А поэтому пару раз поддал газу и переключил мотор на кран. Мой двойник подцепил бак, тот взмыл вверх, опорожнился и со стуком опустился вниз. Отцепив его, он отправил бак на место, оставив второй для обычной машины, слез на бампер и свистом велел мне трогаться.

Она исчезла за соседним забором, неподвижная как кукла, повешенная на гвоздь.

Геодезисту не пришлось особо трудиться. Во всяком случае взять напрокат теодолит куда легче, чем мусорную машину, к тому же от него требовалось лишь выставить свою треногу на улице и дожждаться, пока она проедет мимо. Мы с мусорщиком ждали в фургоне. Долго ждать не пришлось — распорядок ее дня я знал по минутам. В это время она посещала один из косметических салонов и загорала.

Сперва мне показалось, что она не узнала его. Заслышав звук приближающейся машины, он оторвал глаза от теодолита, убедился, что его не собьют, и вновь приник к окуляру... она же как ни в чем не бывало отправилась дальше. Только когда я услышал донесшийся от конца улицы гудок машины и визг шин,

* Второе я (лат.).

я заметил, что она едва не въехала в дорожный знак. Заглядевшись в зеркало заднего вида.

Диск-жокей даже кое-что заработал за хлопоты. Он провел несколько минут в косметическом салоне, пока остальные нанимали грузовик и теодолит. Этого времени хватило, чтобы выяснить, какая станция передает музыку, которую там пускали в качестве фона. Потом он немедленно отправился на радиостудию и предложил им «альтернативные хиты» — слегка отличающиеся варианты мелодий, популярных и здесь, и в его вселенной. Они запрыгали от восторга, и Соня, как мы надеялись, тоже подпрыгнула, услышав по радио его голос без всяких прелюдий и приветов.

Мы не намеревались проявлять жестокость, просто следовало показать ей, каково приходится тому, на кого не обращает внимания любимая. Насколько мне было известно, Соню никогда не бросали, она всем давала отставку сама, но глупой ее никак не назовешь, а намек был достаточно откровенным. Ну и тогда, полагал я, она все продумает и поймет, что из всех моих копий, обитавших во всех вселенных, лишь я делил с ней невзгоды и радости жизни.

Уловка почти сработала. Она сработала бы — но миллиардер тоже боролся за нее. Так что в трубке я услышал извинение, а не приглашение. Она сказала, что поняла, какую причинила мне боль, однако чувств своих не переменила. Жизнь с миллиардером сулила ей веселье, радости и приключения — я же мог предложить лишь привычный комфорт.

На этот раз я обратился к Мишель, женской версии меня самого. И вместе с Жанетт мы набрались втроем настолько, что устроили в огромной гидрокровати хозяина оргию, превзошедшую ту самую ночь, когда я познакомился с Соней. Помню только, как я смеялся над собственным непреклонным стремлением назад к глупой шлюшонке. А потом вспрыгнул на антикварные часы возле постели и вырубился.

Проснулся я в душе, Мишель поливала меня. Между выпивкой и похмельем есть стадия, когда чувствуешь себя совсем плохо. Теперь я, очевидно, угодил в нее обратным ходом.

— Извини, — проговорил я под плеск воды, — все вышло довольно мерзко.

— Да, — согласилась она и, с сухой улыбкой качнув головой, добавила: — Найдется много людей, которые назовут мерзостью подобную ситуацию.

— Наверно, так.

— Но все-таки время от времени мне кажется, что секс втроем — во всяком случае развлечение.

Я кивнул:

— Соня больше склонна к этому занятию. Однако я никогда не жаловался, если она приводила кого-то.

— Да. Я тоже не часто занимаюсь этим, но всякий раз не без удовольствия.

Взяв мыло, я намылил спину Мишель.

— Ну, а как Жанетт? Как она все восприняла?

— Слегка ошеломлена, но все будет в порядке. По-моему, здесь ей приходилось выдвигать худшие виды.

— Ошибаешься, — проговорила от порога Жанетт. Она присоединилась к нам, всем пришлось обняться, чтобы не поскользнуться под душем. — Я ничего подобного прежде не делала. Он — тоже. У него всегда была одна любовница, и не на один месяц. Поэтому я и не волновалась, изображая служанку-француженку. Я и не думала, что он может подступиться с серьезными намерениями, разве что в паузе между подружками.

— Черт побери, — проговорил я. — Богатый плейбой оказался искренним моногамом. Кто бы мог в это поверить?

— Каждый моногам в сердце своем плейбой, — ухмыльнувшись, отозвалась Жанетт. — Все вы внутри не то, что снаружи.

— Поэтому мы и неотразимы, — отвечал я, задумавшись: если бы Соня тогда не наткнулась на нас с Карен, я бы так и не стал столь открытым с женщинами. А если бы я женился на Карен, как другие варианты собственной личности, то стал бы держаться с ними еще более неуверенным. Это и случилось с миллиардером.

— Вы-то двое, быть может, и неотразимы, — проговорила Жанетт. — Но не все вы.

Я нахмурился:

— Ты мне все твердишь, каким жутким типом был твой бывший босс, а вот Соня не может от него отлипнуть. Почему, как по-твоему?

Подумав минутку, она сказала:

— Потому что он еще не успел проявиться перед ней другой стороной. Поверь мне на слово: он самый настоящий сукин сын, нетерпимый собственник.

Вариант моей личности в женском исполнении поглядел на меня оценивающим взглядом.

— Что?

— Возможно, здесь ты и ошибся. Ты пытался показать ей, что за широкий ты человек, а нужно было просто намекнуть — какая он узколобая личность.

— Ну конечно. И как же я, по-твоему, могу это сделать? С помощью циркуля?

Улыбнувшись, она чувственно провела ладонями по влажному телу.

— Предоставь это мне.

Взрыв оказался великолепным. Мы с Жанетт из кустов наблюдали за Соней, вернувшейся из салона под ручку с Мишель. Розовая и хихикая, как девицы, обе вступили в дом... и через пять минут Майкл-миллиардер вылетел из той же самой двери, словно раскаленный кусок железа прямо из-под молота. Он прыгнул в машину и, взяв с места, выскочил на поперечную улицу, исчезнув за ней под визг тормозов. Я решил, что найду машину на какой-нибудь из межразмерных транспортных станций, скорей всего с помятыми буферами. Все честно.

Если только Соня примет меня назад после его ухода.

Но выяснить исход можно было только одним способом.

— Ну, хорошо, — проговорил я, поднимаясь и помогая Жанетт выбраться из кустов. — Войдем?

Жанетт ухмыльнулась:

— И ты решил, что осилишь сразу троих?

С ответной улыбкой я отозвался:

— Если не сумею, нетрудно будет вызвать подкрепление.

В октябре 1994 года должен был состояться совместный российско-американский проект — посылка на Марс беспилотного космического аппарата, несущего лазерный диск с записями произведений о Марсе, принадлежащих перу русских и американских фантастов. Очевидно полет откладывается на неопределенный срок, но мы решили оставить в октябрьском номере «Сверхновой» этот рассказ Майкла Кэссата из молодой когорты «F&SF», проникнутый заботой о будущем, — как жизни на Марсе, так и жизни исследователей Марса и прочего космоса, таком сейчас неверном...

Майкл Кэссат

Последний полет на Марс

Хлеба она не ела уже пять дней, да и тогда этот хлеб начал портиться. А теперь весь запас испортился окончательно. С тех пор, как умер ее спутник, некому было хлеб посадить, некому вырастить, а скоро не останется никого, кто мог бы хлеб съесть.

Неделя за неделей она двигалась на юг, по склону Великого. Не то в поисках последнего пристанища, не то в поисках пищи. Ее одежда, бывшая ей в пору, когда она еще не была беременной и истощенной, отставала клочьями, но другой у нее не было, а тепло было необходимо. Временами она ловила себя на том, что теребит отставший клочок, растирая между когтями. Иногда становилось жаль лоскутков, уносимых ветром. Но только иногда.

Однажды в полдень она очнулась на освещенном отроге Великого, усыпанном острыми камнями. Пути дальше не было, обратный путь также казался невыносимо тяжелым. Впервые после смерти своего спутника она заплакала, но влага сразу же замерзла.

Тогда она попыталась спастись от холода, зарывшись в коричневую соль. Это помогло только тем, что показало ей всю бесплодность этой попытки. А почему нужно прятаться от холода? Почему бы не уйти во сне за своим спутником? Но мысль о детенышах ее остановила. Она с трудом приподнялась и... и увидела следы.

Собственно, это были всего лишь две параллельные линии, почти не заметные на твердой горной породе, интереса они никакого не представляли, кроме одного — вокруг них валялись крошки хлеба. Забыв о холоде, она бросилась на эти крошки, тщательно выцарапывая каждую из соли. Наестся было нельзя, но все же лучше, чем ничего.

Через несколько минут она съела все, что могла, и двинулась вперед, по следам, в скалы, в поисках места для ночлега.

Если повезет, утром она сможет продолжить свой путь.

* * *

На Девятый Земной День (они сами придумали для себя удобное исчисление) первый человек, ступивший на Марс, Прес Ридли, заявил Джераму:

— Мы им уже надоели.

Пояснять ничего не требовалось; под «ними» Прес подразумевал всех оставшихся на Земле, всех, имевших отношение к работе Центра управления полетами в Калининграде, да и вообще всех жителей Земли — все 8,4 миллиарда.

— Ты действительно так думаешь? — поинтересовался Джерам. Он довольно терпимо относился к закидонам Преса, даже иногда находил их забавными.

— О черт, конечно же. Я ученый; нас просто обокрали. Практически для всей Америки и Европы мы сейчас не видны, смотрят китайцы, но им все равно, что смотреть.

— Нам, вероятно, надо бы сдвинуть передачи на другое время. Ежевечерние репортажи на пути к Марсу совпадали с началом «Дружной семейки» по другому телеканалу, заведомо самой популярной передачей в Северном полушарии. Наши шансы при этом, конечно, резко падают.

Эти слова Джерам пропустил мимо ушей; война на Южном полюсе была для него всего лишь одним из великого множества региональных конфликтов. Он даже не был уверен, помнит ли, кто там с кем дерется и во имя каких великих принципов.

— Осторожно, — внезапно сказал Прес. Джерам уже тормозил, чтобы обогнуть оползень. — Наверно, это мы его стронули на пути вверх.

Скутер, нагруженный образцами с высочайшей вершины Марса, чуть не ухнул в яму на дороге. Три раза сильно тряхнуло. Скутер сильно накренился, сильно ударился кормой о валун. Джерам застопорил машину и подождал, не загорится ли сигнал поломки.

Пресу такие ситуации нравились:

— Будто по шпалам едем.

— Орел, Орел, вызывает Птица.

— Орел слушает. Что случилось? — голос Тани доносился к ним в данный момент с планетарного модуля примерно в пяти милях от них. Таня наблюдала за их продвижением через корабль на орбите — «Миллениум Фалькон» и «Спутник», — передающий спутник.

— Здесь дороги уж, по крайней мере, не хуже, чем из Москвы в Звездный городок, — заявил Прес. Джерам некото-

рое время тренировался у русских и знал, что Прес не преувеличивает — дороги там по-прежнему были самые плохие в Европе.

— Очень смешно.

— Всего лишь небольшая заминка на дороге. Будем через тридцать минут.

— Тогда я накрываю на стол, — так Таня любила шутить.

— Сука, — сказал Прес, едва связь закончилась.

— А по-моему, она ничего.

— Вот что мне нравится в тебе, Джерам, так это то, что ты миротворец. Скутер ты ведешь отвратительно, зато со всеми в дружбе. Вот такие, вроде тебя, здесь и будут жить когда-нибудь... если будут.

Иногда Джерам затруднялся сказать, шутит Прес или нет:

— Ты что, хочешь повести?

— Ну уж нет. Я лучше вздремну. — И Прес ухитрился откинуться в кресле пилота, положив ноги на панель управления, что в жестком скафандре было довольно трудным трюком.

Джерам что-то проворчал, дал задний ход и попытался до того места, где они оставили свой след. Скорее всего, это был просто камень, скатившийся с горы, вполне возможная вещь, так как Арсиа Монс был действующим вулканом. (Правда, расставленные повсюду зонды ничего не показали, Таня не упоминала и о землетрясении, «Фалькон» и Калининград молчали.)

Однако Джерам не видел поблизости валуна, лишь параллельные борозды в коричневой почве.

Ветер? Ветры на Марсе дули с ужасающей скоростью, но только не в этом районе, со всех сторон защищенном горами. Да они и не покидали его, большую часть дня они провели за работой в шести милях выше по склону. Опять же, Таня сообщила бы о любом ветре.

Надо будет спросить ее. Джерам тронул скутер назад. Внезапно боковым зрением он уловил движение — на легком ветру трепетал какой-то лоскут величиной с ладонь. На ходу Джерам подхватил предмет манипулятором и поднес поближе к смотровому стеклу, чтобы показать Пресу. Но Прес спал.

Джерам направил скутер к «Орлу», втянув манипулятор с непонятным предметом внутрь. Поглядывая на дорогу, Джерам перевел глаза на лоскут, ожидая увидеть улетевший листок инструкции по высадке или обрывок мусора, оставленного при первой вылазке. Кстати, совершенно непонятно, почему Марс называют красной планетой. Хмурое небо здесь точно такое же, как в Европе, а камни и песок скорее шоколадные, но уж никак не красные.

А предмет оказался куском коричневой ткани. Или шоколадным пером.

* * *

Когда она проснулась, большая луна уже садилась, Великий остался позади. Слишком поздно, чтобы продолжать свой путь. Удивительно, что никто не съел ее, пока она спала. Теперь надо торопиться.

Однако она была слишком слаба, а недавно поглощенный хлеб заставил еще сильнее почувствовать голод. Она приняла хлеб как дар священных лун, но на этом месте удалось отковырнуть только еще несколько крошек.

Отдохнув немного, она собралась с духом и двинулась дальше. Теперь следы вели вниз по склону. Может впереди ее ждет еще одно поле хлеба. В любом случае нельзя оставаться на прежнем месте.

* * *

Сегодня готовить должен был Прес, и подошел он к этому чисто по-американски — схватил все, что попало на глаза, и засунул в микроволновую печь. Как обычно, Джерам посетовал на питательные свойства трапезы.

— Жирновато для меня.

— Правда? На тебя, видно, не угодишь.

— Да ладно. Ты не против, если я тут вместо тебя побалуюсь? — Прес хмыкнул и отправился вниз «прогуляться». Та-ня внимательно посмотрела на Джерама:

— Почему ты позволяешь ему разговаривать с тобой так?

— Как «так»? — Джерам поменял пакет с ветчиной («оставим для прощального ужина») на пакет с рыбой и добавил еще суфле («Для тебя, Таня»).

— Будто ты раб.

— Может потому, что я черный?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. — На это ему не нашлось, что сказать. За последние четыре месяца их рассчитанной на год экспедиции все аргументы в бытовых спорах были уже исчерпаны. Их, конечно, было шестеро, и как Пресу было на кого переложить свои обязанности, кроме Джерама, так и Таня могла бы выбрать для излияний кого-то другого.

— Просто он не любит готовить. Зато он хорошо делает другие вещи.

— Назови хотя бы две.

— Он ученый. С ним считается Калининград. — Это было правдой: у Преса было целых четыре образования, даже звание профессора, и это всегда придавало особый вес его высказываниям во всех совещаниях с руководителями полета. Кроме того, он был швейцарский немец по одной наследственной линии, и обладал чисто немецким упрямством, а по другой — в нем играла гордость обитателя прерий Северной Дакоты.

— Он просто терпеть не может советов. А в наших обстоятельствах это не лучшее качество.

— Скажем, я перед ним в долгу.

— За что это?

Разумеется, эфиопский космонавт Джерам Тесфайе ничего не был должен американцу Пресу Ридли. Однако, когда Джерам был еще ребенком, от страшной болезни дистрофиков — квашиоркора — его спасла гуманитарная помощь из Америки. Четверо братьев и сестер так и не смогли выжить, как и все остальные дети младше шести лет. Джерам знал, что это не довод, но логика никогда не была его сильной стороной.

— Не будь такой категоричной, Таня.

Печь подала сигнал.

— Будем ужинать?

Он положил найденный предмет в нагрудный карман. Тайно его исследовать не удалось бы, так как по расписанию на завтра они с Таней должны были ехать на вылазку вместе, следовало лечь спать вовремя, Прес бы проследил, поэтому Джерам поставил свой будильник на полчаса раньше. Это было ни к чему, он и так все время просыпался на своей узкой лежанке. Таня мирно спала на втором ярусе, застегнувшись в мешке. Прямо на мостике Прес повесил гамак, цинично пошутив при этом: «Вдруг нам захочется трахнуть на Марсе непосредственно на рабочем месте, по примеру Екатерины Великой».

Джераму такая мысль в голову не приходила, и он был уверен, что Тане тоже. Если учесть шум, запахи и общую обстановку, то с тем же успехом можно было бы заниматься любовью в пылеуловителе.

Хотя полового влечения к Тане Джерам не испытывал, он чувствовал смутную вину из-за того, что скрыл от нее свою находку. Но поделиться с Таней означало автоматически рассказать все Такигуши на «Фальконе», а через девять минут — Калининграду.

Убеждая себя, что не может своими действиями поставить под угрозу жизнь людей и сам исход экспедиции (судя по всем пробам жизни на Марсе не было, во всяком случае, такой, что могла бы передавать смертельную болезнь), Джерам расстегнул карман и достал предмет. Обтрепанный коричневый лоскут из тонкой кожи. Треугольной формы, три дюйма в широкой части. На свету не проявлялось никакой текстуры, никаких узоров. Наощупь очень мягкий, как замша, Джерам попытался разорвать его, но тот даже не растянулся.

Интересно, хотя, вероятно, никакого значения не имеет. Впервые Джераму захотелось оказаться на «Фальконе» — там, по крайней мере, был микроскоп.

* * *

Не может быть. Она, наверное, спит. Она должна была умереть. Те следы привели ее в кошмар.

Не тварь, не живое существо, огромная башня, сверкающая и отражающая нестерпимый свет, ранящий глаза... Бросившись

прочь, пытаясь спастись под камнями, она услышала странный звук за спиной и приготовилась к смерти.

Ничего не случилось. Она лежала под камнями, невредимая, временное убежище даже оказалось покрыто мелкими кристалликами льда. Страх прошел также внезапно, как и накатил — еще один признак крайнего истощения — и впервые за долгое время она почувствовала себя хорошо. А может, лед, как всегда, помог. Или радовало, что удалось избежать смерти и теперь близилось время родов.

Подождав еще немного, она заснула.

* * *

Вылазка на Берроуз была напряженной. Сам этот район не доставил особых неожиданностей, однако постоянные изменения программы работы, исходящие от Такигуши с «Фалькона» через «Спутник», порядком трепали нервы. Во время предыдущих двух выходов Джерам работал в паре с Пресом, и тому удавалось, кстати, организовывать «помехи в связи», как только командир экспедиции начинал слишком проявлять свою власть. Таня, руководившая программой на этот раз, просто молча глотала оскорбления и нескончаемую череду уточнений, как стойкий оловянный солдатик. Если бы еще и Джерам начал выражать недовольство, ей бы пришлось совсем несладко, поэтому он просто молча делал то, что требовалось. Но в результате программу удалось выполнить лишь наполовину.

К «Орлу» подъехали тоже с опозданием.

— У меня запасы совсем на исходе, — сказала Таня, как только показался посадочный модуль.

Может и так — они не вылезали из скафандров добрых восемь часов. Но скорее всего ей просто хотелось воспользоваться удобствами на «Орле». Гигиенические приспособления индивидуального пользования зачастую применять по назначению было небезопасно.

— Давай, беги. Я готовлю «Птицу» на завтра.

Она не стала медлить, опасаясь, как бы Джерам не передумал.

— Ты просто святой.

Следующие пять минут до «Орла» Джерам высматривал следы на песке. Что он ожидал увидеть, трудно сказать, — наверное, каких-нибудь огромных, трехпалых ног. Вдруг он почувствовал легкое головокружение.

Пока Таня забиралась по трапу наверх, он подключил кабель питания к «Птице» и еще раз обошел корабль. Неожиданно в наушниках парадно зазвучал голос Преса. Прес всегда говорил тоном эдакого Нейла Армстронга, когда его могло услышать начальство.

— «Фалькон» выйдет из зоны радиодостигаемости через три минуты, Джерам.

Интересно, что он заподозрил? В любом случае сообщение, что у «Фалькона» через несколько минут будет перерыв в слежении, было полезным.

— Я возвращаюсь. — Оставшиеся сто восемьдесят секунд Джерам посвятил инвентаризации на «Птице». Пора приступать к плану «А».

— Прес, мне кажется, мы потеряли один контейнер.

— Какой контейнер?

— С образцами.

— Оставили их на Берроузе?

— Не думаю. Я помню, что подписывал его на последней стоянке. О черт! — Джерам редко ругался и знал, что Преса это удивит.

— Возвращайся, заберем завтра.

— Я думаю, он недалеко. Пойду взгляну. Наверняка начальство поднимет шум. — Джерам успел досчитать до десяти, когда Прес наконец заговорил:

— Какой у тебя запас в скафандре?

— Еще на пятнадцать минут хватит. — Джерам уже спускался по трапу.

— Следи за временем. Оставляем маяк.

Контейнер с образцами он нашел сразу, там, где и оставил его — на полпути от ближайшей гряды до «Орла». Он привязал его к поясу и огляделся. В трехстах ярдах от него к востоку нависал тупой нос «Орла». Джерам знал, что ни Прес, ни Таня сейчас его не видят: камеры внешнего обзора «Птицы» слишком

низко, а мониторы «Орла» были направлены на север и на юг. Возможно, его фиксировали камеры склада, но их записи никто не станет просматривать несколько недель, а то и месяцев.

Если он все сделает правильно.

Голос Преса в наушниках:

— Ты в порядке?

— Все нормально. — Надо же, сколько махинаций, чтобы получить пять минут свободного времени. Все-таки роботам в космосе легче.

Вначале он осмотрел южный сектор. Ничего, кроме темно-шоколадной пыли. Никаких следов. У него оставалось еще двенадцать минут. Теперь он был ближе к «Орлу», но оттуда увидеть его невозможно, не стоит опасаться, что Таня выглянет в иллюминатор и поинтересуется, что он там делает. (Конечно, Таня с Пресом продолжали следить за его показаниями.) Почва стала более рыхлой, рассыпалась пылью. Ноги стали увязать... как в снегу, вдруг пришло на ум. Однажды зимой он отдыхал в Нордвике и там видел снег.

И тут он заметил следы, а потом два ряда параллельных царапин, ведущих к скалам. Ну, Джерам, пора становиться антропологом. Марсианин пришел этим путем, увидел корабль, повернулся и убежал. В эту сторону.

Да, кстати, не марсианин. Господин Такигуши предложил новое название, не забывай об этом. Эмбос, Марсианское биологическое существо. Ох, как все глупо. Когда-нибудь он посмеется, вспоминая, как искал жизнь на Марсе...

И тут он ее обнаружил. Существо, ростом с небольшую собаку, в одежде из той же ткани, лоскут которой лежал у него в кармане. У существа виднелись три руки. Существо было страшно испугано и хотело убежать.

— Ты что-то сказал, Джерам? — Голос Преса заставил его вздрогнуть.

— Я... нет... ничего. — Он медленно поднял руку. Существо не реагировало.

— Мне показалось, что ты засмеялся.

— Это я по-эфиопски... сам с собой. — Он отступил на шаг и развел руки ладонями вверх, как бы говоря «не бойся меня».

— Пора возвращаться.

— Через пять минут. — Запас воздуха почти исчерпан. Не стоит погибать тут сегодня, если можно вернуться завтра. Если, конечно, существо до завтра никуда не денется. Он достал из кармана лоскут, протянул его существу:

— Думаю, что это твое. — Повернулся и пошел к кораблю.

* * *

Парализованная страхом, ослабевшая от голода, она не двинулась с места, пока не взошли обе луны. Ее единственным желанием было бежать, но те же камни, что послужили укрытием, отрезали путь назад: надо было идти след за тварью. Дрожа от страха, она двинулась по ее следам. Вскоре она достигла оставленного тварью предмета и увидела, что это лоскут ее одежды. Она подняла лоскут. Открытие ошеломило ее.

Тварь пахла так же, как хлеб.

* * *

Через два часа по возвращении Джерам в скафандровом отсеке перезаряжал баллоны своего скафандра. Таня на мостике прибирала после ужина и не могла слышать их.

— Никак золото отыскал? — Вопрос Преса застал Джерама врасплох.

— Что?

— Ты ведь что-то нашел?

— С чего ты взял?

— Потому что уже два часа у тебя такой же идиотский вид, как у человека, который выиграл в лотерею. Вот я и спрашиваю, это золото?

— Лучше, чем золото! — Впервые за несколько лет его приятно поразило выражение лица Преса.

— Вот черт! Я заинтригован. Ты нашел... что нашел-то? Твердую нефть? Маковый марсианский наркотик? Что, черт возьми?!

— Лучше!

— Лучше? Череп, что ли? Вот подожди, узнает Такигуши...

— Я нашел эмбоса!

— Да говори ты по-английски, черт тебя задери!!!

— Э-м-б-о-с. Марсианин.

В глазах у Преса появился нехороший огонек:

— Знаешь, от кислородного голодания случаются такие штуки...

— Прес, у меня тоже медицинское образование. Я знаю, что я видел.

— Господи, да что же ты видел? Может, объявились конкуренты?

— Нет. Это был самый натуральный марсианин.

— Продолжай.

— Он такого же цвета, как камни. На расстоянии его от них не отличишь...

Таня появилась в дверях рубки:

— Джерам, Такигуши вызывает, требует отчет.

Прес остановил его неожиданным вопросом:

— Ты собираешься говорить об этом шефу?

— Не знаю.

* * *

Джерам ненавидел эти отчеты. Ты сидишь перед камерой и разговариваешь с Такигуши, на том же экране во врезках оператор связи и операторы из центра слежения. С запозданием на девять минут тебя слышит Калининград. Надо уложиться в восемнадцать минут. Тогда Земля не успеет закидать тебя вопросами, на которые ты не можешь ответить. Вопросы все равно всегда задают: у Такигуши их полно, а Калининград выдает припасенный накануне.

Первые семнадцать минут все прошло нормально, однако неожиданно Такигуши сказал: «Канал «Б», Джерам», — отрезав, таким образом, Калининград от их разговора:

— Почему ты так долго находился вне корабля?

— Я уронил контейнер с образцами...

— Я знаю, это ты сказал Пресу. Я этому не верю (Джераму начало казаться, что к монитору подключили детектор лжи, да практически роль такого детектора выполнял скафандр, регистрирующий все жизненные показания).

— Вы правы. Я специально потерял контейнер.

— Я внимательно слушаю.

— Мне хотелось прогуляться по местности. Мы слишком загружены работой, даже не видим, что вокруг нас.

Такигуши молчал десять секунд. Джерам слишком устал, чтобы увиливать. Кроме того, ему хотелось с кем-нибудь поделиться своим открытием.

— Я понимаю. В конце концов, это Марс, но не забывай, что Калининград контролирует все мои действия, и я должен знать, что у вас происходит.

— Извините.

— Ты ведь не сам по себе. Тысячи людей вложили свою жизнь в осуществление этой экспедиции, мы все должны отрабатывать доверие. Каждый шаг должен быть записан. — Еще одна пауза. — На обратном пути сможешь подредактировать записи.

— Я не знал об этом.

— Продержись еще пару дней.

Сеанс связи был окончен, а Джерам все сидел с пылающим лицом перед экраном. Очень характерно для Такигуши. Прес называл эту его манеру «нет-да-нет»: «он с нами — он с ними — но вы же не против, если за вами немного подглядеть?» Все исключительно ради блага операции. А решишь пожаловаться на него, тебя же и сочтут ненормальным.

Джерам знал, что пока Такигуши ничего не сможет поделать с его «выходкой». Но через два дня, когда «Орел» возвратится на «Фалькон», все будет по-другому. Такигуши не хотел включать его в экспедицию. Разумеется, Джерам был завербован через европейское агентство, так же, как и сотни других. Джерам никогда не мечтал о полетах в космос, никогда не готовил себя к ним, как летчик-испытатель с докторской степенью по астрономии Такигуши, Таня или даже Прес. Он окончил медицинский колледж во Франции и поступил в медицинскую академию Объединенных Наций только потому, что был представителем третьего мира. Он мог просто стать врачом программы ООН — ведь именно ООН финансировала его обучение, или податься в бизнес. Конечно, здесь на корабле он был отчасти незванным го-

стем. Ему просто повезло... Даже в детстве он никогда не смотрел на звезды — у него не хватало на это сил.

* * *

Она сама не знала, почему хранила этот лоскут. Толку от него никакого не было, но почему-то он придавал ей бодрости. Напоминал о ее друге, о ее еще не рожденных детенышах. Теперь они могли бы родиться — но этого, разумеется, не произойдет. Она слишком слаба и голодна. Надо бы уйти от этой сверкающей башни, от той твари. Но она не уходит. Она ждет, когда тварь придет к ней.

* * *

На Одиннадцатый день Прес и Таня отправились на Вейнбаум, Джерам оставался у мониторов. Все восемь часов их отсутствия он прослонялся от окна к окну, надеясь заметить хоть какие-то следы марсианина. Ничего в видимом и инфракрасном диапазоне, что неудивительно. Тут бы мог помочь радар-визуализатор, но такой был только на «Фальконе». Но чтобы запрашивать такое, надо было уже совсем обезуметь.

Когда Прес и Таня вернулись, Джерам с трудом подавил вздох разочарования. Разумеется, они ничего не нашли. Оставалась только одна завтрашняя вылазка, да и то вдвое короче обычной — чтобы собрать мусор.

Перед обедом поговорить им не удалось, потому что Прес решил неизвестно с чего сам приготовить пищу. За перезарядкой скафандров Таня тоже не изъявила желания поговорить, только устало улыбнулась.

— Завтра последний день.

— Марс надоел?

— Просто устала.

Он подумал, не рассказать ли ей о марсианине, вряд ли она побежит жаловаться Такигуши...

— Джерам, ты не видел ничего необычного вчера?

— В каком смысле необычного?

— В геологическом. — Таня вынула из камеры на шлеме скафандра диск и вставила его в монитор. На экране картинка развернула панораму, пересекая след «Птицы», назад к «Орлу». Съемка производилась утром, по выезду на Вейнбаум, потому что тени ложились от камеры к модулю. Тут сердце Джерама зашло в бешеном стуке: в верхнем левом углу экрана он увидел марсианина. Когда же Таня ткнула в нижний правый угол, Джерам смог только хмыкнуть.

— Видишь, какие забавные горные отложения? Тебе кажется, что это — выветривание камней?

— Да, вроде, не очень похоже.

— Видимо, все же нет. Наверно, форма образована сдвигом при землетрясении. Но очень выразительная. Мне ее Прес указал.

Джерам наблюдал, как Таня пометила диск кодовыми словами «ВЫЛАЗКА/ДЕНЬ11/ПОРОДА», поставила его в нужную из пятидесяти ячеек и ушла. В рубку вошел, заговорщицки улыбаясь, Прес.

— Видел своего эмбоса? — тихо спросил он. — Большого сегодня сделать не удалось. — Он кивнул вверх, намекая то ли на Таню, то ли на Такигуши.

— Неужели Таня не видела его?

— Видела, конечно. Но интересовало ее совсем другое. Согласно эффекту «Похищенного письма» — прячь на самом виду.

— Да, помню.

Возраст Преса вдруг проглянул в усталых чертах.

— Ну и что же ты собираешься с ним делать, сунешь в рюкзак и отвезешь на Землю?

— Не знаю еще.

— Что бы ни придумал, никому не говори.

— Но ведь это то, за чем мы сюда прилетели...

— Дерьмо собачье! Мы сюда прилетели для того, чтобы обеспечить людям на Земле рабочие места. В том числе и мне, это прекрасно. А вот если они узнают о твоём открытии, вся эта планета будет немедленно задушена цивилизацией, за каких-нибудь пять лет. И если мы хотим уберечь ее от этого, мы должны сделать все для того, чтобы это был первый и послед-

ний полет на Марс. — Прес ухмыльнулся. — Я-то всеми силами старался это сделать. Таня вполне могла заметить, что один из камней движется, но я уронил аппаратуру. Пока она подбирала, твой дружок успел спрятаться. — Прес помолчал несколько секунд. — Кажется, он очень слаб и умирает от голода. А может быть, и нет.

— Ну как, идете вы? — спросила Таня, выглядывая из люка.

Вылазка двенадцатого дня была расписана четче прочих, начиная с последней экспедиции «Птицы» на северо-восток, в наиболее исследованную часть подножия горы Арсиа. Через три часа должна была начаться передача о прощании с Марсом в прямом эфире, Джераму и Пресу почти не оставалось времени, чтобы выучить свои речи.

— «Итак, мы говорим до свидания, Красная планета, до новой встречи!», — Прес расхохотался, — кто писал эту ерунду, Такигуши?

— Обычный официальный текст. Прислали с Земли.

— Звучит как перевод с иностранного.

— Для большинства населения передача все равно пойдет с субтитрами.

— Ну да, для тех девяти человек, что не будут смотреть репортаж с театра военных действий.

Если не считать циничных замечаний Преса, церемония прощания проходила отлично. Калининград неожиданно порадовал их трансляцией песен в исполнении хора школьников из каждой временной зоны. Джерам вдруг страстно захотел оказаться в любой из этих зон. Таня сыграла роль телекомментатора.

Затем наступила пора консервации места высадки, согласно расписанию. К полудню поднялся ветер, трудно стало закреплять чехол на «Птице», которую оставляли будущим планетологам.

Они уже заканчивали, но тут Джерам услышал, как Прес прошептал: «Дерьмо!»

Флаг ООН отвязался и улетел за ближние скалы. Атмосферное давление на Марсе невелико, но тут просто сыграла скорость движения.

Тут Прес неожиданно сказал:

— Джерам, почему бы тебе не пойти и не подобрать эту тряпку, я тут закончу без тебя.

На осмысление Джераму понадобилось несколько секунд, но он понял, что Прес намеренно перерезал веревки флага. Затем он стремительно стал запихивать в рюкзак все, что попадалось под руку — пищу, воду, одеяла, и массу других нужных и ненужных вещей — даже не задумываясь (не было времени), что эти вещи могли бы оказаться смертельными для марсианина.

Эмбоса он нашел там же, где оставил его Прес, в ста с небольшим ярдах от «Орла». Видно было, что существо уже давно не двигается — его кожу покрывал толстый слой коричневой пыли. На традиционные приветствия первого контакта времени не было, поэтому Джерам просто свалил все свои дары неподалеку от существа. Оно слегка вздрогнуло, когда он приблизился, будто желая, чтобы его приласкали.

— Ну вот, теперь снова остаешься один или одна. Постарайся больше не попадаться никому на глаза, — прошептал Джерам, торопливо подобрал флаг и бросился к кораблю.

Камеры все записали. Диск остался в картотеке под кодом «ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ. УБОРКА». Если повезет хоть чуть-чуть, редактировать его не придется.

* * *

Все случилось так быстро, что она даже не успела удивиться. Она не удивилась тому, что тварь появилась — ведь она ждала ее. Единственное, что удивило — почему тварь извергла что-то, а ее оставила в живых.

А потом она почувствовала запах хлеба. За секунду до этого она готова была бежать, бежать из последних сил, прочь от предмета, оставленного тварью, но теперь самоконтроль был потерян, и она бросилась к мешку.

Она жадно глотала хлеб, когда сверкающая башня неожиданно взорвалась и исчезла. Когда-то ее спутник говорил об этом, и она снова удивилась, что не погибла.

Наевшись досыта, она свила гнездо из того, что оставалось в мешке.

В ту же ночь она подарила жизнь трем детенышам — одному самцу и двум самочкам.

На следующее утро она умерла.

Однако детеныши выжили. Они набирались сил в теплом гнезде, питаясь остатками пищи до тех пор, пока не окрепли настолько, чтобы продолжить путь своей матери на юг.

* * *

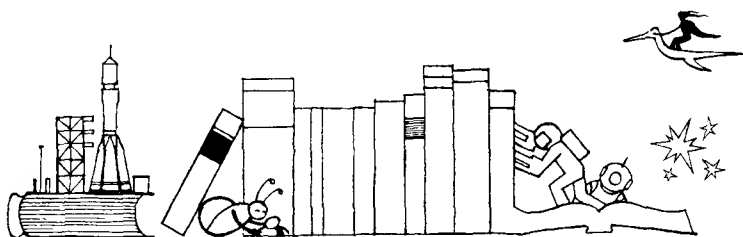
Двадцать два года спустя Картер Фигеро, ассистент научной лаборатории планетарных исследований в Аризонском университете в Таксоне, заметил присутствие живого существа, иначе говоря, аресианина (так с 2040 года принято называть марсиан) на пленке, записанной на двенадцатый день марсианской экспедиции.

Несколько часов Фигеро находился в состоянии, близком к помешательству; он не мог поверить, чтобы такое открытие могло оставаться незамеченным двадцать два года. Он заподозрил даже, не было ли это дурной шуткой кого-нибудь из студентов. А так как перераспределение средств в пользу программы по захвату астероидов означало прекращение финансирования программы исследования Марса, Фигеро решил ни с кем не делиться своим открытием.

В тот же день Картер Фигеро засунул пленку под кодом «ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ. УБОРКА» обратно в картотеку.

В этот день Джерар Тесфайе работал, как обычно, в своей деревенской клинике, в Эфиопии.

Ни тот, ни другой не знали, что популяция эмбосов на Марсе достигла в тот день числа одиннадцать. И продолжала расти.

ОБЗОР

Ольга Спицына

ВЗГЛЯД В ЗЕРКАЛА И ОБРАТНО

... Довольно трудно говорить о предмете, внешние приметы которого известны всем, а суть неуловима; границы которого легко различимы, а внутренняя структура и содержание весьма пестры; чья предыстория сравнима с возрастом цивилизации, а значение остросовременно; и о котором уже многое сказано, и сказано верно, но который все-таки много больше, чем о нем вообще можно сказать. Именно такова фантастика. Трудно, но мы попробуем и начнем с очевидных фактов.

Зародившись еще в дописьменную эпоху, фантастика в той или иной форме существовала всегда. В конце же прошлого века ее развитие резко ускорилось, а сама она уже довольно четко выделилась среди литературного массива. А после второй мировой войны фантастика получила столь широкое распространение, что без нее уже немыслима современная культура.

Ныне же можно говорить о существовании своеобразной субкультуры, созданной фантастикой. Имеется стабильный профессиональный корпус писателей, издателей, переводчиков, исследователей, а также интернациональное читательское сообщество с тенденцией к объединению. Фантастика существует в качественном диапазоне от признанной классики до кича, от литературы для детей до литературы для интеллектуалов. Фантастика также «конкурентоспособна» среди прочей литературы и в художественном, и в коммерческом плане. И, будучи

целостным явлением, она все еще не поддается попыткам определения и классификации, в чем признаются сами исследователи.

Будучи в конце прошлого и в начале нынешнего века разнообразностью литературы о научных открытиях, формой популяризации научных идей и знаний, а в середине нашего столетия – литературой о науке в мире, о драме идей и их создателей, о границах познания, фантастика ныне, кажется, пережила свою «научность». В современном фантастическом сюжете наука зачастую остается за рамками – так, если действие происходит где-нибудь на другой планете, то уже не описывается в обязательном порядке ни устройство корабля, ни космический полет. А стандартная для фантастики ситуация контакта с инопланетянами уже не воскрешает споров об идее множественности обитаемых миров. Наука, если речь специально не идет о какой-то реальности – эксперименте, открытии, ученом, просто подразумевается как отдаленная во времени причина, сделавшая описываемую реальность именно такой.

Фантастика переросла и свою «фантастичность», перестала быть повествованием о чудесах, невероятных приключениях, неожиданных и сверхъестественных явлениях. Темы, проблематика, сюжетные ходы и ситуации, даже терминология стали в фантастике традиционными и привычными для читателя, что, впрочем, не лишает оригинальности каждое конкретное произведение.

Пережив свою специфику и экзотику, фантастика все больше обращается к вечным темам – человеку и его миру, но все же не повторяя в этом, предшествующий литературный опыт, хотя вовсе не отказываясь от своих корней. Она содержит в себе черты всех ранее существовавших жанров, и, кажется, уже написана фантастика на любую тему: о любви, о воспитании детей, о животных, о деньгах и бизнесе – обо всем, о чем писали и до ее появления в современном виде. Но фантастика существует сама по себе, отдельно и от реалистического искусства, и от того, что принято, например, называть авангардом. Есть при этом нечто, что объединяет многообразие разнородных произведений в единое целое, и оно же четко выделяет

фантастику как единый феномен в общем культурном контексте. Причем это качество – вероятно, самая суть фантастики, несводимая ни к темам, ни к истокам, а еще менее к авторским или национальным особенностям (хотя и это в ней есть). Именно благодаря этой сути она, видимо, и заняла какую-то естественную нишу в современной культуре, как нечто свойственное и необходимое своему времени, чему свидетельствовал ее современный расцвет.

Однако на традиционный вопрос «что такое фантастика?» существует лишь множество приблизительных ответов. Та же самая неявная ее суть делает легко отличным любое фантастическое произведение с первого взгляда – а вот как? «Вот это – фантастика, а это нет» – легко определит почти всякий современный читатель, но на основе чисто интуитивных признаков или критериев. Суть же фантастики, ее обобщающее и отличающее качество определению не поддается.

Цитата 0.

«Не надейся перехитрить Искаженный мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть».

Р. Шекли

Но, наверно, сама фантастика об этом качестве прекрасно знает, вся целиком несет в себе ответ и говорит об этом на своем языке. Примем же к сведению предупреждение и углубимся в массив фантастики в поисках знания о ее сути с ее же помощью.

Цитата 1.

«Мы не ищем никого, кроме человека. Нам не нужны другие миры. Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами. С нас довольно и одного, мы и так в нем задыхаемся».

С. Лем

Сколько существует человек, столько же он и пытается познать себя и мир вокруг, понимая себя как точку отсчета и меру всему. Судить же о себе возможно, лишь глядя на себя со стороны. А потому антропоцентрична вся земная культура – воссоздание все новых образов мира с точки зрения человека и бесконечное отображение его самого во всех реальных и мыслимых образах, отдаленных от смотрящего на расстояние взгляда. Чтобы обеспечить это расстояние, человек все время как бы раздваивается – создает зеркала, чтобы взглянуть на себя как на другого, и двойников, чтобы глазами другого взглянуть на себя. А потом – вокруг, сравнивая мир с собой.

До некоторого времени, однако, и мир, и его отображения были прямыми или хотя бы линейными. Космос виделся человеку как продолжение его собственного видимого мирка, а добрые боги были идеальными воплощениями людей. Даже классические мифы, утопия и гротеск были по сути линейными экстраполяциями существовавшей реальности в положительную или отрицательную сторону. Все неизвестное представлялось в принципе понимаемым для линейного мировоззрения, разница была только в направлении, расстоянии и размерах. Именно такая практика познания породила и классическую науку, и реализм как универсальный метод изображения реальности в искусстве.

С тем и дожило человечество до XX века, когда линейные методы познания перестали быть единственно возможными, а отражение мира в реалистическом зеркале утратило истинность, став неполным. Научно-технический прогресс после многих веков постепенного развития резко рванулся вперед, а его результаты, понятные, может быть, и немногим, тем не менее касаются каждого. Достижения биологии и медицины сместили привычные понятия жизни, смерти и родства. Мир стал необъятен, но доступен любому благодаря новым информационным сетям, и одновременно мал, когда человек увидел свою планету из Космоса. Человек обрел принципиально нового собеседника в лице компьютера; новые технологии изменили сам человеческий быт, а глобальные катастрофы искусственного происхождения вновь поставили вопрос о цене отдельной чело-

веческой жизни, сопоставив ее с судьбой всего мира. В таких условиях прямое зеркальное отражение или в точности схожий двойник уже не говорят человеку всей правды о том, кто он есть и что с ним происходит. Необходимы другие образы, причем во многих различных вариантах. Искажая привычный внешний облик человека и мира, нелинейные отражения и несхожие двойники могут открыть ему какие-то доселе неясные стороны его сущности.

Цитата 2.

«Дело не в том, что вы делаете... Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть».

Р. Шекли

Главная способность фантастики в том, что она творит для человека таких двойников, глазами которых он может увидеть себя в непривычном ракурсе, — роботов, мутантов, жителей других звезд.

Придумывая роботов, человек и вовсе сопоставляет себя с традиционным богом-творцом, когда создает свои механические копии, улучшенные, специализированные, идеальные или подверженные человеческим недостаткам. Робот-полицейский у Г. Гаррисона, домашние роботы-хранители у К. Саймака, целые популяции роботов — сыщиков, политиков, исследователей у А. Азимова, и всем им волей авторов-людей дано задумываться о себе и своем месте в мире и о своих создателях, вырабатывать системы ценностей и шкалы для сравнений.

Цитата 3.

«Если род человеческий не мог своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт разума... то он добьется этого косвенным путем. Может, в этом и заключалось неосознанное самим человеком главное назначение роботов».

К. Саймак

Цитата 4.

«...Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось важно так думать...»

А. Азимов

Цитата 5.

«Нед по ночам патрулирует по городу, а днем работает в лаборатории и подшивает бумаги... Не знаю, может ли быть счастливым робот, но Нед, видимо, счастлив. Если подумать, то мы, наверно, создали прецедент, сделав робота полноправным полицейским. С завода еще никто не приезжал... Некоторые будут очень удивлены, узнав, кто будет их новым начальником полиции после моего отъезда».

Г. Гаррисон

Такими же двойниками наблюдателями выступают жители других миров, столь часто описываемые фантастикой. Причем, начиная с «Первого контакта» М. Лейнстера, основой для взаимопонимания между разными расами служат, как правило, чисто человеческие черты – будь то любовь к неприличным анекдотам, как у Лейнстера, или провинциальное гостеприимство, как в «Пересадочной станции» К. Саймака. Но чужое мнение о человеке может быть у разных разумов весьма неоднозначным.

Цитата 6.

«Два человека встретились на вершине холма. Один человек увидел перед собой ужасное существо с огромным количеством конечностей и безголовым

поблескивающим торсом. Существо столь инородное, что оно прекрасно переносило леденящую марсианскую стужу, разгуливая по планете нагишом и без дыхательного аппарата, хотя воздуха тут считай что нет. Другой человек увидел перед собой ужасное существо — невероятно! — всего с четырьмя конечностями и каким-то уродливым наростом на торсе. Существо столь инородное, что в таком теплом климате скрывало свое тело тяжелой одеждой и пряталось от освежающих дуновений ветра под гермошлемом».

Э. Бучер

Человек может выглядеть, с посторонней точки зрения, не только чуждым, но и просто страшным, непонятым, само его существование может показаться иллюзорным.

Цитата 7.

«Поскольку на сегодняшний день нет положительных данных, будет разумнее исходить из того, что такого существа не было, что действующий в преданиях Человек — плод вымысла, фольклорный персонаж. Вполне возможно, что на заре культуры Псов возник образ Человека...»

К. Саймак

Человек — в реальности и в фантастике — пускается на все новые эксперименты над своей природой в поисках новых возможностей. Многочисленные мутанты, получающиеся на базе

человеческого организма, иной раз более причудливы, чем пришельцы с самых дальних звезд.

Цитата 8.

«Препарат позволял потомству бесконечно адаптироваться в изменяющихся условиях... Десять лет назад... вы, дети, родились. Родились от людей, тщательно отобранных из тех, кто добровольно согласился на эксперимент. Через десять лет, повзрослев, вы полностью приспособитесь к Марсу... Но завтра – последний день. Они не знают, какими отвратительными и мерзкими они кажутся нам, с их уродливыми, бесформенными телами, узкоплечими и узкогрудыми, с их слабыми шелестящими голосами, которые не слышны в нашем марсианском воздухе, и – главное – с их белой, дряблой, безволосой кожей. Мы убьем их... Мы больше не хотим связываться с Землей».

Ф. Браун

А с другой стороны, мутация, лишаящая человека его облика, природы и связи с остальным человечеством, может открыть дорогу к пониманию других существ, установлению другой связи, прямой – разума с разумом.

Цитата 9.

«Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7, по классу холодных миров... Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. ...Джарри повернулся и уста-

И все-таки, по мнению фантастов, основные понятия едины для любых точек зрения; какова бы ни была природа наблюдателя, его всегда волнуют вопросы жизни, смерти и смысла существования, то есть извечные проблемы все того же земного человека. Как сказал марсианин, сомневаясь, видит ли он человека, или это просто наведенная галлюцинация:

Цитата 11. «Вам доступен широкий спектр бредовых фантазий. Ваше помешательство носит удивительно законченный характер».

Р. Брэдбери

Но это «помешательство», потребность оценить себя, забота о том, как ты выглядишь со стороны, может быть, и есть основной признак разума. Во всяком случае, так обогащается понимание себя и мира вокруг. Перемена точки зрения, направления взгляда разрушает стереотип образа, но законченностью картины стоит пожертвовать для обретения новой полноты.

Цитата 12. «Я тот фуили, который, образно выражаясь, «побывал в человеческой шкуре». Воспринимая Вселенную с точки зрения человека, я обнаружил, к собственному удивлению, что получил больше, чем потерял. И так должно быть для всех нас».

Б. Кларк

Лиловые Цветы у К. Саймака («Всякая плоть – трава») не могут сами применить огромные знания, накопленные во многих мирах, они лишены зрения, не способны к самовыражению. Цветы идут из мира в мир в поисках чего-то, неизвестного им самим, но ощущаемого как главная необходимость.

Цитата 13. «Собирать факты и сведения — это лишь средство,— веско произнесли Цветы.— Цель же одна: достичь истины. Быть может, чтобы достичь истины, нам вовсе не нужно собирать сведения со всей Вселенной».

К. Саймак

И Цветы оказались правы. Не простое накопление фактов, не линейный путь-поиск помог им обрести искомое, а просто встречный взгляд несовершенного, но зрячего существа — человека, который открыл Цветам их истинную сущность и предназначение. Не собиравшие информации во всех мирах были истиной Цветов, а красота, просто цветение перед крыльцом, на радость тем, кто их пустит в свой сад.

Главное, чем, наверное, вдохновляются все эти фантастические «экспериментальные наблюдения», — это одновременно и острая потребность, и готовность человека, человечества увидеть себя по-новому, чужим и чуждым взглядом разглядеть в себе еще нечто, доселе скрытое, что-то, что отличает его от других или роднит с ними. Фантастика и побуждает человека к расширению взгляда, и удовлетворяет в нем такую потребность. Кое-где в фантастике об этом говорится прямо:

Цитата 14. «Я узнал, что Человек — это Животное, Способное Мыслить Логически, он умеет смеяться, и по развитию выше, чем животные, но до ангела ему далеко, он может посмотреть на себя со стороны, на себя, наблюдающего за самим собой и своими поступками... Человек — это носитель культуры, он честолюбив, самолюбив, влюбчив... Человек использует орудия труда, хоро-

нит усопших, изобретает религии. И тот, кто пытается определить себя».

Р. Желязны

До сих пор речь шла о двойниках и наблюдателях, о персонафицированных отражениях и точках зрения, о том, что и как делает фантастика в современной культуре. Но этой ролью ее суть – «фантастичность» – не ограничивается. Фантастика удовлетворяет потребность в расширенном самопознании современного человека в изменившемся нынешнем мире, но сама существует как его заметная часть и несет в себе его черты, подвергаясь его влиянию. В современной фантастике главное уже не наука и не чудеса, а все те же вечные темы, о чем мы уже говорили. Другое дело, что темы эти трактуются иначе, чем во всей предыдущей мировой литературе. Кроме того, фантастика внутри себя воспроизвела в форме стилизаций или пародий практически все свои жанровые истоки: миф и волшебную сказку, утопию и эпос, видение, готический роман, путешествие, вестерн, детектив, интеллектуальную прозу; академический научный труд, популярную статью, футурологический прогноз, газетный репортаж – но всегда в измененном виде. Более того, фантастика уже способна к серьезной или пародийной рефлексии – «Невероятный мир» Э. Гамильтона, «Сила воображения» К. Саймака и многие другие произведения. Фантастика – универсальное зеркало, способное отразить все – и нынешний мир, и прошлый опыт, и самое себя, но никогда не делает этого прямо. Она равно далека и от реализма с его линейными детерминистскими образами, и от абстракции, отрицающей реальность как таковую. Фантастика, видимо, есть созданный культурой нашего времени третий путь передачи образов действительности, когда объект изображен отлично от оригинала, хотя и узнаваем.

Цитата 15.

«Среди вероятностных миров, порождаемых Искривленным Миром, один в точности похож на наш мир; другой в точности похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности, и так далее. Подобным же образом один мир не похож на наш во всем, кроме одной единственной частности, и так далее».

Р. Шекли

«Искривленный Мир» – пожалуй, самый точный образ фантастики, имеющийся в ее массиве, самая откровенная формула самоопределения. Действительно, описываемая фантастикой реальность может очень сильно или совсем незначительно отличаться от действительности. Сюжет может развиваться на привычной Земле или в совершенно противоестественных условиях, в любом временном отрезке, а среди героев могут быть простые люди или самые невероятные существа. Причем самые непредставимые сюжеты в фантастике всегда изложены всерьез, то есть любая реальность представляется существующей в одном из вероятностных миров. Но – что роднит любые произведения фантастики между собой – о чем бы ни шла речь в них и кто бы их ни написал, всегда присутствует элемент инверсии, искажающей мир. Степень этой инверсии и зависит от воли автора, и является обязательной, чтобы создать «фантастичность».

Цитата 16.

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация»...»

Р. Шекли

«Зеркальная деформация» – общий метод современной фантастики, та самая суть ее, которая собирает разнородные тексты в единый целостный массив и резко отделяет его от прочих культурных явлений. Непрямое зеркало с разной степенью прозрачности и кривизной отражения – для нелинейного же, противоречивого мира, каков он в конце XX века. «Искаженный Мир» – это ведь и про нашу жизнь сказано, про изображаемый оригинал.

Недаром же в фантастических произведениях столь часто встречается самый мотив зеркала, явный или завуалированный. Это прежде всего экраны, с помощью которых осуществляется общение с другими мирами или с искусственным разумом компьютера. На экране «Театра теней» у К. Саймака герои создают себе подобных двойников. На экране видит собственную гибель актер – герой у Р. Шекли («Бесконечный вестерн»). А самым волнующим моментом в ставшей классической для нашей фантастики «Туманности Андромеды» И. Ефремова остался миг, когда на Землю из глубин космоса транслируют снимок нашей Галактики (!) со стороны.

Полупрозрачные перегородки разной степени проницаемости делят излюбленные фантастами параллельные миры или измерения во времени и пространстве. Одна из основных идей в творчестве К. Саймака – странствия по параллельным мирам, схожим и отличным от Земли.

Цитата 17.

«Он попробовал представить себе принцип, на котором строилась цепочка миров... «Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул... Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и не идентична. Небольшие отличия станут заметны, может, только в девятом мире».

К. Саймак

... А герои Амберского цикла Р. Желязны вообще только тем и заняты, что странствуют по отражениям миров, сами их и создавая по мере необходимости для решения каких-то личных проблем. Сам же Амбер – мечта, родина, Идеал – суть тоже отражение некоего принципа, изначально видевшегося основателю правящей семьи Амбера. Любой Хаос можно первоначально упорядочить, просто отразив его в зеркале, отчего получившаяся картина в целом обретет симметрию.

Что еще можно увидеть в Зазеркалье? В Паравселенной А. Азимова («Сами боги») живут призрачные существа, с которыми у землян нет ничего общего, кроме потребности в энергии и эмоционального мира, и, однако, земным ученым оказалось проще договориться с «паралюдьми», чем со своим непосредственным начальством.

У Дж. Уиндема в «Поисках наугад» миры время от времени ветвятся, образуя равно реальные, отличные друг от друга линии. В одном из таких отражений у героя живы друзья, не погибшие на несостоявшейся второй мировой войне, а его собственный двойник женат на идеальной женщине. Вернувшись на свою сторону, герой отправляется на поиски оригинала этой женщины в своем родном мире, не будучи толком уверенным в ее существовании. Бывшая дочерью тех же родителей, но в силу обстоятельств жившая под другим именем и в другой стране, идеальная возлюбленная нашлась, герой вслед за двойником обрел счастье. Любовь оказалась абсолютom, не зависящим от альтернативности миров.

Зазеркалье фантастики – обширный причудливый мир, волею писателей населенный различными существами. Но и свойствам самих зеркал уделяется немалое внимание, так как они весьма интересны. Зеркальная грань – место встречи взглядов смотрящего и двойника-отражения, зеркало и соединяет и разделяет образ и наблюдателя. Именно так устроена Изгородь в одноименном рассказе К. Саймака.

Цитата 18.

« Это была, разумеется, не более чем оптическая иллюзия... казалось, будто, продвигаясь вперед, он уходил вбок,

словно что-то гладкое и скользкое перед ним не давало пройти... Он застыл, а чувство, что за ним наблюдают, еще больше усилилось... Как будто там стоял кто-то невидимый и с улыбкой наблюдал за его тщетными попытками пробиться сквозь стену».

К. Саймак

И все же иногда оказывается необходимым прорваться сквозь зеркало и встретиться с двойником лицом к лицу.

Цитата 19.

«...Оба вы наги и безоружны, обстановка одинаково незнакома обоим, одинаково неприятна для обоих... Между вами барьер».

Ф. Браун

На Арене в одноименном рассказе Ф. Брауна решается исход столкновения двух цивилизаций, землян и пришельцев, равных по силе и поэтому взаимоисключающих. По условиям модельного поединка, противников, взятых наугад из противостоящих космических флотов, разделяет прозрачная перегородка, через которую сочатся волны ненависти и за которой каждый видит омерзительного антидвойника, как бы свое отображение с точностью до наоборот. Прорваться через Барьер — значит победить, ибо несовместимые враги убьют друг друга самым фактом пребывания в едином пространстве. К счастью, землянин успел раньше попасть на сторону противника, и в войне победила в тот же миг земная армия.

В «Цивилизации статуса» Р. Шекли на планете Омега, на другом конце единственного космического маршрута, развивается мир преступников, обратно-зеркальный миру Земли. ибо у ссыльных стерта память. Преодолев соблазны и опасности Зазеркалья Омеги, герой возвращается на Землю, к ис-

ходной точке, в свой дом. В зеркале на стене своего дома он видит врага и доносчика, сославшего его на тот конец, — свое отражение. К герою возвращается память, подвергнутое обработке подсознание порождает призраков — двойников, но герой наносит удар врагу — самому себе, — разбивает зеркало — и обретает настоящую свободу.

Есть, наконец, и антизеркала — слепые темные стены, вводящие в пагубное заблуждение и отгораживающие человека от истины и мира. Таков «Купол» у Ф. Брауна — энергетическая стена, за которой его герой укрылся в критический момент мировой истории и безнадежно утратил возникший в результате новый, яркий и счастливый мир.

А у Р. Брэдбери в «451° по Фаренгейту» люди замкнуты в четырех телевизионных стенах, заморожены призрачной псевдожизнью в этих антизеркалах, а потому разучились просто смотреть друг на друга и даже не замечают собственной гибели. Выживают только те, кто вовремя ушел в реальный мир, под открытое небо.

Цитата 20.

«Прежде всего мы должны построить фабрику зеркал. И в ближайший год изготавливать зеркала, зеркала, и ничего больше, чтобы человечество могло хорошенько разглядеть себя в них».

Р. Брэдбери

Этим, собственно, и занялась фантастика, и, кстати, тоже после войны — настоящей, а не придуманной автором. Так что даже самое искривленное изображение может оказаться пугающе правдивым. Самая страшная антиутопия века — «1984» Дж. Оруэлла, — доводя гротеск до абсурда, описывает вполне конкретную во времени и пространстве реальность и точно вплоть до мелких деталей.

Зеркало — медленное стекло «ретардит» — стало главным героем в «Иных днях, ином зрении» Б. Шоу. Зеркало, в силу чисто физических свойств (уменьшения в своей среде скорости

прохождения световых волн) хранящее «свет былого», истинные образы минувшего, — может стать свидетелем, обвинителем, доносчиком, а может — освободителем. Когда вся Земля оказалась засыпана всевидящей зеркальной пылью, люди лишились возможности что-либо скрыть друг от друга, а потому стали, наверно, честнее и свободнее. И изобретатель ретардита чуть ли первым вырвался на свободу, преодолев все ложные и сложные ситуации собственной жизни.

И наконец, «Солярис» С. Лема. Планета, покрытая сплошной океанской гладью, своего рода огромное сферическое зеркало, висящее в космосе и соблазняющее поколения землян узнать его тайну, а себе цену. При этом зеркало нерукотворное, абсолютно нечеловеческое, и образы оно выдает по своему разумению. Но герой, испытав шок, страх и муки от встречи с таким своим отражением, в конце романа все прощает Океану. Недаром же сказано:

*Цитата
без номера.*

«Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

Русская пословица

И еще один пример к вопросу о свойствах зеркал.

Цитата 21.

«Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я только жду. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам?»

Р. Брэдли

Бесформенное нечто — или некто? — дух темного зеркала ждет на другой планете прихода человека. Когда человек наклонится над темной гладью воды в колодце, только тогда «тот, кто ждет», обретет форму, имя, жизнь, знание о самом себе. Так и любое зеркало, настоящее или мнимое, оживает только

при свете и рождает образы только под человеческим взглядом. В темноте зеркала мертвы, без человека – пусты. А потому, как бы фантастика ни искажала образы реальности, она существует в этом мире, и создается людьми и для людей, и ничего, кроме нашего уже Искаженного Мира и нас, в нем живущих, в конце концов, не изображает.

Цитата 22. «Они стояли под небом, которое отражало землю, которая отражала небо, и обсуждали зеркала и эффекты».

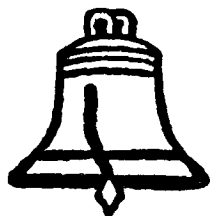
Р. Шекли

То же самое пытались делать и мы в нашем диалоге с цитатами – живым голосом самой фантастики – по поводу ее природы и сути. Небо отражает землю, а земля – небо, и еще очень давно в китайских «Девятнадцати древних стихотворениях», а именно в Третьем из них, сказано:

Цитата «А живет человек
последняя. между небом и этой землей...»

То есть между прозрачностью и твердью, на самой зеркальной грани, так как же ему не искать все новых и новых образов и отражений?

1991-1993

ИНВАРИАНТ

Фантастическая картина — рождение новой нации. Социальное устройство общества и его технологии составляют единство и могут быть противопоставлены только внешне и временно.

Фантастика, демократия, прогресс. Нации рождаются и развиваются при демократии (в пределах ойкумены своего времени), истощаются и предельно прозябают при деспотизме. Свобода нравственного личного творчества — неустранимое условие развития социума.

В предисловии к одному из сборников американской фантастики встретились слова: «О нашей демократии дешевле всего узнать, читая нашу фантастику». Писатель-фантаст может описать рождение космической нации. Или сложившиеся условия жизни на экзотической планете. А собственная история так ли уж знакома?

Когда пушки Наполеона безуспешно пытались «прожечь» косо поставленный Кутузовым фронт обороны русских войск на Бородинском поле, в Америке насчитывалось не более 10 миллионов жителей (в 1800 году — около пяти). К моменту начала работы над книгой «Демократия в Америке» в 1831 году по следам поездки, предпринятой Алексисом де Токвилем с целью описать бурно развивающуюся цивилизацию, уже можно было говорить, что число американцев превышает 13 миллионов. А что есть основание для бурного развития?

«Совершенно очевидно, что деспотизм разоряет людей, не давая им производить, не говоря уже о том, что он отбирает у них плоды производства; с почтением относясь к достигнутому богатству, он истощает сам источник богатства. Свобода же, напротив, создает в тысячу раз больше благ, чем разрушает. И поэтому у свободных наций народные средства возрастают значительно быстрее, чем налоги».

Многие парадоксы власти и свободы, осуществления равенства (каждый свободен подавлять свободу другого...) раскрываются в прозрачных глубинах честной и смелой работы молодого французского аристократа Алексиса де Токвиля.

Предсказательная сила этого произведения удивительна. Однако, несмотря на ворчание специалистов о слишком смелых умозаключениях, основано оно на колоссальном фактическом материале. Никакой роман о космических империях не покажется занимательнее рядом с книгой Токвиля еще и потому, что автор в полной мере понимает важность побудительной силы духовного мира, того источника энергии, что обязательно должен пробиться наружу, чтобы жизнь не застаивалась, — той свободы духа, что служила оправданием существования аристократии, свободы, которая непременно должна сохраниться в демократической республике.

Нечасто напрямую соотносят фантастику и духовность. Но еще в древности установили: смысл для отдыха не столько в отдохновении ото всех трудов, сколько в медитации, погружении во внутренний мир, что и дает основание созидательной деятельности, такой притягательной со стороны. В духовной и религиозной практике при этом крайне важно признание того, что «все люди в равной мере способны найти путь, ведущий на небеса».

Токвиль говорит о том, как естественно может вырастать аристократия — например, промышленная — из демократии. Не переключается ли это с неисчерпаемостью сюжетов о новых космических империях и технократических тираниях? Но, уничтожив

феодализм (кстати, какая революция отменила сословность в России?), демократия — показывает автор — имеет силу справиться с этими осложнениями. На промышленную аристократию нужна промышленная демократия, то есть превалирование представительной власти (именно так Америка вышла из Великой депрессии). Кстати, штампик библиотеки НКВД на фантастическом произведении Олафа Стейплдона, где описывались свыше десяти следующих за нашей цивилизаций, основанных на духовном прогрессе, указывает, кто еще интересуется подобными книгами. Алексис де Токвиль заканчивает Введение фразой: «...их [политиков] интересует лишь завтрашний день, тогда как мне хотелось задуматься о будущем». И закончить введение к публикации этого произведения в «Сверхновой», лучше, чем словами самого Токвиля, нельзя.

Алексис де Токвиль
(1805-1859)

Демократия в Америке

Предисловие автора к двенадцатому французскому изданию

Сколь бы значительными и неожиданными ни были события, стремительно происходившие на наших глазах, автор настоящего труда имеет полное право заявить, что они не застигли его врасплох. Когда я писал эту книгу пятнадцать лет тому назад, мною владела одна-единственная мысль — о близящемся неизбежном наступлении демократии во всем мире. Перечитайте мою работу, и вы на каждой странице встретите торжественные предуведомления о том, что общество меняет свой облик, что человечество преобразует условия своего существования и что в недалеком будущем его ожидают перемены в судьбах.

Книгу предваряли следующие слова:

«Постепенное установление равенства есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию. Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? остано-

вится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?»

Человек, который написал эти ставшие впоследствии пророческими строки в то время, когда Июльская революция не столько потрясла, сколько укрепила монархию, может сегодня без боязни вновь привлечь внимание читающей публики к своей работе.

Ему позволительно будет добавить к этому и то, что нынешние обстоятельства возбудили к его книге живейший интерес и придали ей практическое значение, которого она не имела при первом появлении.

Тогда существовала королевская власть. Сегодня она уничтожена. Американские политические институты, вызывавшие лишь любопытство в монархической Франции, должны стать предметом углубленного изучения во Франции республиканской. Новую власть укрепляют не только сила, но и хорошие законы. Вслед за воином приходит законодатель. Один разрушает, другой закладывает фундамент. У каждого своя работа. Речь уже идет не о том, будем ли мы Францией королевской или республиканской; необходимо понять, будет ли эта Республика буйной или спокойной, упорядоченной или неупорядоченной, Республикой мирной или воинственной, либеральной или деспотической, той Республикой, которая угрожает священным правам собственности и семьи, или же Республикой, признающей и чтущей эти права. Чрезвычайно важная проблема, от решения которой будет зависеть судьба не только Франции, но и всего цивилизованного мира. Если мы спасаем себя, мы тем самым спасаем все окружающие нас народы. Если мы губим себя, мы губим всех вместе с нами. В зависимости от того, создадим ли мы свободную демократию или же демократическую тиранию, станет изменяться и облик мира, и можно сказать, что сегодня мы решаем, будет ли Республика наконец провозглашена повсюду или же повсюду она будет уничтожена.

А ведь эту проблему, только что вставшую перед нами, Америка решила более шестидесяти лет тому назад. Суверенность прав народа, которую мы лишь вчера провозгласили верховным принципом государственности, безраздельно господствовала там в течение шестидесяти лет. Этот принцип был проведен американцами в жизнь самым прямым, безоговорочным и безусловным образом. В течение шестидесяти лет народ,

сделавший этот принцип общим источником всех своих законов, беспрестанно рос числом, заселял новые территории, богател и, обратите внимание, в течение этого периода был не только самым преуспевающим из народов, но и жил в самом стабильном государстве на земле. Когда все нации Европы оказались опустошенными войной или истерзанными гражданскими раздорами, американцы были единственным народом во всем цивилизованном мире, сохранявшим полное спокойствие. Почти вся Европа содрогалась от революций, а Америка не знала даже волнений. Республика оказалась не возмутительницей порядка, но охранительницей прав людей. Индивидуальная собственность была у них лучше защищена гарантиями, чем в любой другой стране мира, и анархия, равно как и деспотизм, были им неведомы.

Что еще способно в большей степени укрепить наши надежды и из чего мы сможем извлечь более полезные уроки? Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, рабски копировать те институты, которые она создала для себя, но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов. Законы Французской Республики во многих случаях могут и должны отличаться от тех, которые определяют жизнь Соединенных Штатов, но те принципы, на которых основывается законодательство американских штатов, принципы, обеспечивающие общественный порядок, разделение и уравнивание власти, подлинную свободу, искреннее и глубокое уважение к закону, — эти принципы необходимы любой Республике, они должны быть общими для всех республиканских государств, и можно заранее предсказать, что там, где их не будет, Республика вскоре прекратит свое существование.

Введение

Среди множества новых предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на все течение общественной жизни. Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки.

Вскоре я осознал, что то же самое обстоятельство распространяет свое воздействие далеко за пределы сферы политических нравов и юридических норм и что его власть сказывается как на правительственном уровне, так и в равной мере в жизни самого гражданского общества; равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно.

Таким образом, по мере того как я занимался изучением американского общества, я все явственнее усматривал в равенстве условий исходную первопричину, из которой, по всей видимости, проистекало каждое конкретное явление общественной жизни американцев, и я постоянно обнаруживал ее перед собой в качестве той центральной точки, к которой сходились все мои наблюдения.

Затем, когда мысленным взором я обратился к нашему полушарию, мне показалось, что я и здесь могу выделить нечто подобное тому, что я наблюдал в Новом Свете. Я видел равенство условий, которое, не достигая здесь, в отличие от Соединенных Штатов, своих крайних пределов, ежедневно приближалось к ним. И мне представилось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе.

В этот период у меня и созрела мысль написать данную книгу.

Мы живем в эпоху великой демократической революции; все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом.

Одни считают ее модным новшеством и, рассматривая как случайность, еще надеются ее остановить, тогда как другие полагают, что она неодолима, поскольку представляется им в виде непрерывного, самого древнего и постоянного из всех известных в истории процессов.

Я мысленно возвращаюсь к той ситуации, в которой находилась Франция семьсот лет тому назад: тогда она была поделена между небольшим числом семейств, владевших землей и управлявших населением. Право властвовать в то время передавалось от поколения к поколению вместе с наследственным имуществом; единственным средством, с помощью которого люди воздействовали друг на друга, была сила; единственным источником могущества являлась земельная собственность.

В тот период, однако, стала складываться и быстро распространяться политическая власть духовенства. Ряды духовенства были доступны для всех: для бедных и богатых, для простолюдина и сеньора. Через Церковь равенство стало проникать внутрь правящих кругов, и человек, который был бы обречен влачить жалкое существование в вечном рабстве, — став священником, занимал свое место среди дворян и часто восседал выше коронованных особ.

В связи с тем, что со временем общество становилось более цивилизованным и устойчивым, между людьми стали возникать более сложные и более многочисленные связи. Люди начинали ощущать потребность в гражданском законодательстве. Тогда появляются законоведы. Они покидают свои неприметные места за оградой в залах судебных заседаний и пыльные клетушки судебных канцелярий и идут заседать в королевские советы, где сидят бок о бок с феодальными баронами, облаченными в горностаевые мантии и доспехи.

В то время как короли губят себя, стремясь осуществить свои грандиозные замыслы, а дворяне истощают свои силы в междоусобных войнах, простолюдины обогащаются, занимаясь торговлей. Начинает ощущаться влияние денег на государ-

ственные дела. Торговля становится новым источником обретения могущества, и финансисты превращаются в политическую силу, которую презирают, но которой льстят.

Мало-помалу распространяется просвещение; пробуждается интерес к литературе и искусству; ум становится одним из необходимых условий успеха; знания используются в качестве средства управления, а интеллект обретает статус социальной силы; просвещенные люди получают доступ к делам государства.

По мере того как открываются новые пути, ведущие к власти, происхождение человека теряет свое значение. В XI веке знатность считалась бесценным даром. В XIII веке ее уже можно было купить. Первый случай возведения в дворянство имел место в 1270 году, и равенство наконец проникло в сферу власть имущих с помощью самой аристократии.

В течение минувших семисот лет иногда случалось так, что дворяне, сражаясь против авторитета королевской власти или соперничая между собой, предоставляли народу возможность пользоваться значительным политическим влиянием.

А еще чаще мы видим, как короли открывали доступ в правительство представителям низших классов с целью унижить аристократию.

Во Франции короли играли роль самых активных и самых последовательных уравнителей. Когда они бывали честолюбивыми и сильными, они старались поднять народ до уровня дворянства; будучи же сдержанными и слабыми, они позволяли народу самому брать над ними верх. Одни из них помогали демократии своими дарованиями, другие – своими недостатками. Людовик XI и Людовик XIV заботились о том, чтобы у трона не было никаких соперников, уравнивая подданных сверху, а Людовик XV в конце концов сам со всем своим двором дошел до полного ничтожества.

С того времени, как граждане получили право землевладения не только на условиях ленной зависимости и накапливаемые ими движимое имущество и состояния в свою очередь стали придавать владельцам общественный вес и открывать им доступ к власти, любые изобретения в области ремесел и лю-

бые усовершенствования в торговле и промышленности не могли одновременно не порождать новых факторов, способствовавших упрочению равенства людей, начиная с этого момента все технологические открытия, все вновь рождающиеся потребности и все желания, требующие удовлетворения, становятся этапами пути, ведущего ко всеобщему уравниванию. Стремление к роскоши, любовь к войне, власть моды – все самые мимолетные, как и самые глубокие страсти человеческого сердца, казалось, объединились для того, чтобы сообща способствовать обнищанию богатых и обогащению бедных.

С тех пор как работа интеллекта превратилась в источник силы и богатства, всё развитие науки, все новые знания, всякую новую идею можно рассматривать в качестве зародыша будущего могущества, вполне доступного для народа. Поэтическая одаренность, красноречие, цепкость памяти, светлый ум, огонь воображения, глубина мысли – все эти дары, розданные небесами наугад, приносили пользу демократии даже тогда, когда ими овладевали ее противники, они все равно работали на демократию, наглядно воплощая идею природного величия человека. Таким образом, торжество цивилизации и просвещения одновременно знаменовало собой победоносное шествие демократии, а литература была открытым для всех арсеналом, где слабые и бедные ежедневно подбирали для себя оружие.

Когда пробегаешь глазами страницы нашей истории, в ней трудно встретить сколь-либо значительные события, происходившие в течение последних семисот лет, которые не сыграли бы своей благотворной роли для установления равенства.

Крестовые походы и войны с Англией опустошают ряды дворянства и приводят к разделу их земельных владений; институт городских коммунальных советов внедряет практику демократической свободы в самой цитадели феодальной монархии; изобретение огнестрельного оружия уравнивает простолюдина с дворянином на полях сражений; изобретение книгопечатания обеспечивает равные возможности для умственного развития людей; созданная почтовая служба доставляет средства просвещения как к порогу хижины бедняка, так и к парадным дворцов. Протестантизм утверждает, что все лю-

ди в равной мере способны найти путь, ведущий на небеса. Америка со времени ее открытия предоставляет людям тысячу новых способов сколачивать состояния, позволяя даже никому не известным авантюристам обретать богатство и власть.

Если вы станете рассматривать с интервалом в пятьдесят лет все то, что происходило во Франции начиная с XI века, вы не преминете заметить в конце каждого из этих периодов, что в общественном устройстве совершалась двойная революция: дворянин оказывался стоящим на более низкой ступени социальной лестницы, а простолюдин — на более высокой. Один опускается, а другой поднимается. По истечении каждой половины столетия они сближаются и скоро соприкоснутся.

И этот процесс показателен не только для Франции. Куда бы мы ни кинули наши взоры, мы увидим все ту же революцию, происходящую во всем христианском мире.

Повсеместно самые различные события, случающиеся в жизни народов, оказываются на руку демократии. Все люди помогают ей своими усилиями, и те, кто сознательно содействует ее успеху, и те, кто и не думает служить ей, равно как и люди, сражающиеся за демократию, а также люди, провозгласившие себя ее врагами. Все они бредут вперемешку, подталкиваемые в одном направлении, и все сообща трудятся на нее: одни — против своей воли, а другие — даже не осознавая этого, будучи слепыми орудиями в руках Господа.

Таким образом, постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию.

Благодаразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?

Итак, куда же мы идем? Никто не может сказать, ибо нам уже не с чем сравнивать нашу современность: условия существования людей в христианских нациях в настоящее время стали более равными, чем они бывали когда-либо в какой-либо стране мира. Поэтому уже достигнутая нами ступень величия не дает возможности предвидеть то, что еще может свершиться.

Вся эта предлагаемая вниманию читателей книга была целиком написана в состоянии своего рода священного трепета, охватившего душу автора при виде этой неудержимой революции, наступающей в течение столь многих веков, преодолевающей любые преграды и даже сегодня продолжающей идти вперед сквозь произведенные ею разрушения.

Богу вовсе не нужно возвышать свой собственный глас для того, чтобы мы обнаружили верные приметы его воли. Для этого нам достаточно наблюдать за привычными природными процессами и улавливать постоянно действующую тенденцию развития событий. Даже не слыша гласа Творца, я знаю, что звезды движутся в небесном пространстве по тем орбитам, которые были начертаны его перстом.

Если долговременное наблюдение и непредвзятые размышления привели в настоящее время людей к признанию того, что прошлое и будущее нашей истории в равной мере определяют-ся постепенным, последовательным наступлением равенства, одно это открытие уже придает данному процессу священный характер событий, предопределенных волей верховного Владыки. Желание сдержать развитие демократии, следовательно, представляется борьбой против самого Господа, и народам не остается ничего другого, кроме как приспособляться к тому общественному устройству, которое навязывается им Провидением.

То состояние, в котором в данное время находятся христианские народы, как мне кажется, являет собой ужасающее зрелище; течение, захватившее их, уже достаточно сильно для того, чтобы невозможно было его остановить, но еще не слишком стремительно и им еще можно как-то управлять: судьба

народов находится в их собственных руках, но вскоре она станет им неподвластна.

Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, очищать нравы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления соответственно времени и месту, приводя ее в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, — таковы важнейшие из обязанностей, налагаемые в наши дни на тех, кто управляет обществом.

Совершенно новому миру необходимы новые политические знания.

Но именно об этом мы почти не задумываемся: оказавшись на стремнине быстрой реки, мы упрямо не спускаем глаз с тех нескольких развалин, что еще видны на берегу, тогда как поток увлекает нас к той бездне, что находится у нас за спиной.

Ни у одного из народов Европы та великая социальная революция, о которой я намерен писать, не протекала столь стремительно, как у нас, однако она всегда шла здесь наугад.

Главы нашего государства никогда не думали о том, чтобы подготовиться к ней заблаговременно; она совершалась вопреки их воле или же без их ведома. Самые могущественные, самые интеллектуально и нравственно развитые классы не пытались овладеть ею с тем, чтобы ее направлять. Поэтому демократия была предоставлена власти диких инстинктов; она выросла, как те дети, лишенные родительской заботы, которые воспитываются на улицах наших городов, узнавая только пороки и убожество общества. Ее существование, по-видимому, еще не вполне осознается людьми, как вдруг она неожиданно захватывает власть. Тогда каждый раболепно стремится исполнить малейшее ее желание; ей поклоняются как воплощению силы; затем, когда она слабеет из-за собственной неводержанности, законодатели начинают обдумывать неблагоприятные проекты ее уничтожения, вместо того чтобы попытаться наставить и ис-

править ее, и, не желая преподавать ей науку управления, они помышляют лишь о том, как бы отстранить ее от власти.

В результате в жизни общества происходит демократическая революция, не сопровождаемая при этом тем преобразованием законов, идей, обычаев и нравов, которое необходимо для достижения целей данной революции. Таким образом, мы получили демократию, не имея того, что должно смягчать ее недостатки и подчеркивать ее естественные преимущества, и, уже изведав приносимое ею зло, мы еще не знаем того добра, которое она должна дать.

Когда королевская власть, поддерживаемая аристократией, мирно управляла народами Европы, общество, несмотря на все свои лишения, чувствовало себя счастливым в такие моменты, которые с трудом можно понять и оценить в наши дни.

Могущество отдельных подданных играло роль неодолимой преграды, мешающей государю становится тираном, и короли, к тому же чувствуя, что в глазах толпы они обрели почти божественные атрибуты, находили в том самом уважении, которое они вызывали, поддержку своему желанию не злоупотреблять собственной властью.

Сохраняя огромную дистанцию между собой и народом, вельможи тем не менее проявляли к его судьбе такую же доброжелательную, спокойную заинтересованность, с какой пастух относится к своему стаду, и, не считая бедняков себе ровней, они рассматривали заботу об их участии как обязанность, возложенную на господ самим Провидением.

Не представляя себе какого-либо иного общественного устройства и не мечтая вообще о возможности когда-либо стать равным со своими начальниками, народ принимал их благодеяния и не обсуждал их права. Он любил их тогда, когда они оказывались милосердными и справедливыми, и без ропота, не испытывая низменных чувств, подчинялся их суровости как неизбежному злу, посылаемому ему десницей самого Господа. Обычай и нравы, кроме того, в определенной степени ограничивали тиранию, утвердив своего рода законность в мире, основанном на насилии.

Поскольку дворянину и в голову не приходила мысль о том, что кто-то захочет вырвать у него те привилегии, которые он считал принадлежащими ему по закону, и поскольку крепостной рассматривал свое более низкое положение как проявление незыблемости порядка вещей, можно представить себе, что между этими двумя классами, наделенными столь различными судьбами, могла устанавливаться своего рода взаимная благожелательность. В те времена общество знало неравенство и лишения, но души людей не были испорченными.

Людей развращает не сама власть как таковая и не привычка к покорности, а употребление той власти, которую они считают незаконной, и покорность тем правителям, которых они воспринимают как узурпаторов и угнетателей.

Одним принадлежало все: богатство, сила, свободное время, позволявшее им стремиться к утонченной роскоши, совершенствовать свой вкус, наслаждаться духовностью и культивировать искусство; тяжелый труд, грубость и невежество были уделом других.

Однако в этой невежественной и грубой толпе встречались люди, обладавшие живыми страстями, великодушными чувствами, глубокими убеждениями и природной доблестью.

Подобным образом организованное общество могло быть устойчивым, могущественным и, что особенно характерно, стремящимся к славе.

Но вот различия по чину начинают терять четкость, высокие барьеры между людьми становятся ниже; поместья дробятся, власть переходит в руки многих, распространяется образованность, и интеллектуальные способности людей уравниваются. Социальное устройство становится демократическим, и демократия в конечном счете мирно утверждает свое влияние на политические институты и общественные нравы.

В данной связи я вполне представляю себе такое общество, в котором каждый, относясь к закону как к своему личному делу, любил бы его и подчинялся бы ему без труда; где власть правительства, не будучи обожествляемой, пользовалась бы уважением в качестве земной необходимости; где любовь, питаемая людьми к главе государства, была бы не страстью, а

разумным, спокойным чувством. Когда каждый человек наделен правами и уверен в неотъемлемости этих прав, между всеми классами общества может установиться мужественное доверие и своего рода взаимная благосклонность, не имеющая равным образом ничего общего ни с чувством гордыни, ни с низкопоклонством.

Осознав свои истинные интересы, народ понял бы, что для наслаждения теми благами, которые дает общество, ему необходимо принять возложенные на него обязанности. Свободная ассоциация граждан в этом случае могла бы играть роль могущественных вельмож, защищая государство и от опасности тирании, и от угрозы вседозволенности.

Я понимаю, что в подобным образом устроенном демократическом государстве общество не станет неподвижным, но движение внутри его социальной ткани может быть отмечено упорядоченностью и поступательностью. Если в таком обществе и будет меньше блеска славы, чем в аристократии, то оно все же не будет знать столь крайней нужды; наслаждения в нем станут более умеренными, а благосостояние — более доступным; знания людей будут менее обширными, но и невежество станет менее распространенным; чувства утратят свою силу, но манера поведения станет более сглаженной; пороки и недостатки будут чаще встречаться среди людей, но преступность станет более редким явлением.

Вместо прежнего энтузиазма и страстности убеждений просвещенность и опытность граждан будут подчас побуждать их идти на великие жертвы. Поскольку всякий человек, в равной мере чувствуя свою слабость и потребность в себе подобных, поймет, что он получит их поддержку только при условии, что сам будет готов оказывать им помощь, граждане без труда осознают, что их личные интересы прочно связаны с интересами общественными.

Такая нация, говоря в целом, будет менее блистательной, менее прославленной и, возможно, менее сильной, но большинство ее граждан будут процветать, и народ обнаружит миролюбие своего нрава не по причине того, что он отчаялся до-

биться для себя лучшей доли, но потому, что осознал, как хорошо ему живется.

Хотя в подобном порядке вещей отнюдь не все было бы хорошим и полезным, общество по крайней мере могло бы заимствовать из него все то, что представляет интерес и пользу, и люди, навсегда отказываясь от тех социальных преимуществ, которые порождались аристократическим устройством, взяли бы у демократии все то хорошее, что она может им предложить.

А мы, избавляясь от социального устройства, доставшегося нам от предков, и беспорядочно отметаая прочь их политические институты, их идеи и нравы, — что мы взяли взамен?

Престиж королевской власти исчез, но сама она не была замещена его величеством законом; в наши дни народ презирует власть, но боится ее, и благодаря этому она может вытянуть из него больше, чем могла в былые времена, когда он относился к ней с уважением и любовью.

Я замечаю, что мы уничтожили могущество определенных личностей, способных по отдельности сражаться против тирании, но я вижу, что правительство оказалось единственным наследником всех тех прерогатив, которые были отняты у семейных кланов, корпораций и частных лиц. Таким образом, гнетущая порой, но часто охранительная сила небольшого числа граждан была заменена беспомощностью всех.

Раздробление состояний уменьшило дистанцию, отделяющую бедняка от богача, но, сближаясь, они, по-видимому, обнаруживают все новые и новые причины, заставляющие их питать взаимную ненависть, и, бросая друг на друга взгляды, полные страха и зависти, они отталкивают один другого от власти. Как для одного, так и для другого идея права еще не существует, и обоим сила представляется единственным веским аргументом, имеющимся у них в настоящее время, а также единственной гарантией будущего.

Бедняк унаследовал большую часть предрассудков своих отцов, утратив их убеждения; он столь же невежествен, но лишен их добродетелей. В качестве основы своих действий он принял доктрину личного интереса, не понимая должным обра-

зом этого учения, и его эгоизм ныне носит столь же непросвещенный характер, как и прежняя преданность бедняков своим господам, готовых жертвовать собственными интересами.

Общество сохраняет спокойствие, но не потому, что оно осознает свою силу и свое благополучие, а, напротив, потому, что оно считает себя слабым и немощным; оно боится, что любое усилие может стоить ему жизни: всякий человек ощущает неблагополучие общественного состояния, но никто не обладает необходимыми мужеством и энергией, чтобы добиваться его улучшения. Желания, сожаления, огорчения и радости людей не создают ничего ощутимого и прочного, подобно тому как страсти стариков приводят их лишь к бессилию.

Таким образом, отказавшись от всего того блага, которое могло содержаться в старом общественном устройстве, и не приобретя ничего полезного из того, что можно было бы получить в нашем нынешнем положении, мы, любуясь собой, остановились посреди руин старого режима и, видимо, желаем остаться здесь навсегда.

Не менее прискорбная ситуация наблюдается и в духовной жизни общества.

Демократия Франции, которую то сдерживали в ее продвижении, то бросали на произвол судьбы, делая игрищем своих необузданных страстей, опрокинула все, что только попало ей на пути, и расшатала то, что она не сумела уничтожить. Она не завоевывала общество постепенно с целью мирного установления своей власти; напротив, она беспрестанно продвигалась вперед, порождая беспорядки и грохот сражений. В пылу борьбы каждый человек, побуждаемый экстремизмом суждений и высказываний своих противников, склонен перешагивать естественные границы собственных убеждений, теряя из виду сам предмет своих исканий и пользуясь языком, плохо выражающим его подлинные чувства и тайные движения души.

Отсюда проистекает то странное смятение умов, наблюдать которое мы ныне принуждены.

Я напрасно напрягаю свою память, не находя в ней ничего, что заслуживало бы большей печали и жалости, чем то, что происходит на наших глазах. Начинает казаться, что в наши

дни распалась естественная связь, между воззрениями и склонностями людей, между их поступками и убеждениями. Наблюдавшееся во все времена гармоническое соответствие между человеческими чувствами и идеями представляется уничтоженным, и создается впечатление, что все законы нравственной сообразности упразднены.

Среди нас еще встречаются ревностные христиане, чьи души любят подкреплять свою религиозную веру истинами загробной жизни, христиане, которые, без сомнения, с благосклонным воодушевлением поддержат идею человеческой свободы как источника всякого нравственного величия. Христианство, провозгласившее равенство всех людей перед Господом, не должно отвращать лицеизрение картины равенства всех граждан перед законом. По странному стечению обстоятельств, однако, религия в данный момент находится в союзе с теми силами, которые ниспровергаются демократией, и потому религии часто приходится отвергать любезное ее сердцу равенство и проклинать свободу как своего врага, тогда как, взяв ее за руку, она могла бы благословить ее во всех ее устремлениях. Рядом с подобными набожными людьми я вижу других, взоры которых устремлены не только к небу, сколько к земле. Это — поборники свободы, они отстаивают ее не только потому, что видят в ней источник наивысшего человеческого благородства и доблести, но в особенности потому, что рассматривают ее как средство обретения максимальных выгод. Они искренне хотят помочь ей утвердить свою власть для того, чтобы люди вкусили ее блага. Я считаю, что этим последним следовало бы в спешном порядке обратиться за помощью к религии, ибо они должны знать, что царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, так же как нельзя сделать нравственным общество, лишенное веры. Но они видели верующих в рядах своих противников, и этого достаточно, чтобы одни нападали на религию, а другие не осмеливались ее защищать.

В минувшие столетия низкие, продажные души превозносили рабство, тогда как независимые благородные сердца вели безнадежную борьбу за спасение человеческой свободы. В наши дни, однако, часто бывает так, что люди, наделенные при-

родным благородством и отвагой, придерживаются убеждений, прямо противоположных их собственным склонностям, восхваляя то низкопоклонство и ту душевную низость, которых они сами никогда не ведали. Иные же, напротив, говорят о свободе так, словно они лично смогли ощутить ее святость и величие, и шумно требуют соблюдения тех прав человека, которых они сами никогда не признавали.

Я вижу также добродетельных и кротких людей, моральная чистота и мирный нрав, зажиточность и образованность которых делают их естественными лидерами той окружи, в которой они проживают. Питая искреннюю любовь к отчизне, они готовы ради нее идти на великие жертвы; тем не менее цивилизация часто имеет в их лице своих противников. Они смешивают ее недостатки с ее достоинствами, и в их сознании идея зла неразрывно связана с идеей нововведений.

Рядом с этими я вижу других, тех, кто, пытаясь во имя прогресса сделать людей материалистами, хочет найти пользу, не обременяя себя заботами о справедливости, науку, свободную от религиозных убеждений, и благосостояние, обособленное от добродетели. Эти люди называют себя борцами за современную цивилизацию и часто становятся ее вождями, захватывая освободившиеся места, которых они совершенно недостойны.

Итак, что же с нами происходит?

Верующие сражаются против свободы, а друзья свободы нападают на религию; благородные, великодушные люди превозносят рабство, а души низменные и угодливые ратуют за независимость; честные и просвещенные граждане становятся врагами всякого прогресса, тогда как люди, лишенные нравственности и чувства патриотизма, объявляют себя апостолами цивилизации и просвещения!

Не происходило ли нечто подобное во все времена? Всегда ли люди, как в наши дни, имели перед глазами мир, начисто лишенный всякой логики, мир, где добродетель бездарна, а талант бесчестен, где любовь к порядку неотличима от тиранических наклонностей, а святой культ свободы — от пренебрежительного отношения к законности, где совесть отбрасывает

лишь неверный ответ на поступки людей, где ничто более не представляется ни запрещенным, ни разрешенным, ни порядочным, ни позорным, ни истинным, ни ложным?

Должен ли я полагать, что Творец создал человека только для того, чтобы позволить ему до конца своих дней сражаться с той нищетой духа, которая нас окружает? Я не могу в это поверить: Господь уготовил европейским народам более прочное и более спокойное будущее. Я не знаю его замыслов, но я не перестану в это верить только потому, что не могу их постичь, и я предпочту усомниться в моих собственных умственных способностях, нежели в его справедливости.

В мире есть одна страна, где та великая социальная революция, о которой я говорю, по-видимому, почти достигла естественных пределов своего развития. Она совершалась там простым и легким способом, или, вернее сказать, эта страна пользуется результатами той демократической революции, революции, которая происходит у нас, не изведав самого революционного переворота.

Иммигранты, обосновавшиеся в Америке в начале XVII века, каким-то образом смогли отделить демократические принципы от всего того, против чего они боролись в недрах старого общества Европы, и сумели перевезти эти принципы на берега Нового Света. Там, произрастая свободно, в гармоническом соответствии с нравами, эти принципы мирно развивались под сенью законов.

Мне представляется, что мы, без сомнения, подобно американцам, рано или поздно достигнем почти полного равенства условий существования людей. На этом основании я отнюдь не прихожу к заключению, что в один прекрасный день мы с неизбежностью будем вынуждены признать все те же самые политические выводы, которые в сходной общественной ситуации были сделаны американцами. Я весьма далек от мысли, что они нашли ту единственную форму правления, которая только и может быть создана демократией; вполне достаточно и того, что в обеих странах законы и нравы определяются одной и той же исходной первопричиной, и мы поэтому с глубоким интересом

должны следить за тем, что же именно она порождает в каждой из этих стран.

Поэтому я исследовал Америку не только для того, чтобы удовлетворить свое вполне законное любопытство, но и хотел извлечь из этого те полезные уроки, которые могли бы нам пригодиться. Представление о том, будто я намеревался написать панегирик, — ничем не обоснованное заблуждение; любой человек, который станет читать эту книгу, сможет полностью удостовериться, что ничего подобного у меня и в мыслях не было. Не собирался я также превозносить и формы их государственного правления как таковые, ибо лично я принадлежу к числу людей, считающих, что законы почти никогда не являются абсолютно совершенными. Я даже считаю, что не вправе предлагать свои суждения относительно того, несет ли социальная революция, наступление которой мне представляется неотвратимым, добро или же зло всему человечеству. Я принимаю эту революцию как факт, уже свершившийся или готовый вот-вот свершиться, и из всех народов, испытавших ее потрясения, я выбрал тот, у которого процессы ее развития протекали самым мирным путем и достигли при этом наивысшей степени завершенности, с тем чтобы внимательно рассмотреть ее закономерные последствия и, насколько это возможно, изыскать средства, с помощью которых из нее можно было бы извлечь пользу для людей. Я признаю, что в Америке я видел не просто Америку: я искал в ней образ самой демократии, ее основные свойства и черты характера, ее предрассудки и страсти. Я хотел постичь ее с тем, чтобы мы по крайней мере знали, что от нее можно ожидать и чего следует опасаться.

Поэтому в первой части данной работы я попытался показать, какое направление естественным образом принимает законотворческая деятельность демократии, почти бесконтрольная предоставленная в Америке своим страстям и своим инстинктам, какие процессы она вызывает в органах государственного управления, а также показать в целом, сколь огромную власть она обретает в области политики. Я хотел узнать, что хорошее и что плохое порождается демократией. Я внимательно исследовал, к каким мерам предосторожности прибегали американ-

цы с тем, чтобы ею руководить, а какими мерами они пренебрегали, и я попытался установить, какие условия позволяют демократии управлять обществом.

Во второй части данной работы я хотел живописать то влияние, которое равенство условий жизнедеятельности людей и господство демократии оказывают на гражданское состояние американского общества: на его обычаи, идеи и нравы. Однако со временем я почувствовал, что тот пыл, с коим я принялся за осуществление этого замысла, стал во мне охлаждаться. Прежде чем я смогу выполнить поставленную перед самим собой задачу, моя работа окажется почти бесполезной. Другой автор вскоре должен представить читателям изображение основных черт американского характера, и окутав картину на весьма серьезную тему легкой вуалью, придать истине такое очарование, которого я никогда не сумел бы достичь.

Я не знаю, удалось ли мне доходчиво изложить то, что я видел в Америке, но я искренне желал этого и сознательно никогда не поддавался искушению подгонять факты к идеям, вместо того чтобы подчинять сами идеи фактам.

Когда какое либо положение могло быть подтверждено документами, я старался прибегать к помощи подлинных текстов, а также к наиболее достоверным и авторитетным трудам. В примечаниях я даю ссылки на свои источники, и каждый может их проверить. Когда речь заходила о взглядах, политических традициях и нравах, я пытался советоваться с самыми осведомленными людьми. В наиболее важных или сомнительных случаях я не удовлетворялся показаниями одного свидетеля, но принимал решения не иначе, как основываясь на данных, предоставленных множеством свидетелей.

Здесь необходимо, чтобы читатель поверил мне на слово. В поддержку собственных высказываний я часто мог бы ссылаться на известные авторитеты или же по крайней мере на имена людей, вполне заслуживающих известности, но я сознательно воздерживался от этого. В гостиниой чужеземец нередко узнает от хозяина дома столь важные истины, что ими, быть может, человек не стал бы делиться даже со своими друзьями; с гостем можно облегчить душу, отказавшись от вынужденного молчания и не опасаясь его бестактности из-за кратковременности его пребывания. Выслушивая все эти откровения, я тотчас же их записывал, но они навсегда останутся среди моих

бумаг; я скорее предпочту, чтобы пострадало качество моего изложения, чем пополнию собой список имен тех путешественников, которые расплачивались за оказанное им великодушное гостеприимство тем, что огорчали своих хозяев, ставя их в неловкое положение.

Я знаю, что, несмотря на все мои старания, раскритиковать эту книгу будет проще всего, если кому-то захочется это сделать.

Внимательный читатель, я полагаю, обнаружит в работе одну основную мысль, связующую, если можно так выразиться, все ее части между собой. Однако темы, освещаемые в книге, столь разнообразны и многочисленны, что человек, вознамерившийся найти противоречия между каким-либо отдельным фактом и всей совокупностью приводимых мною фактов, между отдельной мыслью и всем комплексом идей, преуспевает в этом без труда. Поэтому мне хотелось бы, чтобы мою работу читали с тем же настроением, с которым она писалась, и чтобы эту книгу оценивали лишь по тому общему впечатлению, которое она оставляет, ибо я сам приходил к тем или иным суждениям, основываясь не на отдельных доводах, а на их сумме.

Не следует также забывать, что автор, желающий быть понятым, должен выявлять все теоретические последствия, вытекающие из каждой его идеи, часто доводя их до границ невероятного и неосуществимого, так как если в практической деятельности иногда необходимо отказываться от законов логики, то в процессе общения сделать это невозможно, и люди обнаруживают, что им почти столь же трудно быть непоследовательными в словах, как быть последовательными в своих поступках.

В заключение мне хотелось бы самому привлечь внимание читающей публики к тому обстоятельству, которое многими будет рассматриваться в качестве основного недостатка данной работы. Эта книга не рассчитана на вкусы тех или иных конкретных людей; работая над ней, я не намеревался ни служить какой-либо из партий, ни сражаться с оной; не культивируя свое особое мнение, я постарался заглянуть дальше, чем это делают приверженцы различных партий: их интересует лишь завтрашний день, тогда как мне хотелось задуматься о будущем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ВНЕШНИЕ ОЧЕРТАНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Две обширные территории, образующие Северную Америку: одна простирается к полюсу, другая — к экватору. — Долина реки Миссисипи. — Следы земных катаклизмов. — Побережье Атлантического океана, где возникли первые колонии. — Различия между Южной и Северной Америкой в эпоху их открытия. — Леса Северной Америки. — Прерии. — Кочевые племена туземцев — Их натурность, нравы и языки. — Следы неизвестного народа.

Внешние очертания Северной Америки отмечены некоторым своеобразием, что невольно бросается в глаза.

В расположении земель и вод, гор и долин ощущается какая-то целенаправленность, какой-то логический порядок. Даже в путанице предметов и явлений окружающего мира, в их чрезвычайном многообразии обнаруживается этот порядок.

Северная Америка подразделяется на две обширные и практически равновеликие территории.

Одна из них простирается от Северного полюса и омывается на западе и востоке двумя великими океанами. В своей южной части эта территория образует треугольник, стороны которого, имеющие неровные очертания, пересекаются ниже канадских Великих озер.

Вторая территория начинается там, где кончается первая, и занимает все оставшееся пространство континента.

Одна часть Северной Америки несколько смещена к полюсу, а другая — к экватору.

Земли первой части тянутся на север с едва приметным уклоном, и создается впечатление, что это равнины или плоскогорья и действительно, на этом обширном участке земной поверхности вы не встретите ни высоких гор, ни глубоких долин.

То тут, то там, причудливо изгибаясь, бегут реки, речушки, ручейки; они то пересекаются, то сливаются, то расходятся в разные стороны и вновь сближаются, пропадают в многочисленных болотах, теряются в созданном ими самими и наполненном влагой лабиринте и лишь после бесконечного блуждания впадают наконец в Полярное море. Великие озера, обрамляющие эту территорию на юге, расположены, в отличие от большинства озер Старого Света, не между скалами и холмами — их берега плоские и всего лишь на несколько футов возвышаются на поверхность воды. Каждое из этих озер напоминает наполненную до краев огромную чашу: малейшие изменения в геологической структуре Земли могли бы вызвать низвержение их вод либо в сторону Северного полюса, либо к тропическим морям.

Вторая часть Североамериканского континента более пересеченная и лучше приспособлена для постоянного обитания человека. Две горные цепи пересекают ее по всей длине: одна, носящая название Аллеганских гор, протянулась вдоль всего побережья Атлантического океана, другая же простирается параллельно южным морям.

Территория между этими двумя горными хребтами занимает 228343 квадратных лье, что почти в шесть раз превышает площадь, занимаемую Францией.

Все это обширное пространство представляет собой одну огромную долину, которая раскинулась без преград между округлыми горными вершинами Аллеган и хребтами Скалистых гор.

В глубине этой долины течет широкая река. В эту реку со всех концов стремительно несутся потоки вод, низвергающиеся с горных вершин.

В прежние времена французы в память о своей потерянной родине называли ее рекой Святого Людовика; индейцы же торжественно именовали ее Отцом вод, или Миссисипи.

Миссисипи берет свое начало на стыке двух огромных территорий, о которых шла речь выше, в верхней части плоскогорья, разделяющего их.

Возле Миссисипи зарождается еще одна река¹, впадающая затем в Полярное море. Сама же Миссисипи какое-то время словно бы колеблется, выбирая, куда устремить свой путь: не раз он возвращается назад, и лишь после того, как ее течение замедляется среди озер и болот, она наконец решается, в какую сторону направить свои воды, и медленно прокладывает себе дорогу на юг.

То спокойная в своем глинистом ложе, которое создала для нее природа, то вздыбленная бурей, Миссисипи орошает более тысячи лье земель, расположенных по ее течению.

В шестистах лье от устья глубина Миссисипи составляет в среднем уже около пятнадцати футов, и суда водоизмещением в триста тонн могут свободно проходить до двухсот лье вверх по течению.

Пятьдесят семь крупных судоходных рек несут свои воды в Миссисипи. Одни из ее притоков имеет протяженность в 1300 лье², другие – в 900 лье³, в 600 лье⁴, в 500 лье⁵ и четыре реки – по 200 лье⁶, не говоря уже о бесчисленном множестве ручейков, сбегающих к ней со всех сторон.

Кажется, что долина, орошаемая Миссисипи, создана именно для нее. В окрестностях реки природа неистощима в своем плодородии; по мере же удаления от берегов силы, питающие растительный мир, ослабевают, земли истощаются, все чахнет или вовсе гибнет. Нигде в мире великие земные катаклизмы не оставили столь заметных следов, как в долине Миссисипи. Весь облик этого края свидетельствует о том, что может сотворить вода: как бесплодие, так и изобилие зависят только от нее. Волны первобытного океана устлали эту долину толстыми слоями плодородной земли и долгое время разравнивали их. По

¹ Ред-Ривер

² Миссури

³ Арканзас

⁴ Ред-Ривер

⁵ Огайо

⁶ Иллинойс, Сен-Пьер, Вент-Франсис, Де-Мойн

правому берегу реки простираются бескрайние равнины, сливающиеся как бы в единое необозримое пространство, похожее на поле, по которому земледелец прошелся своим плугом. По мере приближения к горам поверхность земли становится все более неровной и бесплодной. Здесь в почве словно пробуравлена тысяча скважин, и то тут, то там вырисовываются первобытные скалы, напоминающие кости огромного скелета какого-то существа, чья плоть давно истлела от времени. Превратившийся в песок гранит и причудливой формы камни покрывают всю поверхность земли; эта местность словно завалена обломками гигантского здания, среди руин которого лишь кое-где пробиваются тощие побеги неведомых растений. Вглядевшись повнимательнее в эти камни и в этот песок, в самом деле легко заметить, что все они имеют абсолютно ту же природу, что и бесплодные и полуразрушенные вершины Скалистых гор. Снеся верхние слои почвы на дно долины, воды, естественно, принялись уносить в своих потоках и куски самих скал, скатывая их по соседним склонам; сталкиваясь между собой и дробясь, они усеяли подножия гор обломками с их собственных вершин*.

И все же долина Миссисипи — самое прекрасное творение, когда-либо созданное Господом для обитания людей, хотя в то же время можно сказать, что она все еще являет собой не более чем огромную пустыню.

У восточных склонов Аллеганских гор, между их подножием и Атлантическим океаном, тянется длинная полоса скал и песка, которую море, покидая этот край, словно оставило там по забывчивости. В среднем ширина этого участка земли не превышает 48 лье, тогда как его длина составляет 390 лье. Почва в данной части Американского континента плохо поддается обработке, а растительность края скудна и однообразна.

Вот этот-то негостеприимный берег и стал главным объектом приложения человеческой энергии. Именно эта полоска высушенной земли стала колыбелью, а затем и домом для английских колоний, которым впоследствии предстояло превра-

* Звёздочкой обозначены отсылки к примечаниям А. де Токвиля, помещенным в конце публикации.

титься в Соединенные Штаты Америки. Именно это место является сегодня, как и прежде, средоточием могущества Северной Америки, в то время как где-то на ее окраинах почти незаметно накапливаются истинные силы великого народа, которому, бесспорно, принадлежит будущее континента.

Когда европейцы высадились на Антильских островах, а позднее и на побережье Южной Америки, им показалось, что они попали в сказочный мир, воспетый поэтами. Море сверкало, переливаясь всеми возможными тропическими красками, и благодаря удивительной прозрачности воды взору мореплавателей впервые открылись тайны морских глубин¹. То тут, то там виднелись небольшие островки, напоминающие корзины благоухающих цветов, плывущие по спокойной глади океана. Весь этот райский уголок, казалось, был создан для нужд и наслаждений человека. Большинство деревьев было увешано съедобными плодами, а те из них, которые не могли принести человеку непосредственной пользы, очаровывали его взор яркостью и разнообразием оттенков. В рощах среди увитых цветущими лианами душистых лимонных деревьев, диких смоковниц, смирт с круглыми листьями, акаций и олеандров несметное множество птиц, совершенно неизвестных в Европе, блистало пурпурным и лазурным оперением, завершая своим чудесным пением гармонию исполненной движения и жизни природы.

Смерть таилась под этим переливающимся всеми красками покровом, однако тогда этого никто не замечал; к тому же и сам воздух этих мест был напоен каким-то невероятным дурманом, заставляющим человека жить одним лишь только настоящим и беспечно забывать о будущем.

¹ Вода в Карибском море настолько прозрачна, говорит Мальт-Брюн, т. III, с. 726, что в ней можно различить кораллы и рыб на глубине в 60 саженей. Издали кажется, что корабль словно парит в воздухе, и что-то похожее на головокружение охватывает путешественника, когда сквозь толщи кристально прозрачной воды он видит подводные сады, в которых блестят золотые рыбки и переливаются раковины среди зарослей разнообразнейших морских водорослей.

Северная Америка была совершенно иной — здесь все казалось значительным, серьезным, торжественным; можно сказать, что эта земля словно была создана для того, чтобы стать царством разума, в то время как Южная Америка оставалась обиталищем чувств и эмоций.

Бурный, покрытый мглой океан омывал побережье Северной Америки, гранитные скалы и песчаные берега обрамляли ее; прибрежные леса раскидывали свою мрачную и меланхолическую листву: возру открывались одни лишь сосны, лиственницы, зеленые дубы, дикие оливковые деревья и лавры.

За первым лесным поясом начинался центральный массив деревьев с тенистыми кронами — это были самые гигантские деревья, какие только можно встретить в обоих полушариях земного шара. Платаны, каролинские биньони, клены и виргинские тополя смешались здесь с дубами, буками и липами.

Здесь, как и в лесах, уже укрощенных человеком, смерть без устали наносила свои удары; однако никто не задумывался о том, чтобы убирать следы ее разрушений. Остатки мертвых деревьев и растений образовывали завалы, которые наслаивались один на другой: требовалось слишком много времени, чтобы превратить все это в прах и дать место новой поросли. Но даже в самой глубине этих завалов ни на минуту не прекращалось зарождение новой жизни. Ползучие растения и всевозможные травы пробивались к свету сквозь препятствия; они стлались по земле возле поваленных деревьев, проникали в их трухлявую сердцевину, приподнимали и разрушали усохшую кору, которая все еще покрывала эти останки, расчищая таким образом путь для своих молодых побегов. В известном смысле смерть способствовала здесь утверждению жизни. Жизнь и смерть сосуществовали в этих лесах, словно желая соединить и перепутать свои деяния.

В этих лесах царили глубокий сумрак и вечная влага, создаваемая тысячью мчащихся в разные концы ручейков, бег которых еще не пыталась изменить рука человека. Лишь изредка можно было увидеть какие-то цветы, дикие плоды или же стайку птиц.

Шум падающего старого дерева, грохот водопада, мычание буйволов и отзвук прокладывающего себе дорогу ветра были единственными звуками, нарушавшими тихое безмолвие природы.

На восток от великой реки леса мало-помалу начинали редеть, и их сменили бескрайние прерии. Природа ли в бесконечном своем многообразии отказалась разбросать по этой плодородной долине семена деревьев, или же леса, покрывавшие эти земли, были некогда истреблены человеком? Ни предания, ни научные изыскания не дают нам ответа.

И тем не менее эти обширные пустоши сохранили следы присутствия человека. На протяжении многих веков несколько кочевых племен бродило под сенью лесов и по степным пастбищам. Эти дикари, кочевавшие от устья реки Святого Лаврентия до дельты Миссисипи, от Атлантического океана до Тихого, были в чем-то схожи между собой, что свидетельствовало об их общих корнях. Однако они отличались от всех других известных на земле человеческих рас¹: они не были ни белыми, как европейцы, ни желтыми, как большинство азиатов, ни черными, как негры; их кожа имела красноватый оттенок, у них были длинные блестящие волосы и скуластые лица с тонкими губами. Языки, на которых говорили дикие племена Америки, имели единую грамматическую основу, хотя и разнились отдельными словами. Грамматические правила построения этих языков несколько отличались от известных доселе правил, определявших формирование человеческой речи.

Идиоматика языка коренных жителей Америки явилась, по всей видимости, результатом употребления ими каких-то осо-

¹ Впоследствии было обнаружено некоторое сходство наружности, языка и обычаев североамериканских индейцев и тунгусов, манчу, монголов, татар и ряда других кочевых племен Азии. В силу того, что эти народы проживают в относительной близости от Берингова пролива, можно предположить, что в древности они могли заселить безлюдный Американский континент. Однако наука пока еще не сумела дать окончательный ответ на этот вопрос. См. по данной теме: Мальт-Брюн, т. V; Сочинения господина Гумбольдта; Фишер. Предположения относительно происхождения американских аборигенов; Эйдер. История американских индейцев.

бых языковых конструкций, что свидетельствует о довольно высоком уровне их интеллекта; современные же индейцы этим, похоже, не отличаются*.

Быт североамериканских народов во многом отличался от быта, характерного для народов древнего мира: создается впечатление, что они, живя в глубине своих пустынь и не имея связей с более цивилизованным миром, беспрепятственно воспроизводили себе подобных. У них совершенно отсутствовали расплывчатость и неопределенность в понимании добра и зла; им были чужды свойственные народам, некогда цивилизованным, но потом вновь превратившимся в варваров, продажность и развращенность, обычно соседствующие с невежеством и грубостью нравов. Индеец всем обязан исключительно самому себе: он сам — творец своих достоинств, пороков и предрассудков; впитанная с детства неукротимая независимость — вот суть самой его натуры.

Грубость простого народа в цивилизованных странах вызвана не только его невежеством и бедностью, но и тем, что эти люди, будучи невежественными и бедными, повседневно сталкиваются с просвещенными и богатыми слоями населения.

Осознание своей неудавшейся судьбы и бессилия, которые простолюдин постоянно сопоставляет с благополучием и могуществом отдельных ничем от него не отличающихся представителей рода человеческого, возбуждает в его сердце гнев и страх, а чувство собственной неполноценности и зависимости раздражает и унижает его. Это состояние души отражается на манере его поведения и речи; простолюдин одновременно и дерзок и подобоострастен.

Справедливость этого утверждения легко доказать путем простого наблюдения. Народ в целом гораздо грубее в странах, где сильна аристократия, нежели в любых других, а в богатых городах — грубее, чем в деревне.

В тех местах, где много богатых и сильных людей, слабые и бедные испытывают как бы чувство угнетенности из-за своего низкого положения. Не находя никакой возможности достигнуть равенства, они и вовсе разувериваются в себе и теряют всякое человеческое достоинство.

В диких племенах подобных пагубных последствий жизненных контрастов не встретишь: хотя все индейцы поголовно невежественны и бедны, они тем не менее равны и свободны.

Когда появились первые европейцы, туземец Северной Америки еще не знал цену богатства и был равнодушен к тому благополучию, которое цивилизованный человек достигал с его помощью. Однако в нем не было никакой грубости. Напротив, его поведение отличала некая внутренняя сдержанность и своеобразная аристократическая вежливость.

Мягкий и гостеприимный в мирное время, безжалостный на войне, индеец готов был умереть с голоду, чтобы помочь страннику, постучавшемуся вечером в дверь его хижины, и в то же время он мог преступить все пределы жестокости, на которую только способен человек, и теми же руками растерзать живым своего пленника. Ни в одной из самых известных республик античного мира не было более неустрашимых, более гордых и более свободолюбивых людей, чем индейцы, обитавшие в диких лесах Нового Света¹.

Европейцы, высадившиеся на побережье Северной Америки, не произвели на них ровно никакого впечатления; их присутствие не возбудило в индейцах ни зависти, ни страха. Какое воздействие могли оказать европейцы на подобных людей? Индейцы умели жить, не испытывая особых потребностей; страдали не жалуясь и умирали с песней на устах. Как и все прочие представители многочисленного рода человеческого, эти дикари верили в существование лучшего мира и поклонялись Богу — создателю Вселенной, называя его по-разному. Их

¹ Среди ирокезов, подвергшихся нападению превосходящих сил противника, говорил президент Джефферсон («Записки о Виргинии», с. 148), были старики, гордо отказавшиеся спастись бегством и не желавшие сохранять свою жизнь, когда их родным краям грозила гибель; эти старики презирали смерть, словно древние римляне при осаде Рима галлами. И далее, на с. 150: «Не было случая, чтобы индеец, попавший в руки своих врагов, просил сохранить ему жизнь. Напротив, он словно сам искал смерти от рук победивших его людей, всячески оскорбляя и провоцируя их».

представление о великих духовных истинах было в целом весьма простым и философичным¹.

Хотя народ, который мы здесь описываем, по всем своим чертам и является первобытным, не вызывает сомнения тот факт, что на этой территории еще до появления индейцев существовал и другой народ, более цивилизованный и развитый во всех отношениях.

В предании, широко распространенном среди большей части индейских племен, обитающих вдоль побережья Атлантического океана, говорится, хотя и весьма туманно, что некогда этот народ проживал на западе от реки Миссисипи. По всему течению реки Огайо и в центральной долине до сих пор часто попадаются холмы, возведенные человеком. Если раскопать эти холмы, то в их центральной части можно, как правило, найти человеческие кости, необычные инструменты, оружие, всевозможную домашнюю утварь, сделанную из некоего металла и нередко предназначенную для каких-то неведомых современному человеку целей.

Нынешние индейцы не в состоянии пролить свет на судьбы этого неизвестного народа. Те, кто жил триста лет тому назад, в эпоху открытия Америки, тоже не оставили о нем никаких сведений, на основании которых можно было бы построить хоть какую-то гипотезу. Предания, эти преходящие и постоянно возрождаемые памятники первобытного мира, также ничего для нас не проясняют. Между тем на этом континенте жили тысячи наших собратьев — в этом-то уж сомневаться не приходится. Но когда они появились в этих краях? Каково было их происхождение, их судьбы, их история? Когда и как они погибли? Вразумительно ответить на эти вопросы не может никто.

Странная вещь! Некогда существовавшие в мире народы настолько затерялись в прошлом, что даже неизвестно, как они назывались; их языки утеряны, слава о них канула в Лету, словно звук, не отраженный эхом; и при всем том я не знаю ни одного народа, который не оставил хотя бы одну могилу, напоминающую о его пребывании на этом свете. Так уж получается, что изо всех памятников человеку самым долговечным оказы-

вается тот, который красноречивее прочих свидетельствует о его брэнности и беспомощности.

Хотя обширный край, описанный выше, был заселен множеством туземных племен, можно смело утверждать, что в эпоху его открытия он представлял собой истинную пустыню. Индейцы занимали его, но не владели им. Только земледелие дает человеку право на землю – а первые жители Северной Америки промышляли охотой. Свойственные этим людям неукротимые страсти и устойчивые предрассудки, пороки и, пожалуй, еще более варварские добродетели предопределяли их неизбежную гибель. Истребление индейских племен началось сразу же, как только первые европейцы высадились на побережье Америки, и с тех пор не прекращалось вплоть до наших дней. Судьба, забросившая индейцев на богатейшие просторы Нового Света, казалось, выделила им краткий срок пользования этими богатствами, и они жили на этой земле словно в ожидании чего-то. Эти берега, столь благоприятные для развития торговли и промышленности, эти глубокие реки, эта неистощаемая в своем плодородии долина реки Миссисипи – словом, весь континент, казалось, был создан для того, чтобы стать колыбелью еще не родившейся великой нации.

Именно здесь цивилизованным людям предстояло попытаться создать общество, основанное на принципиально новых устоях и, применив теории, прежде либо вовсе не известные миру, либо признанные неосуществимыми, явить человечеству такой удивительный строй жизни, к которому вся предыдущая история никак его не подготовила.

Примечания автора

Часть первая

С. 184

По поводу всех тех западных территорий, на которые еще не проникли европейцы, смотрите отчеты о двух путешествиях,

предпринятых майором Лонгом на деньги, выделенные конгрессом.

Говоря о почти необитаемой Великой американской равнине, Лонг особо отмечает, что для определения ее границ необходимо мысленно провести линию, почти параллельную 20 градусам долготы (меридиан города Вашингтона), идущую от реки Красная к реке Платт. От этой воображаемой линии вплоть до Скалистых гор, ограничиваемых с запада долиной реки Миссиссипи, простирается бескрайняя равнина, в основном покрытая бесплодными песками или усыпанная обломками гранитных скал. Летом здесь нет воды. Из животных на равнине пасутся лишь огромные стада бизонов и диких лошадей. Иногда встречаются отряды индейцев, но они немногочисленны.

Майор Лонг слышал, что, если подняться вверх по реке Платт в том же направлении, то по левую сторону постоянно будет простираться все та же пустыня, однако проверить эти сведения лично он не имел возможности. (См.: Отчеты экспедиции Лонга, т. II, с. 361.)

Сколь серьезное доверие ни вызывал бы отчет майора Лонга, не следует тем не менее забывать, что он лишь пересекает описанную им территорию, не делая больших зигзагообразных отклонений от линии маршрута.

С. 188

Об американских языках

Утверждается, что все языки, на которых говорят индейцы, населяющие Америку от Северного полюса до мыса Горн, устроены по одной и той же модели и подчиняются одним и тем же грамматическим правилам. На этом основании с большой долей вероятности можно заключить, что все индейские народности имеют единое происхождение.

Каждое племя американских индейцев говорит на особом диалекте, но самостоятельных языков здесь очень мало, что также подтверждает предположение о сравнительно молодом возрасте народностей Нового Света.

И наконец, языки населения Америки чрезвычайно правильны. Поэтому вполне возможно, что говорящие на них народы еще не знали великих потрясений и революций и не смешивались, будь то насильно или добровольно, с чужими народами, ибо, как правило, лишь слияние многих языков в один создает неправильные грамматические формы.

Лишь с недавних пор американские языки, и в особенности языки Северной Америки, привлекли серьезное внимание филологов. Так, впервые было обнаружено, что эта речь варварского народа являет собой продукт весьма сложной системы идей и их весьма мудрёных сочетаний. Было отмечено и большое богатство этих языков, а также то обстоятельство, что их создатели проявили очень заботливое отношение к благозвучию.

Грамматическая система языков американских индейцев во многих отношениях отличается от всех остальных языков, но самое главное отличие заключается в следующем.

Некоторые европейские народы, и среди них немцы, способны при необходимости соединять воедино различные формы и понятия, воздавая таким образом сложные слова. Индейцы самым поразительным образом расширили это свойство языка, получив возможность, так сказать, сводить в одну точку множество идей. Это легко можно понять с помощью примера, приведенного господином Дюпонсо в «Трудах Американского философского общества».

Играя с кошкой или со щенком, делавэрская женщина может произнести, как неоднократно было замечено, слово *kuligatschis*. Это сложное слово состоит из следующих элементов: «k» — определение 2-го лица и может значить «ты» или «твой»; *uli*, произносимое как «ули», представляет собой часть слова *wulit* со значением «красивый»; *gat* в свою очередь — часть слова *wichgat*, имеющего значение «лапа»; и наконец, *schis*, произносимое как «шиз», — это уменьшительное окончание, передающее представление о небольшом размере. Таким образом, одним-единственным словом индейская женщина сказала: «Твоя красивая маленькая лапа».

Приведем другой пример, показывающий, сколь удачно американские дикари умеют сочетать слова своего языка.

По-делаверски молодого человека называют *pílapé*. Это слово образовано от *pílsit*, то есть «чистый, невинный», и *lénapé* — «мужчина» и, следовательно, означает «мужчина в его чистоте и невинности».

Эта способность сочетать друг с другом различные слова дает совершенно неожиданные результаты при образовании глаголов. Часто самое сложное действие выражается с помощью одного-единственного глагола, и почти все нюансы идеи воздействуют на глагол, модифицируя его.

Желающим подробнее ознакомиться с данным вопросом, который я лишь крайне поверхностно здесь затрагиваю, следует прочитать:

1. Переписку господина Дюпонсо с преподобным Хеквельдером по поводу индейских языков. Эта переписка была опубликована в первом томе «Трудов Американского философского общества», изданном в Филадельфии в 1819 году под редакцией Эйбрехема Смолла, с. 356 — 464.

2. Грамматику языка делаверов, или ленапов, изданную Гейбергером с предисловием Дюпонсо, которое прилагается. Обе работы были опубликованы в третьем томе указанного выше издания.

3. Очень хорошо написанное резюме этих работ в конце тома VI «Американской энциклопедии».

С. 190

В книге Шарлевуа (т. I, с. 235) дана история первой войны между французами Канады и ирокезами, имевшей место в 1610 году. Последние, хотя и были вооружены лишь луками и стрелами, оказали отчаянное сопротивление французам и их союзникам. Шарлевуа, не обладавший особым даром художественного слова, в приводимом отрывке очень хорошо описал различия, характерные для нравов европейцев и дикарей, и совершенно разные подходы представителей этих двух рас к понятию чести.

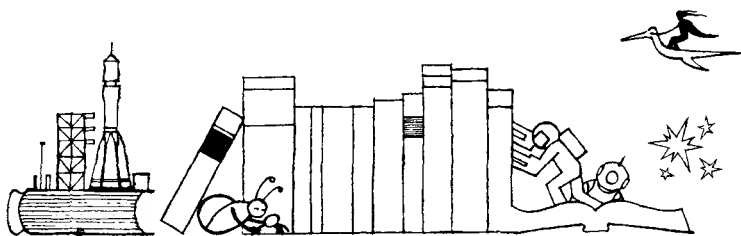
«Французы, — пишет он, — захватили бобровые шкуры, которыми были укрыты тела погибших ирокезов. Гуроны, их союзники, были возмущены этим. В свою очередь, они приступили к своим обычным пыткам пленных, съев одного из уже погибших, что привело в неописуемый ужас французов. Таким образом, — заключает Шарлевуа, — эти варвары гордились тем бескорыстием, которого они, к своему удивлению, не нашли в нашей нации, и не могли понять, отчего это ограбление мертвых считается у нас злом значительно меньшим, чем пожирание их плоти, подобное пиру диких зверей».

В аналогичной манере тот же Шарлевуа в другом месте книги (т. I, с. 230) описывает первую казнь, свидетелем которой стал Шамплен, и возвращение гуронов в свой собственный поселок. «Пройдя расстояние в восемь лье, — повествует он, — наши союзники остановились и, выбрав одного из своих пленников, стали упрекать его за все те муки, которые он причинил воинам их племени, попавшим в его руки; он заявил ему, что он должен приготовиться к аналогичному обращению с их стороны, и добавили при этом, что если у него мужественное сердце, то пусть он докажет это, начав петь песню. Он тотчас же запел боевую песню и пел все, какие только знал, но голос его был очень грустным, — говорит Шамплен, которые еще не мог тогда знать, что вся музыка дикарей звучит несколько мрачно. — Пытки пленного, сопровождавшиеся всеми теми ужасами, о которых мы еще расскажем, потрясли французов, но все их усилия положить этому конец ни к чему не привели. На следующую ночь одному из гуронов приснилось, что за ними идет погоня, и их отход превратился в подлинное бегство, причем дикари нигде не хотели останавливаться до тех пор, пока не оказались в полной безопасности.

Когда показались хижины их поселка, они сразу нарубили длинных палок, на которые прикрепили доставшиеся им при дележе скальпы, и поплыли с ними триумфальным парадом. При их виде на берег выбежали женщины, бросились в воду и вплавь добрались до каноэ, где они схватили окровавленные скальпы из рук своих мужей и повесили их себе на шеи.

Воины предложили Шамплону один из этих трофеев и в качестве еще одного дара выделили ему несколько луков и стрел – единственную добычу, которую они захотели взять у ирокезов, – попросив показать эти трофеи королю Франции.

Шамплен один прожил всю зиму у этих варваров, и ни разу ни ему самому, ни его имуществу ничего не угрожало.

БИБЛИОГРАФИЯ

Татьяна Добрусина

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ФАНТАСТЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ. 1993 г.

Продолжение. Начало см. в № 1.

**В третью (Д – М) часть включены сведения
по 15 мая 1994 года**

192. **Нивен** (Niven) Л. Защитник: Романы, рассказы. – М.: ГФ «Полиграфресурсы»; ТОО «Транспорт», 1993. – 592 с. – (Монстры Вселенной; Кн. 12). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Защитник; Летающие колдуны; Орган-леггеры; Рассказы: «Реликт империй»; Зануда; Сходящаяся последовательность; Дырявый; В траурном обрамлении; Штиль в аду; Человек-мозаика.

193. **Нивен** Л. Летающие колдуны: Романы. – СПб.: АО «ЭГОС», 1993. – 479 с. 50 000 экз.

Содерж.: Л. Нивен, Д. Джеральд. Летающие колдуны; Л. Нивен. Органлеггеры.

194. **Нивен** Н а й в е н Л. Мир-кольцо; Летающие колдуны; Реликт империй: Романы, рассказ. – Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. – 528 с. – (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

195. **Нивен** Л., Пурнель Д. Молот Люцифера: Роман. – М.: ТОО «Лантерна», 1993. – 703 с. – (Бесконечная серия фантастики). 50 000 экз.

196. **Нивен** Л., Пурнель Д. Мошка в зенице Господней: Роман /Пер. М. Коркин. – СПб.: АОЗТ «Оверлайт-Сан», 1993. – 544 с. 30 000 экз.

197. **Нивен** Л. Защитник. – Смоленск: Фирма «Русич»; Таллин: Мелор, 1993. – 512 с. – (Сокровищница боевой фантастики и приключений). 100 000 экз.
 Содерж.: Л.Нивен. Защитник; А.Стрэнтон. Универсальный солдат.

198. **Норман** (Norman) Дж. Тарнсмен Гора; Вне закона на Горе; Берроуз Э.Р. Пираты Венеры; Люди забытого времени. – М.: Келвори, 1993. – 511 с. 50 000 экз.

199. **Нортон** (Norton) Э. Избранные фантастические произведения: Т. 4. – Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. – 510 с. 100 000 экз.
 Содерж.: Романы: Трое против колдовского мира; Волшебник колдовского мира; Волшебница колдовского мира.

200. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т.5. – Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. – 414 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Кристалл с грифоном; Год единорога; Гаран вечный.

201. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 7. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. — 414 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Ледяная корона; Темный трубач; Ивон, рыцарь Рога.

202. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 8. Кн.1: Война во времени /Пер. З. Хашимов, Д. Арсеньев. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. — 350 с. 75 000 экз.

Содерж.: Романы: Торговцы во времени; Покоренный корабль.

203. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 8. Кн.2: Война во времени /Пер. Л. Гриднева, Д. Арсеньев. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. — 350 с. 75 000 экз.

Содерж.: Романы: Патруль не сдается!; Ключ из глубины времен.

204. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т.9: Романы /Пер. Л. Гриднева. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. — 382 с. 50 000 экз.

Содерж.: Лунная магия: Кн.2. Полет на Йиктор; Отважиться пойти на охоту.

205. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т.10: Романы. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. — 448 с. 100 000 экз.

Содерж.: Ночь масок; Звездное колесо; Опасные сны.

206. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 11 Романы. – Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. – 350 с. 100 000 экз.

Содерж.: Зеркало Мерлина; Нет ночи без звезд.

207. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т.12: Романы /Пер. А. Прокофьева, З. Хашимов. – Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. – 415 с. 100 000 экз.

Содерж.: Камень Предтеч; Звезды, не нанесенные на карты.

208. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т.13. /Пер. Д. Арсеньев, К. Прилипко. – Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. – 446 с. 50 000 экз.

Содерж.: Э. Нортон, П. М. Гриффин. Подчеркнуто звездами: Пятый роман сер. «Королева Солнца»; Э.Нортон. Корона из сплетенных рогов; Опасные сны-2.

209. **Нортон Э.** Да здравствует лорд Кор! – М.: Триада-Топикал; ПО «Деткнига», 1993. – 112 с. – (Land Fantasy). 60 000 экз.

210. **Нортон Э.** Долгая ночь ожидания /Пер. Л. Дейч, Н. Хохлова, Н. Резанова. – Н.Новгород: Флокс, 1993. – 480 с. – (Фантастика. Приключения. Детектив). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Операция «Поиск во времени»; Гэран Вечный; Кошачьим взглядом; Повесть: Да здравствует лорд Кор!; Рассказы: Мышеловка; Тайна «Императрицы Марса»; Долгая ночь ожидания; Дары Асти.

- 211 **Нортон Э** Операция «Поиск во времени» Романы /Сост В Мартов – М· Ретекс Лтд, 1993. – 464 с. – (Клуб «Золотое перо»; Вып 8) 100 000 экз

Содерж· Операция «Поиск во времени»; Вторжение к далеким предкам; Луна Трех Колец

- 212 **Нортон Э** Поиски во времени /Пер Т Романова. – М· РИПОЛ. 1993 – 367 с – (Joker) 100 000 экз

Содерж Романы Операция «Поиск во времени»; Поиск на перекрестке времен; Да здравствует лорд Кор!

- 213 **Нортон Э** Саргассы в космосе Романы /Авт послесл В Гаков – Ангарск· Амбер, Лтд; М· ТОО «Лантерна», 1993 – 480 с – (Англо-амер фантастика XX в) 50 000 экз

Содерж· Саргассы в космосе, Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами

- 214 **Нортон Э** Саргассы в Космосе /Сост А Максимов – Ярославль Ньюнс. 1993 – 768 с – (Мир звезд) 50 000 экз

Содерж· Романы· Саргассы в Космосе; Зачумленный корабль, Планета колдовства; Проштемпелевано звездами; Чумная планета, Повести· Всадник с Вордана; Звездный охотник

- 215 **Нортон Э** Серая магия Романы – Ангарск Амбер, Лтд, 1993 – 378 с – (Англо-амер фантастика XX в) 50 000 экз

Содерж· Серая магия; Колдовской мир; Паутина колдовского мира

- 216 **Нулевой потенциал** /Сост Д Жуков – М Пресса, 1993 – 478 с – (Мир приключений) 50 000 экз

Содерж. Ф Браун. Просто смешно!; К. Саймак Иммигрант; Куш; Пыльная зебра; Отец-основатель; Детский сад; У Тэнн Нулевой потенциал; А. Кларк. Звезда; М. Лейнстер. Замочная скважина; Л дель Рей Елена Лав; Р Янг Девушка-одуванчик; Хмельная почва; А Бестер Путевой дневник; Э Уайт В часы досуга; А Азимов. Бессмертный бард; Нечаянная победа; Г. Гаррисон. Ремонтник; Г. Каттнер Сплошные неприятности; Р Шекли. Паломничество на Землю; К Эмис Хемингуэй в космосе; Дж. Боллард. Хронополис; Р Уормсер. Пан Сатирус

- 217 **Обряд перехода** Сборник /Сост А.Сидорович. – СПб. ЭКАМ, ИЧП «Интерпрессервис», 1993 – 512 с 50 000 экз.

Содерж. Романы А. Паншин. Обряд перехода; Дж. Уиндэм Кукушки Мидвича; Повести Б Олдис Слюнное дерево; У Тенн Лампа для Медузы.

- 218 **Оружие Хаоса** Сборник романов /Сост М Молокин – Новосибирск Тимур, 1993. – 527 с. – (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

Содерж. К. Капп Оружие Хаоса; Формы Хаоса; К Мак-Апп Забыть о Земле; М. Лейнстер Космический старатель.

- 219 **По (Рое) ЭА** Собрание сочинений в 4 т Т2 /Сост С Бэлза; Автор коммент А. Николюкин. – М. Пресса, 1993 – 317 с 500 000 экз

Содерж. Сборник Гротески и арабески Морелла; Страницы из жизни знаменитости; Вильям Вильсон; Человек, которого изрубили в куски; Падение дома Ашероу; Герцог де Л'Омлет; Рукопись, найденная в бутылке; Бон-Бон; Тень; Черт на колокольне; Лигейя; Король Чума; Как писать рассказ для «Блэквуда»; Трагическое положение; Четыре зверя в одном; Тишина; Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля; На стенах Иерусалимских; Мистификация;

Без дыхания; Метценгерштейн; Береника; Почему француз носит руку на перевязи; Свидание; Разговор Эйрос и Хармионы.

220. **По** Э.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т.3 /Сост. С. Бэлза; Автор коммент. А. Николюкин. – М.: Пресса, 1993. – 352 с. 500 000 экз.

Содерж.: Сборник: Рассказы (1845): Золотой жук; Черный кот; Месмерическое откровение; Низвержение в Мальстрем; Беседа Моноса и Уны; Убийства на улице Морг; Тайна Мари Роже; Похищенное письмо; Человек толпы; Повесть: Повесть о приключениях Артура Гордона Пима.

221. **По** Э.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4 /Сост. С. Бэлза; Автор коммент. А. Николюкин. – М.: Пресса, 1993. – 333 с. 500 000 экз.

Содерж.: Рассказы, не входившие в прижизненные сборники: Фолио Клуб; Дневник Джулиуса Родмена, представляющий собой описание первого путешествия через Скалистые горы Северной Америки, совершенного цивилизованными людьми; Делец; Остров Феи; Не закладывай черту своей головы; Элеонора; Три воскресенья на одной неделе; Овальный портрет; Маска Красной смерти; Поместье Арнгейм; Колодец и маятник; Сердце-обличитель; Надувательство как точная наука; Очки; История с воздушным шаром; Повесть крутых гор; Заживо погребенные; Продолговатый ящик; Ангел Необъяснимого; Литературная жизнь Какваса Тама, эсквайра; Лось (Утро на Виссахиконе); Тысяча вторая сказка Шехерезады; Разговор с мумией; Сила слов; Бес противоречия; Правда о том, что случилось с месье Вольдемаром; Сфинкс; Бочонок амонтильдо; Mellonta Tauta; Лягушонок; Фон Кемпеллен и его открытие; Как была набрана одна газетная заметка; Домик Лэндора. Дополнение к «Поместью Арнгейм»; Маяк.

222. По Э.А. Золотой жук: Рассказы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 287 с. 50 000 экз.

Содерж.: Метценгерштейн; Король Чума; Лигейя; Падение дома Ашероу; Вильям Вильсон; Убийство на улице Морг; Тайна Мари Роже; Низвержение в Мальстрем; Маска Красной смерти; Колодец и маятник; Сердце-обличитель; Золотой жук; Черный кот; Повесть Крутых гор; Заживо погребенные; Разговор с мумией; Похищенное письмо.

223. Пол (Pohl) Ф. Собрание сочинений: в 7 т. Т.6: Романы /Пер. Д. Арсеньев. – Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. – 544 с. – (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Врата; За синим горизонтом событий.

224. Пол Ф. Гладиаторы по закону. – М.: ГФ «Полиграфресурсы»; ТОО «Транспорт», 1993. – 512 с. – (Монстры Вселенной; Кн.11). 50 000 экз.

Содерж.: Гладиаторы по закону; Джем; Операция «Венера».

225. Пол Ф. Пришествие Квантовых Котов. – М.: ГФ «Полиграфресурсы»; ТОО «Транспорт», 1993. – 573 с. – (Монстры Вселенной; Кн.10). 100 000 экз.

Содерж.: Пришествие Квантовых Котов; Рифы космоса; Дитя звезд; Блуждающая звезда.

226. Пол Ф. Проклятие волков. – СПб.: Библиополис, 1993. – 416 с. – (ORION). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Ф. Пол, С. М. Корнблат. Проклятие волков; Ф. Пол. Век нерешительности; Рассказы: Чума Мидаса; Звездный отец; Дедушка-шалун; Призрак.

227. **Последний шанс:** Сборник /Сост. Э. Степанов. – М.: АГРА: Фирма «Инрезерв», 1993. – 528 с. – (Фантастический боевик). 100 000 экз.

Содерж.: К.К. Мак-Апп. Забыть о Земле; А. Реймонд. Мертвецы с «Доброй Надежды»; Л. Тирион. Затерявшиеся в космосе; А. Э. Ван Вогт. Война против рулл.

228. **Престон** (Preston) Г. Адский рейд; Пол Ф., Уильямсон Дж. Рифы космоса; Саберхаген Ф. Земля во власти волшебства. – М.: Энтальпия: Пилигрим, 1993. – 384 с. – (Мифы Вселенной). 50 000 экз.

229. **Путешествие к Арктуру:** Сборник /Пер. Ю. Барабаш и др.; Сост. А. Согрин, И. Петрушкин. – СПб.: Васильевский остров, 1993. – 414 с. 75 000 экз.

Содерж.: Роман: Д. Линдсей. Путешествие к Арктуру. Повести: Ф. Ж. Фармер. Пассажиры с пурпурной карточкой; Ч. Оливер. Одержимый страстью. Рассказы: Л. дель Рей. Мне отмщение, я воздам; Инстинкт.

230. **Пурнель** (Pournelle) Дж. Наемник /Пер. В.Федоров, И. Рошаль. – СПб.: Оверлайт, 1993. – 511 с. – (Оверлайт-САН). 10 000.

Содерж.: Дж. Пурнель. Наемник; Э. Купер. Последний континент; Э. А. Ван Вогт. Слэн.

231. **Рассел** (Russell) Э.Ф. Единственное решение /Пер. С. Васильева и др. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 423 с. – (Науч. фантастика). 200 000 экз.

Содерж.: Повести: Единственное решение; И послышался голос; И не осталось никого; Пробный камень; Рассказы: Ниточка к сердцу; Ниточка к сердцу; Небо, небо.; Кресло забвения; Эл Стоу; Свидетельствую; Будничная работа; Ко-

нец долгой ночи; Мыслитель; Вы вели себя очень грубо; Мы с моей тенью; Аламагуса; Немного смазки; Дьявология; Тайна мистера Визеля.

232. **Рассел Э.Ф.** Зловещий барьер: Романы, рассказ /Автор послесл. А. Балабуха. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 607 с. – 100 000 экз.

Содерж.: Зловещий барьер; Ближайший родственник; Оса; Абракадабра.

233. **Рассел Э.Ф.** Миг возмездия /Сост. А. Бобит. – Ростов н/Д: Гермес, 1993. – 495 с. – (Библиотека фантастики; Т.7). 50 000 экз.

Содерж.: Миг возмездия; Невидимый спаситель; Загадки планеты гандов; Сквозь дремучий ад.

234. **Рассел Э. Ф.** Оса: Роман. – М.: Б.и., 1993. – 217 с. 1 000 экз.

235. **Рейнольдс (Reynolds) М.** Фиеста отважных: Сборник /Пер. К. Королев, К. Кузнецов и др.; Сост. К. Королев. – М.: Мир, 1993. – 528 с. – (Зарубеж. фантастика). 50 000 экз.

Содерж.: Повести: Тайный агент; Фиеста отважных; Рассказы: Внутренний враг; Пойдем со мною рядом; Случай с инопланетянином; Толкач; Эксперт; Радикальный центр; Переключара; Лес за деревьями.

236. **Рорк!** Романы /Пер. Д. Арсеньев. – Пермь: Алетейа, 1993. – 464 с. – (Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: А. Дэвидсон. Рорк! Л. Спрэг де Камп. Башня Занида; А. Нортон. Колдовской мир.

237. **Саймак (Simak) К.** Собрание сочинений: Т.5. Посетители: Романы, рассказы /Пер. А. Григорьев, А. Филонов; Сост.

Д. Исаков. – М.: ТПО «Интерфейс», 1993. – 448 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Кольцо вокруг Солнца; Посетители;
Рассказы: Большая уборка на Солнце; Безумие с Марса.

238. **Саймак** К. Миры Клиффорда Саймака: Кн.1: Романы /Пер. А. Козловский, Н. Сосновская; Сост. В. Быстров. – Рига: Полярис, 1993. – 447 с. 100 000 экз.

Содерж.: Снова и снова; Игрушка судьбы.

239. **Саймак** К. Миры Клиффорда Саймака: Кн.2: Романы /Пер. И. Гурова, О. Битов; Сост. В. Быстров. – Рига: Полярис, 1993. – 384 с. 50 000 экз.

Содерж.: Заповедник гоблинов; Исчадия разума.

240. **Саймак** К. Миры Клиффорда Саймака: Романы /Сост. В.Быстров. – Рига: Полярис, 1993. – 352 с. 50 000 экз.

Содерж.: Принцип обратня; Могильник.

241. **Саймак** К. Вы сотворили нас!; Пересадочная станция; Кольцо вокруг Солнца: Романы /Пер. Д. Дмитриев, Арк. Григорьев, А. Корженевский; Сост. А. Балабуха. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 557 с. – (Науч. фантастика). 200 000 экз.

242. **Саймак** К. Выбор богов; Что может быть проще времени; Принцип обратня: Романы /Пер. Е. Воронько, Г. Темкин, А. Шаров. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 512 с. 200 000 экз.

243. **Саймак** К. Коллекционер: Сборник /Сост. Г. Дудкин. – М.: Радуга, 1993. – 367 с. – (Мастера соврем. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Рассказы: Коллекционер; Плацдарм; Упасть замертво; Без своей жизни; Разведка; Я весь внутри плачу; Роман: Кольцо вокруг Солнца.

244. **Саймак К.** Почти как люди: Романы /Пер. Л. Жданов, С. Васильева, И. Гурова. – Тверь: Россия – Великобритания; М.: Центрполиграф, 1993. – 496 с. – (Осирис; Вып. 22). 50 000 экз.

Содерж.: Город; Почти как люди; Заповедник гоблинов.

245. **Саймак К.** Принцип оборотня: Романы /Пер. А. Козловский, А. Шабрин. – М.: Амальтея; ГМП «Первая Образцовая тип.», 1993. – 478 с. – (Кронос). 75 000 экз.

Содерж.: Из их разума; Принцип оборотня; Игрушка судьбы.

246. **Саймон Х.** Приключения астронавта при дворе короля Артура /Пер. В. Акимова. – М.: Волгодонск: Инвест-ППП, СТ «ППП», 1993. – 109 с. 50 000 экз.

247. **Серлинг Р.** Полуночное солнце: Рассказы. /Пер. Г. Барановская, А. Молокин, Г. Сутрובה. – Н.Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. – 400 с. – (Фантастика. Приключения. Детектив). 100 000 экз.

Содерж.: Возвращение из забвения; Маскарад смерти; Дух Тикондероги; Там, в прошлом; Только правда; Убежище; Разборка с Рэнком Мак-Грю; Ночь смирения; Полуночное солнце; Скачок Рипа ван Винкля; Судная ночь; Проклятье семи башен; Мстящий дух; Сундук мертвеца; Дом на площади; Загадка гробницы; Escape clause; Пешая прогулка; Лихорадка; Куда это все подевались; Могучий Кэйси; Чудовища на улице Кленовой.

248. **Силверберг** (Silverberg) Р. Время перемен: Романы /Сост. А. Лютиков. – СПб.: АО «ЭГОС», 1993. – 702 с. – (Elite series). 50 000 экз.

Содерж.: Время перемен; Прыгуны во времени; Стархевен; Наблюдатели.

249. **Силверберг** Р. Замок лорда Валентина: Роман. – Екатеринбург: КРОК-центр, 1993. – 475 с. – (Иноземье). 200 000 экз.

250. **Силверберг** Р. Замок лорда Валентина: Роман. – Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993. – 432 с. – (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

251. **Силверберг** Р. Замок лорда Валентина: Романы. – Смоленск: Смядынь; М.: Ада, 1993. – 576 с. – (Классики зарубеж. мистики и фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Замок лорда Валентина; Хроники Маджипура.

252. **Силверберг** С и л ь в е р б е р г Р. Замок Лорда Валентина: Роман /Пер. М. Коркин. – СПб.: «СФИНКС СПб»; М.: «ВМКЦ», 1993. – 508 с. 50 000 экз.

253. **Силверберг** Р. Маджипурские хроники: Роман, рассказы /Пер. Д. Бакунин и др. – Орел: «Орел»; СПб. картогр. ф-ка ВСЕГЕИ, 1993. – 328 с. – (Stars). 25 000 экз.

Содерж.: Роман: Маджипурские хроники; Рассказы: Хранилище веков; Двойная работа; На перепутье; На Земле хорошо, а дома лучше; Торговцы болью; Скрытый талант; Тихий вкрадчивый голос.

254. **Силверберг Р.** Маски времени /Пер. К. Плешков, В. Гриценко, Ж. Волкова и др. – СПб.: АО «ЭГОС», 1993. – 768 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Вниз, в землю; За чертой; Маски времени; Рассказы: Прочь сомнения; Непригодный.

255. **Силверберг Р.** Миры Роберта Силверберга /Пер. К. Петров. – М.: Вече, 1993. – 415 с. – (Библиотека «Вече»). 100 000 экз.

Содерж.: Наковальня времени; Время перемен.

256. **Силверберг С и л ь в е р б е р г Р.** Плата за смерть: Роман, повести /Сост. А. Лютиков. – СПб.: «ЭГОС», 1993. – 702 с. – (Elite series). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Хозяин жизни и смерти; Через миллиард лет; Пасынки Земли; Повести: Пламя и молот; Плата за смерть.

257. **Силверберг С и л ь в е р б е р г Р.** После того, как не нужны нам стали мифы.: Романы, повести /Пер. А. Кон; Сост. И. Павловский. – М.: ПП «Полиграфия», 1993. – 655 с. – (Миры фантастики. Т.10.) 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Вверх по линии; Лагерь «Хоуксвилль»; Повести: Долина вне времени; Плата за смерть; Пламя и молот; Волшебница Азонды; Рассказы: После того, как не нужны нам стали мифы. Смерть труса.

258. **Силверберг Р.** Сын человеческий: Романы /Пер. В. Гриценко, А. Гузман; Авт. послесл. А. Азимов. – СПб.: АО «Эгос», 1993. – 704 с. (Elite series). 30 000 экз.

Содерж.: Сын человеческий; Умиравший изнутри; Степная башня.

259. **Силверберг Р.** Хроники Маджипура: Романы. – Екатеринбург: КРОК-центр, 1993. – 526 с. (Иноземье). 200 000 экз.

Содерж.: Хроники Маджипура; Время перемен.

260. **Силверберг Р.** Хроники Маджипура: – Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993. – 511 с. (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Хроники Маджипура; Повести: Космический бродяга; Ночные крылья; Поиски чародейки космоса; Здесь кто-то был; Пламя и молот; Рассказ: Скрой свой талант.

261. **Силверберг Р.** Ночные крылья. – СПб.: Библиополис, 1993. – 536 с. – (ORION). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Р. Силверберг. Ночные крылья; Человек в лабиринте; Л. Нивен. Рассказы: Полет лошади; Левиафан; Синица в руке; Волк в машине времени; Смерть в кабине; Синдром толпы; Какой прок от стеклянного кинжала.

262. **Симонс (Simmons) М.** Меч и радуга: Сага о Хелоте из Лангедока /Пер. Е. Хаецкая. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 510 с. 200 000 экз.

263. **След памяти:** Романы /Пер. Д. Арсеньев, Л. Ворошилова. – М.: РИПОЛ, 1993. – 432 с. – (Joker). 100 000 экз.

Содерж.: Дж. Боллард. Затонувший мир; К. Лаумер. След памяти.

264. **Смит (Smith) «Док» Э. Э.** Кровавое Око Сарпедиона: Романы, повести /Пер. М. Нахмансон, Т. Старшинов; Автор предисл. и сост. М. Нахмансон. – СПб.: АО «Спикс», 1993. – 384 с. 50 000 экз.

Содерж.: Э. Смит. Кровавое Око Сарпедиона; Звезды Империи; Железная Немезида; Пираты Космоса; Э.Гамильтон. Молот Валькаров.

265. **Смит** «Док» Э. Э. Сага о Ленсманах: Сериал. Кн.1. Трипланетие; Кн.2. Первый Ленсман: Романы /Пер. А. Антошульский, М. Нахмансон, О. Трофимов. – СПб.: АО «Спикс», 1993. – 442 с. 50 000 экз.

266. **Сташефф** (Stasheff) К. Чародей поневоле; Возвращение Короля Коболда: Романы /Пер. В. Федоров. – М.: Грифон: Зевс, 1993. – 570 с. – (Коллекционная фантастика; 1). 100 000 экз.

267. **Сташефф** К. Чародей раскованный; Чародей в ярости: Романы. – М.: Компания ГРИФ-Ф, Лтд., 1993. – 543 с. – (Коллекционная фантастика; 4). 50 000 экз.

268. **Стрэнтон** А. Универсальный солдат; Чужой-III. /Сост. А. Перов. – М.: НПО «Геолит», 1993. – 464 с. – (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

269. **Старджон** (Sturgeon) С т э р д ж э н Т. Искусники планеты Ксанаду: Рассказы /Авт. вст. ст. В. Гопман. – М.: Моск. рабочий, 1993. – 202 с. – (Ариадна: Детектив. Фантастика. Приключения). 30 000 экз.

Содерж.: Искусники планеты Ксанаду; Бог микрокосмоса; Крошка и чудовище; Скальпель Оккама; Ракета Мяуса; Особая способность.

270. **Стюарт** М. Кристальный грот: Роман. /Пер. С. Фролов. – Иркутск: Улисс, 1993. – 432 с. 50 000 экз.

271. **Стюарт** М. Кристальный грот : Роман /Пер. С. Блюмхен. – М.:Недра, 1993. – 446 с. – (Жен. роман. Приключения. Мелодрама. Детектив). 100 000 экз.
272. **Стюарт** М. Хрустальный грот; Диксон Г. Дикий волк /Пер. А. Гаража и др. – М.: Змей Горыныч, 1993. – 415 с. – (Жемчужины Змея: Фантастика). 50 000 экз.
273. **Толкин** (Tolkien) Дж.Р. Р. Властелин Колец: Роман : в 2 т. Кн.1–3 /Пер. Н. Григорьева, В. Грушецкий. Авт. вст. ст. Н. Григорьева. – М.: ТО «Издатель», 1993. – 448 с. 50 000 экз.
274. **Толкин** Дж. Р. Р. Властелин Колец: Роман : в 2 т. Кн.4–6 /Пер. Н. Григорьева, В. Грушецкий. – М.: ТО «Издатель», 1993. – 399 с. 50 000 экз.
275. **Толкин** Дж.Р.Р. Возвращение Государя: Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец». – Новосибирск: Новосибирск. кн. изд-во., 1993. – 332 с. 60 000 экз.
276. **Толкин** Т о л к и е н Дж. Р. Р. Сильмариллион. – М.: Триллер, 1993. – 351 с. 5 000 экз.
277. **Толкин** Дж. Р. Р. Сильмариллион /Ред. К. Толкин; Пер. Н. Григорьева, В. Грушецкий. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 384 с. 100 000 экз.
278. **Толкин** Дж. Р. Р. Сказки /Пер. А. Застырец и др.; Сост. И. Кормильцев. – Екатеринбург: Уральский рынок, 1993. – 182 с. 25 000 экз.

279. **Толкин** Т о л к и е н Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно /Авт. пересказа Ч. Диксон, Ш. Деминг. Пер. Л. Каминская. – М.: Интер В. М.; Пресс, Лтд., 1993. – 137 с. 100 000 экз. – комикс.
280. **Толкин** Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно /Пер. Н. Рахманова. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 351 с. 100 000 экз.

«СВЕРХНОВАЯ» В НОВОМ ГОДУ

Дорогие читатели, любители фантастики! Мы надеемся, что сумели заинтересовать Вас вспышками «Сверхновой», и Вы захотите продолжить знакомство с нами в 1995-м году.

Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России и СНГ. Подписной индекс «Сверхновой» – 73447 в журнальном каталоге «Газеты и журналы. 1995» и агентства «Роспечать».

Как и в этом году, редакция «Сверхновой» организует альтернативную подписку для жителей Москвы и тех, кому удобнее (да и дешевле) получать свежие номера журнала в наших пунктах распространения. Об условиях альтернативной подписки можно узнать в редакции по телефону 963-76-94 по вторникам и четвергам с 12 до 21 ч.

НИИ «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»

103617, Москва, К-617, корп. 1435.

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г. Подписано в печать 22.11.94.

Формат 60х84/16. Бумага типогр. № 1. Печать офсетная. Печ. л. 13.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 292. С-7.

Отпечатано с оригинал-макета
на полиграфической фирме «Красный Пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16